

История
Общество
Политика
2017
№4(4)

Брянский
государственный
университет
имени академика
И.Г. Петровского

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИКА

**№ 4(4)
2017**

ИСТОРИЯ. ОБЩЕСТВО. ПОЛИТИКА. 2017. №4 (4)

Сетевое научное периодическое издание.

Точка доступа: <http://www.clio-brgu.ru>. Размещено на официальном сайте журнала: 30.12.2017

Научное сетевое издание, в котором представлены результаты научных исследований в направлениях: теория, методология, историография; история и политика: метаморфозы и символы власти; интеллектуальная история; история повседневности; исторические портреты; политические науки: история и теория; история международных отношений; проблемы преподавания истории.

Редакционная коллегия

Председатель Редакционного совета: доктор филологических наук, профессор **А.В. Антюхов**.

Главный редактор: **С.В. Артамошин** - доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Заместитель главного редактора: **А.В. Федин** – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Члены редакционной коллегии:

И.В. Алферова - доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.Ф. Блохин - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

С.Ф. Блуменау - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.И. Золотов - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

А.В. Сагимбаев - кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

А.А. Чубур - кандидат исторических наук, профессор РАЕ, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

Е.А. Шинаков - доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Ответственность за фактические данные, представленные в статьях, лежит на их авторах

**HISTORY
SOCIETY
POLICY**

N 4 (4)
2017

HISTORY. SOCIETY. POLICY. 2017. №4 (4)

Network scientific periodical.

AP: <http://www.clio-brgu.ru>. Placed on the official website of the journal: 30/12/2017

Scientific network edition, which presents the results of research in the areas of theory, methodology, historiography; history and politics: Metamorphoses and symbols of power; intellectual history; history of everyday life; historical portraits; political science: history and theory; History of International Relations; problems of teaching history.

Editorial team

Chairman of the Editorial Board: doctor of philological sciences, professor **A.V. Antyukhov**.

Editor in Chief: **S.V. Artamoshin** - doctor of historical sciences, professor, Dean of the Faculty of History and International Affairs of the Bryansk State University. Acad. IG Petrovsky.

Deputy Editor: **A.V. Fedin** - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Members of the editorial board:

I.V. Alferova - doctor of historical sciences, associate professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.F. Blokhin - doctor of historical sciences, associate professor, head of the department of national history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

S.F. Blumenau - doctor of historical sciences, professor, head of the department of general history, international relations and international law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.I. Zolotov - Doctor of historical Sciences, Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

A.V. Sagimbayev - Candidate of historical Sciences, Associate Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

A.A. Chubur - Candidate of historical Sciences, Professor RANH, an assistant professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

E.A. Shinakov - doctor of historical sciences, professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Responsibility for the evidence presented in this paper lies with their authors

© Bryansk State University named after Petrovskii, 2017

© Authors, 2017

Содержание

Веймарская Республика

<i>Артамошин С.В.</i> Эрнст Юнгер: герой Великой войны и её героизация	7
<i>Вырупаева А.П.</i> «Мой путь не был усыпан розами»: Веймарская республика и ее первый президент Фридрих Эберт	11
<i>Копча Н.А.</i> А.Н. Нигилизм и революция в предисловиях Артура Меллера и ванн ден Брука к роману Достоевского «Бесы»	19
<i>Ланник Л.В.</i> Йозеф Бишоф – каждый фронт как последний	26
<i>Терехов О.Э.</i> Освальд Шпенглер и германская гуманитарная мысль в XX столетии в историографической ретроспективе	43
<i>Турьгин А.А.</i> Автократия по-византийски: монархическая риторика пангерманцев	55
<i>Хряков А.В.</i> Университетское сообщество Германии в годы Веймарской республики: дикурсивные стратегии немецкой профессуры	61
<i>Черноперов В.Л.</i> «Германская партия – одна из лучших» <i>versus</i> «Не доверять никаким немцам в коммунистической шкуре»: восприятие советскими партийными руководителями, дипломатами и журналистами ЛПГ и ее лидеров в годы Веймарской республики как объект пропаганды в годы Великой войны	76
О сетевом издании «История. Общество. Политика»	102

Государственный герб
и флаг
Веймарской Республики

УДК 943.085.2

С. В. Артамошин

ЭРНСТ ЮНГЕР: ГЕРОЙ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ И ЕЁ ГЕРОИЗАЦИЯ¹

Аннотация: В статье рассматривается проблема героизации Великой войны одним из ее участников, героем войны Эрнстом Юнгером. Исследуется участие Эрнста Юнгера в войне в качестве лейтенанта пехоты и последующее ее осмысление в послевоенных сочинениях. Анализируется механизм формирования образа героя и его влияние на общественное сознание Германии и мемориацию исторической памяти о Великой войне.

Ключевые слова: Великая война, Эрнст Юнгер, героизация войны.

S.V. Artamoshin (Bryansk State University) Ernst Junger: the hero of the Great War and its glorification

Abstract: The article deals with the problem of the heroization of the Great War by one of its participants, the war hero Ernst Junger. The participation of Ernst Junger in the war as a lieutenant of infantry is investigated and its subsequent comprehension in postwar writings. The mechanism of formation of the image of the hero and his influence on the public consciousness of Germany and the memorial of the historical memory of the Great War

Keywords: The Great War, Ernst Junger, the heroization of war.

Великая война 1914-1918 гг. явилась переломным событием мирового масштаба. После ее окончания мир был изменен до неузнаваемости, с карты Европы были стерты великие европейские монархии, долгие столетия определявшие судьбы континента, произошел надлом человеческих мироощущений перед ужасом окопной войны. Как и в любой войне, в Великой войне были свои герои, демонстрирующие героическое на полях сражений. Отличительной чертой этой войны было то, что героическое превращалось в мемориальную категорию, имеющую нравственные элементы и воздействующую на общество. В Германии большое значение приобрело осмысление войны и ее переживаний в силу того, что память о войне служила элементом объединения общества, поэтому герои Великой войны занимали особое место в политической и военной пропаганде.

Эрнст Юнгер является персоной культовой. Немецкий писатель, один из классиков немецкой литературы, блестящий стилист, проживший чуть больше века, свидетель и участник многих турбулентных изменений германской истории. Вместе с тем, применительно к проблеме героизации и осмысления памяти о Великой войне, он выступал как с двух сторон: как участник событий войны, героический лейтенант, командир штурмовой роты, кавалер многих германских боевых наград, а также он являлся тонким наблюдателем и сейсмографом войны, стремящимся понять ее суть и влияние на героические свершения германской армии. Его наблюдения трансформируют образ героя, наделяя его новыми чертами

Соприкосновение с войной Эрнста Юнгера произошло в 1914 г., когда по окончании ганноверской гимназии, он записался добровольцем на фронт, и был зачислен в 73-й ганноверский пехотный полк принца Альбрехта Прусского, попав на Западный фронт в декабре 1914 г. [6. S.110]. Пользуясь военной льготой, он одновременно поступил в Гейдельбергский университет, с отсрочкой обучения в университете до победы в войне. В начале 1915 г. при Лезэпарже в Шампани в своем первом бою он получил свое первое ранение. За всю войну в общей сложности Э. Юнгер насчитал 14 ранений в своем теле. По совету отца он поступил в

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ 15-01-00399

школу младших офицеров, а также по его рекомендации начинал писать дневники, которых сохранилось 14 книжек [6. S.118-119]. В них нашли отражения наблюдения и ежедневные фиксации событий, свидетелем которых ему довелось быть. На их основе, впоследствии появились знаменитые «В стальных грозах».

Военная биография Э. Юнгера достойна уважения. Он прошел путь от командира взвода до командира штурмовой роты. Будучи лейтенантом, принимал участие в битве на Сомме (24 июня – 26 ноября 1916г.). Правда, накануне сражения Э. Юнгер был легко ранен и отправлен в лазарет. Из принявшего участие в боях его взвода не выжил никто. После третьего ранения летом 1916 г. Э. Юнгер награжден Железным крестом первой степени. За героизм в битве при Камбре он был удостоен Рыцарского креста придворного ордена Гогенцоллернов[6. S.125]. После тяжелого ранения 1918 г. Э. Юнгер был награжден Золотым знаком за ранения и стал кавалером высшего прусского военного ордена *Pour le mérite*, учрежденного еще Фридрихом Великим. Последняя награда была большой редкостью для младших офицеров пехоты. Уведомляя Э. Юнгера об этом награждении, генерал фон Буссе в телеграмме писал: “Его Величество кайзер присуждает Вам Орден За Мужество (Ошибка переводчика - военный орден *Pour le mérite* означает «За заслугу»). Поздравляю Вас от имени всей дивизии”[1.с. 329]. В истории этой высшей воинской награды германской монархии он оказался последним офицером, награжденным этим высшим орденом, так как наступившая революция поставила точку не только в войне, но и в судьбе династии Гогенцоллернов[6. S. 126-127]. Для Э. Юнгера война закончилась. Начался процесс ее осмысления.

Стремление к героическим поступкам, совершению подвига во имя Отечества были определяющими мотивами юнгеровского стремления как можно скорее оказаться на фронте. «Нас, выросших в век надежности, охватила жажда большой опасности. Война, как дурман, опьяняла нас. Мы выезжали под дождем цветов, в хмельных мечтах о крови и розах. Ведь война обещала нам все: величие, силу, торжество. Таково оно, мужское дело, - возбуждающая схватка пехоты на покрытых цветами, окропленных кровью лугах, думали мы. Нет в мире смерти прекрасней... Ах, только бы не остаться дома, только бы быть сопричастным всему этому!»[1. с. 35].

Патриотические чувства, “любовь к нации” получили укрепление в войне, где окончательно были осознаны чувство долга, службы, преданности и жертвенности. Как писал Ханс-Петер Шварц, «<кровь, розы и прекрасные слезы> - эта эмоциональная сущность юнгеровского национализма здесь становилась непосредственно реальной»[7. S.65]. На эту эмоциональность ощущения войны указывала и М. Хитала. «Юношеское переживание войны было иррациональным, авантюрным опытом, связанным с сильным ударением на душевные переживания»[3. S. 43].

Фридрих Георг Юнгер, родной брат и участник войны, в своей знаменитой статье “Война и воин”, писал, что «война была великим знаком. <...> Поэтому для каждого человека, погруженного в глубины войны и сильно ощущавшего себя как ее носителя, это было реальным выражением времени; его образ указывал на очистительное содержание во всей личной ответственности борющейся жизни»[4.S.64-65]. Анализируя военные переживания современный германский исследователь Б. Циманн называет военные произведения Э. Юнгера “книгой героев”, рассматривая его как чрезвычайно здравого наблюдателя и хрониста телесного, душевного и психического разрушения человека посредством насилия войны [8. S.65].

Система ценностей фронтовиков Великой войны включала в себя товарищество, дисциплину, повиновение, храбрость и жертвенность. Там, «где народы борются, исчезает ослабленный дух пышности; борьба руководствуется обнаженностью, нескрываемостью, без-

жалостностью. Массовость людей и материалов, протяженность фронтов, безмашинная сеть сражений и боев, их непрерывная жестокость, включение тыла в борьбу, возрастающий ужас борьбы выступает средством, уничтожающим все знаки новой решимости, образы воли, решительно выступающие из всех фаз войны» [4. S.55-56].

Солдатский подвиг на войне может выступать как проявлением исключительных действий бойца, так и быть обычной рутинной военной работой, за которой скрывается повседневный героический труд. Проявлением героического в сражении выступает бой. «В бою, на войне все договоренности между людьми разрываются как переплетенные тряпки попрощайки, поднимающийся зверь как таинственное чудовище, выходящее из основ души. Да еще выстрелы, изнуряющее пламя, непреодолимое головокружение, опьяняющее массы, возвышение над армиями божественного, где все мысли и дела объясняются в формуле, а также должны растаять инстинкты и приспособиться к ужасно простой цели – уничтожению противников. Это будет оставаться, пока люди ведут войны, и войны будут вестись, пока еще возвращается звериная наследственная часть в крови» [5. S.7-8].

Таким образом, полотно войны не вызывает радостных чувств у автора. Э. Юнгер отражает поле войны как какую-то живодерню, когда «вокруг лежали еще дюжены трупов, сгнивших, оцепеневших, ссохшихся в мумии, застывших в жуткой пляске смерти». Однако тела противников – это «трупы храбрых защитников, ружья которых все еще торчали в амбразурах» [1. С.56]. «Во время войны, - подчеркивает автор, - я всегда стремился относиться к противнику без ненависти и оценивать его соответственно по его мужеству. Моей задачей было преследовать врага в бою, чтобы убить, и от него я не ожидал ничего иного. Но никогда я не думал о нем с презрением» [1. с. 90].

Э. Юнгер писал о том, что однообразная окопная жизнь заставляла солдат искать способ преодолеть тоску. Единственным средством преодоления её были ночные вылазки в окопы неприятеля. Они были опасны, но именно в них еще можно увидеть проявление индивидуальной войны и героической повседневности. «Эти мелкие вылазки всегда действуют возбуждающе, - кровь бежит быстрее, мысли рождаются сами собой» [1. С.182].

Однако сама война все больше теряла черты рыцарского поединка, в котором главную роль играл каждый отдельный рыцарь (воин). Окопная война, «траншея, напротив, превращает войну в ремесло, война в наемного работника смерти, тянущихся кровавых будней» [5. S.25]. Отражением измененного характера войны стал пулемет – машина по уничтожению живой силы противника. В пулеметной войне индивидуальность исчезает, а война становится войной техники, а не индивидуальных бойцов.

Новый характер войны породил и новый тип солдата - безымянного солдата. Он выступал «носителем максимума активных добродетелей: доблести, готовности и воли к жертве. Его добродетель заключается в том, что он может быть замещен, и что для каждого павшего в резерве уже имеется смена» [2. с.231]. Этот образ имел определенные человеческие черты. «Образом солдата тех дней, каким его запечатлела моя память, был часовой, стоявший у амбразуры в остроконечной серой каске со сжатыми кулаками в карманах длинной шинели, пыхающий своей трубкой над ружейным прикладом» [1. с.42]. Таким образом, Э. Юнгер прописывал образ представителя поколения войны, окопного фронтовика, перерожденного в войне и смотрящего на мир под иным ракурсом. «Дух битвы материй и траншейных сражений, бесцеремонных, буйных, кроваво фехтующих как когда-то другими [ценностями], выработанными людьми, на основе которых они никогда до сих пор не смотрели на мир. Это, в целом, новая раса, зараженная воплощенной энергией и высшей силой. Гибкое, худощавое, жилистое тело, характерное лицо, окаменевшие под каской глаза с тысячей страхов. Он ликвидатор, стальная натура, настроенная на борьбу в своей ужасающей форме.

<...> Жонглер смерти, мастер взрывчатки и пламени, великолепный хищник, быстро перебегающий в траншеях. В момент встречи быть воплощением ведущей борьбы, которую может вынести мир, оттачивающее собрание тел, интеллигенцию воли и смысла» [5. S.33].

Э. Юнгер подчеркивал, что большее значение в войне имеют не воинские фортификационные укрепления, а воля их защитников к борьбе. «Не в мощных укреплениях было дело, а в силе духа и бодрости людей, стоявших за ними» [1. с.43]. Э. Юнгер дает четкую характеристику участнику войны, повседневному герою окопных сражений: «Сражения мировой войны имели и свои великие мгновения. Это знает каждый, кто видел этих властителей окопов с суровыми, решительными лицами, отчаянно храбрых, передвигающихся гибкими и упругими прыжками, с острым и кровожадным взглядом, - героев, не числящихся в списках. Окопная война – самая кровавая, дикая, жестокая из всех войн, но и у нее были мужи, дожившие до своего часа, - безвестные, но отважные воины. Среди воинствующих моментов войны ни один не имеет такой силы, как встреча командиров двух ударных частей между узкими глинобитными стенами окопа. Здесь не может быть ни отступления, ни пощады. Кровь слышна в пронзительном крике прозрения, кошмаром исторгающегося из груди» [1. с.256]. Как отмечал Ф.Г. Юнгер, в войне сформировался «тот солдатский тип, который тверд, трезв, кровав и непрерывен, образующий развертывающийся материал битвы. Его характеризует нервный шаг рожденного борца, выражение его одинокой ответственности, душевного одиночества. В этом круге, было всегда продолжено в глубоком слое, сохранившим свой ранг. Путь, которым он шел, был узок и опасен, но это был путь, который вел в будущее» [4. S.65].

Эрнст Юнгер выделял в Великой войне героическое как проявление повседневной жизни солдата, которое сопровождается как исключительными героическими поступками, так и выполнением воинского долга в повседневной боевой обстановке. Рутинные, незаметные герои войны были основой стойкости обороны, от которых зависело удержание боевых позиций подразделением. Героизация войны играла в творчестве Э. Юнгера как роль сохранение памяти о героических страницах, так и должно было послужить формированию новой германской элиты, прошедшей сквозь огонь войны и готовой создавать новое германское будущее.

Библиографический список

1. Юнгер Э. В стальных грозах/Пер. с нем. Н.О.Гучинской, В.Г.Ноткиной. – СПб., 2000.
2. Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт// Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли /Пер. с нем. А.В.Михайловского. – СПб., 2000.
3. Hietala M. Der neue Nationalismus: In der Publizistik Ernst Jüngers und des Kreises um ihn.1920-1933. – Helsinki, 1975.
4. Jünger F. G. Krieg und Krieger// Krieg und Krieger, hrsg. v. E. Jünger. – Berlin, 1930.
5. Jünger E. Der Kampf als inneres Erlebnis. Berlin, 1922.
6. Kiesel H. Ernst Jünger, Die Biographie. – München, 2009.
7. Schwarz H.-P. Der konservative Anarchist. Politik und Zeitkritik Ernst Jüngers. – Freiburg im Breisgau, 1962.
8. Ziemann B. Gewalt im ersten Weltkrieg: Töten-Überleben-Verweigern. –Essen, 2013.

Сведения об авторе:

Артамошин Сергей Викторович, доктор исторических наук, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, **e-mail: artamoshinsv@mail.ru**

УДК 94(430)

А.П. Вырупаева

«МОЙ ПУТЬ НЕ БЫЛ УСЫПАН РОЗАМИ»: ВЕЙМАРСКАЯ РЕСПУБЛИКА И ЕЁ ПЕРВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ ФРИДРИХ ЭБЕРТ

Аннотация: В статье представлена биография первого президента Веймарской республики Фридриха Эберта. Освещаются основные моменты его партийной и государственной деятельности. Приводятся восприятия современниками и исторические оценки его деятельности и личности.

Ключевые слова: Веймарская республика, Фридрих Эберт, СДПГ, Ноябрьская революция, Магдебургский процесс, президент.

Вырупаева А.П. „I hadn't roses on my way“: Weimar Republic and its first president.

Abstract: The article represents biography of the first president of Weimar Republic Friedrich Ebert. The author deals with main moments of his party and state activity. Perception of his contemporaries and historical evaluations of his activity and personality are given

Key words: Weimar Republic, Friedrich Ebert, SPD, November Revolution, court in Magdeburg, president.

Никто не сделал для веймарской демократии больше чем он, и никого не ругали больше, чем его. Никто не перенёс за это время столько издевательств и клеветы» [8. 26]. С этих слов в немецком журнале «Гео Эпохе» начинается статья про Фридриха Эберта, написанная его внуком публицистом Генрихом Янеке в 2007 г.

Фридрих Эберт, 1918 г.

В настоящее время заслуги первого президента Веймарской Германии и единственного демократа во главе страны с 1871 по 1945 гг. безоговорочно признаны в немецком обществе. В бывшей столице ФРГ – городе Бонн – существует фонд имени Фридриха Эберта, где регулярно проводятся различные мероприятия и издаются книги, посвящённые разным аспектам развития демократии в мире. В фонде работает большая библиотека и архив. В Германии регулярно выходят биографии первого президента Веймарской республики. Практически всегда это объёмные труды на сотни страниц.

Однако до сих пор фигуру Эберта приходится защищать. Каждый, кто берётся за его биографию, делает это, например, хотя бы в отношении такого спорного вопроса, как «пакта Эберта-Грёнера».

Споры вокруг фигуры Эберта начались ещё во времена его жизни. Не случайно, упомянутая статья его внука начинается со слов о ненависти и клевете.

В республике Эберта ненавидели «левые», считавшие его «предателем рабочих», который не довёл революцию до «логического» конца – социализма, и «правые», не простившие ему Ноябрьскую

революцию и подписание «позорного» Версальского мира. Для многих рядовых немцев он являлся «выскочкой»: консервативно настроенные жители воспринимали как наглость то, что преемником кайзера стал бывший подмастерье шорника.

Фридрих Эберт был классическим представителем Социал-демократической партии Германии (СДПГ) своего времени: выходец из низов, простой трудящийся без высшего образования. Его движение вверх по партийной лестнице было долгим и медленным – от мелкого агитатора к председателю партии.

Эберт уроженец южной Германии. Родился 4 февраля 1871 г. в семье портного в Гейдельберге. Был седьмым из девяти детей. Закончил 8-летнюю школу. В своём автобиографическом наброске писал: «В возрасте 17-ти лет, будучи шорником, покинул малую родину и после 3-летних скитаний осел в Бремене. Как и большинство рабочих-социалистов, пришёл в партию через профсоюзное движение. Во внутривластной борьбе всегда стоял против левых радикалов» [8.29].

Отметим, эту его характерную черту: отказ от доктринёрства и ставка на прагматику. Реальная деятельность всегда интересовала Эберта больше, нежели марксистская теория. Его было не переубедить в понимании демократического социализма как процесса: «Социализм есть работа», – заявлял он.

Эберт неизменно оставался человеком дела, твёрдо стоящим на ногах реалистом, не разделяя ни страхи, ни далеко идущие надежды современной ему социал-демократии [3.13]. Показательно, что, когда его вводили в новую должность секретаря президиума партии, надеясь преисполнить благоговейным ужасом, то молодой человек думал, прежде всего, о том, как обзавестись печатной машинкой и телефоном [3.14]. Немецкий историк Хорст Мёллер объясняет практичность социал-демократа не только свойством характера, но и историческими условиями прихода в партию: после 1890 г. закон о преследовании социалистов был отменён и, социал-демократы могли вполне спокойно работать для достижения собственных целей.

*Молодая семья:
Фридрих Эберт с женой Луизой и тремя сыновьями*

Точная дата вступления Фридриха Эберта в СДПГ неизвестна [7]. Скорее всего, к социалистическому движению он примкнул во времена своих скитаний по Германии. Эти 3-летние переезды сыграли большую роль в становлении его мировоззрения: Эберт увидел, как живут простые люди по всей стране.

Его второй родиной стал Бремен, куда он переехал в 1891 г. Здесь он занимался вопросами взаимопомощи рабочих, организации обучающих курсов, партийных заседаний, избирательных кампаний, работал редактором «Бремен Бюргер-Цайтунг». Наряду с этим обзавёлся – в арендованном помещении – небольшой закуской, которая превратилась в место встреч членов местной партийной организации.

Здесь он женился. Его избранницей оказалась работница фабрики Луиза Румп, подарившая ему четырёх сыновей и дочь, и ставшая преданной помощницей в его деятельности на всю жизнь. Но времени для размеренной семейной жизни у Эберта не хватало. Позднее его дочь Амалия вспоминала, как мало видела отца, всё время занятого работой [8.29].

В Бремене Фридрих Эберт получил не только партийный, но и парламентский опыт деятельности: с 1900 по 1905 гг. он являлся членом городского собрания. Параллельно регулярно занимался самообразованием.

Вскоре активного бременского товарища заметили и пригласили в Берлин на пост секретаря партийного правления. В 1912 г. его избрали в рейхстаг и после смерти патриарха немецкой социал-демократии – «короля рабочих» – Августа Бебеля он возглавил СДПГ.

С более чем сотней своих депутатов СДПГ являлась сильнейшей фракцией кайзеровского рейхстага. Однако в партии существовала глубокая трещина между «левыми» программными марксистами и «правыми» прагматичными реформистами.

Во время Первой мировой войны этот раскол углубился, а в 1917 г. между товарищами произошёл окончательный разрыв: левая оппозиция вышла из состава партии и образовала Независимую социал-демократическую партию Германии (НСДПГ).

Основным камнем преткновения выступила война: социал-демократы большинства, ратуя за единство нации перед внешней опасностью, поддерживали правительство и военные кредиты, левая оппозиция, рассматривая войну, как империалистическую, и требовала отказа в поддержки властям и отпора со стороны трудящихся.

На завершающем этапе Первой мировой, в ноябре 1918 г. в Германии разразилась революция. Стратовым событием стало восстание матросов в Киле. Революция стремительно

расползалась по стране как «масляное пятно», кайзер бежал, в городах власть переходила к Советам; чтобы избежать анархии и сползание к «большевизму», социал-демократы большинства решили возглавить революционное движение, призвав на помощь независимых.

10 ноября 1918 г. был образован революционный орган власти «Совет народных уполномоченных» (СНУ), состоящий из 6 членов, по три от каждой партии. Формально возглавляли его Фридрих Эберт и председатель НСДПГ Гуго Гаазе, но фактическим главой являлся Эберт, ставший ключевой фигурой внутренней и военной политики этого периода.

*Семья Эберта в 1916 г.
Двое из его сыновей – Генрих и Георг –
погибнут на фронтах Первой мировой войны.*

Первый кризис разразился уже в день образования СНУ. В Берлине власть оказалась в руках рабочих и солдатских Советов, которые попытались установить революционный порядок. Это привело к контактам между Эбертом и генералом Вильгельмом Грёнером, вторым человеком в Верховном главнокомандовании. В телефонном разговоре генерал уверил социал-демократа в лояльности армейского руководства при наведении «спокойствия и порядка», если в свою очередь революционное правительство пообещает внутреннюю автономию армии.

Пакт «Эберта-Грёнера» до сих пор воспринимается «левыми» как «предательство рабочих», когда новая власть во главе с социалистами наводила «порядок», борясь с радикальными массами, с помощью реакционных военных. Однако, по мнению многих исследовате-

лей, у Эберта не было другого выбора для спасения парламентской демократии. Трагедия состояла в том, что он обратился за помощью к людям, которые так же мало ценили демократию, как и те, с кем он собирался бороться [8.33].

Договорённости с военными, натолкнувшись на непримиримую позицию левых радикалов, привели к печальным последствиям.

На Рождество марксистский «Союз Спартак» призвал отомстить «предателям революции» - Эберту, Шейдаману и Вельсу¹ – и довести её до логического конца с установлением власти советов по русскому образцу. В итоге конфронтация между правительством и «спартакотами» переросла в гражданскую войну. Центром сопротивления стала «Народная морская дивизия», матросы которой захватили Городской замок, осадили здание правительства, заняли центральную телефонную станцию, городскую комендатуру и арестовали коменданта Берлина, социал-демократа Отто Вельса.

После того, как Эберт узнал, что с Вельсом плохо обращаются, он приказал военным использовать оружие для «наведения порядка». В итоге против революционных матросов были применены тяжёлые орудия и огнемёты. Похищенный комендант города был освобождён. По воспоминаниям, «Вельс выглядел как приведение. Лицо было серое, глаза пустые. По его словам, матросы ставили его к стене с угрозами один, второй, третий раз... Его одежда была запачкана, жилет изорван, руки тряслись, он едва мог держаться на ногах» [Цит. по: 8.34].

Декабрьские бои закончились поражением матросов и предопределили конец революционного правительства. В знак протеста против военного подавления рождественских беспорядков, независимые разорвали коалицию с СДПГ и отозвали своих представителей из СНУ. Но на левом фланге также произошёл раскол. «Спартакоты» порвали с НСДПГ и основали «Коммунистическую партию Германии» (КПГ).

Очередная – ещё более мощная – революционная волна началась в январе 1919 г. и снова со всей жестокостью была подавлена силой под руководством нового военного министра, члена СДПГ Густава Носке.

«Эберт, – вспоминал современник, – сильно страдал от того, что дорога спасения демократии, по которой пошла Германия, оказалась связана с уличной борьбой и насилием» [Цит. по: 8.35-36].

Но Эберту удалось главное: в декабре 1918 г. в Берлине состоялся Первый всеобщий съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, большинство которых – 334 голоса против 98 – отклонили предложение о введении в Германии системы советов и проголосовали за выборы в Национальное собрание. Таким образом, Германия становилась на путь парламентской демократии. Для Эберта это было крайне важно, т.к. несмотря на свои социалистические убеждения, он считал, что нельзя действовать насилием и навязывать свою волю. Решать судьбу Германии, согласно его мнению, должны были все немцы, а не представители одного общественного класса.² Как справедливо было замечено, Эберт в решающие моменты жизни всегда действовал как демократ, но не как социалист [3.45].

19 января 1919 г. состоялись выборы в Национальное собрание. В первый раз в Германии в выборах участвовали женщины. Явка составила 83%. Однако результаты для СДПГ были не утешительными. Оставшись сильнейшей партией, социал-демократы не смогли со своими 38% голосов достичь абсолютного большинства.

¹ Все трое были членами СДПГ. Фридрих Эберт и Филипп Шейдемманн являлись на тот момент членами СНУ, Отто Вельс – комендантом Берлина.

² Отсюда – неприятие Эбертом революционных методов борьбы, выраженное, в том числе, в его знаменитой фразе: «Я ненавижу революцию как смертный грех».

6 февраля 1919 г. в Веймаре собрался первый парламент республики. Из-за беспокойного положения в Берлине, Национальное собрание перенесли в этот тихий, центральный город Германии. Именно здесь должна была появиться на свет новая конституция, а также найти решение другие ключевые вопросы времени: выборы главы государства, формирования правительства и заключение мирного договора.

На полгода – с февраля по август – город Гёте и Шиллера стал политическим центром Германии, где 11 февраля Фридрих Эберт был избран первым президентом республики.

В своей благодарственной речи, президент заявил, что является «сыном рабочего класса, взращённый идеями социализма, и не собирается отречься ни от своего происхождения, ни от своих убеждений» [8.36], но вместе с тем подчеркнул, что на своём посту будет действовать как представитель целой нации беспристрастно в отношении партийных симпатий и антипатий.

При обсуждении конституции возник тяжелый конфликт между первым и вторым председателями партии – Фридрихом Эбертом и Филиппом Шейдеманом. Речь шла о полномочиях рейхспрезидента: Эберт настаивал на широких правах, Шейдеман, напротив, выступал за репрезентативную функцию главы государства.

Однако первый социал-демократ настоял на своём. Значительной, прежде всего, оказалась 48 статья новой конституции, которая наделяла президента чрезвычайными полномочиями, предоставляя возможность применять вооружённую силу, «если в пределах Германской империи серьёзно нарушены общественная безопасность и порядок», а также приостанавливать гарантии основных конституционных прав [1].

Став президентом, Эберт всегда держал руку на пульсе. Его рабочий день был чрезвычайно насыщен и расписан по минутам. Он требовал постоянных отчётов от «своих» рейхсканцлеров и неустанно участвовал в заседаниях кабинета. Особо интересовался внешнеполитическими вопросами, регулярно встречаясь с министром иностранных дел и получая от него детальные сообщения о внешнеполитическом положении.

В то время, когда конституция в Веймаре начала постепенно обретать свои очертания, в

Президент Фридрих Эберт и руководитель президентской канцелярии Отто Мейснер, который будет служить как Эберту, так Гинденбургу и Гитлеру

стране разразилась новая волна насилия. В Берлине два месяца спустя после восстания спартаковцев, КПГ призвала к вооружённой борьбе против «угнетателей пролетариата», в Мюнхене и Бремене левые радикалы провозгласили Советскую республику. Повсюду в Германии – от Саксонии до Рура – вспыхивали восстания. И везде была жестокая борьба.

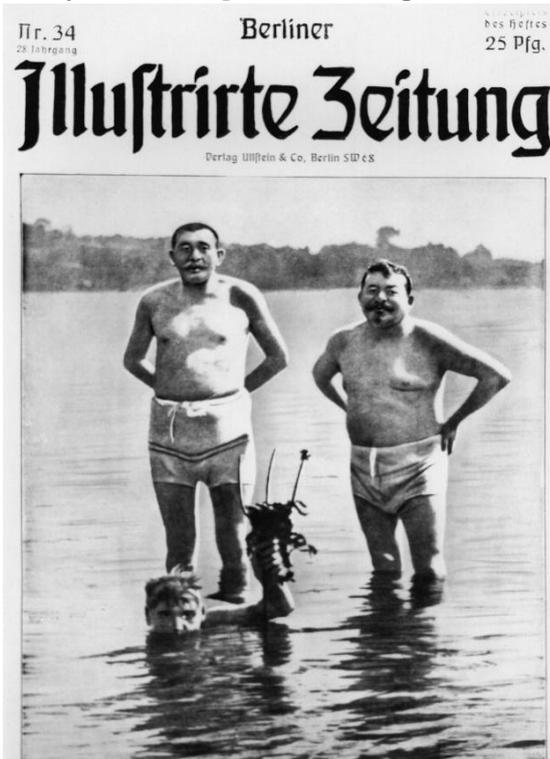
К внутренним проблемам добавились внешние: весной бывшие противники передали условия мирного договора. Германии предъявлялись тяжёлые территориальные, экономические и военные требования. В случае отказа угрожали оккупацией её территории. Национальное собрание собралось на чрезвычайное заседание. Единодушное мнение парламента и правительства сводилось к формуле: «Неприемлемо!». Шейдеман заявил: «Пусть отсохнет рука, подписавшая такой мир!».

Эберт колебался. Невыносимой, как и многим другим, ему казалась статья, которая объявляла единственной виновницей в развязывании войны Германию. Однако военное руководство его переубедило, заявив, что у рейха нет другого выбора.

Объективно договору сопротивляться Германия не могла. Это было связано, как с её безнадёжным военным положением, так и с не менее отчаянной ситуацией со снабжением продовольствием. В итоге, Национальное собрание проголосовало за мирный договор и 28 июня 1919 г. немецкая делегация подписала «мир позора» в Зеркальном зале Версальского дворца. В Германии мирный договор вызвал смешанные чувства: с одной стороны, облегчение ввиду усталости от войны, с другой, разочарование ввиду унижительного поражения.

Четыре недели спустя после подписания мирного договора, Национальное собрание в Веймаре приняло новую конституцию. Согласно Основному закону, Германия провозглашалась республикой, где «государственная власть исходит от народа» [1]. Для Эберта этот день станет исполнением его желаний: цель – демократическая Германия – достигнута. Но, как выражался он сам, «демократии нужны демократы». А последнего молодой республике, казалось, явно не доставало.

В день присяги президента конституции на обложке «Берлинер Иллюстрирте Цайтунг» появилось оскорбительное фото: Эберт и Носке стоят на берегу Балтийского моря в плавках для купания [5.1]. Фото шокировало немецких обывателей. Однако дело сводилось не только

Скандальная обложка «Берлинер Иллюстрирте Цайтунг» предложила карикатурный взгляд на новых лидеров

к полуобнажённой фигуре президента: в то время мужчины при купании, как правило, использовали цельные купальные костюмы, поэтому многими плавки воспринимались как что-то неприличное [4.45-47].

Фото в первую очередь имело не эстетический, а политический эффект. На нём представители молодой демократии подспудно противопоставлялись деятелям кайзеровской Германии, всегда корректно одетым в униформу с наградами на груди. На обложке «Берлинер Иллюстрирте» Эберт и Носке, по словам консервативного современника, «красовались по-республикански просто – в плавках для купания» [Цит. по: 4. 48]. Последние целенаправленно превращались правым лагерем в символ ненавистной республики.

Современными исследователями доказано, что издательство поместило изображение сознательно [4.47]. Более того, фотография была обработана. Изначально это было групповое фото, где Эберт и Носке – одни из пяти фотографирующихся. Но изображение обрезали, сфокусировав внимание на президенте.

В последующие годы купальные плавки станут неотъемлемым атрибутом карикатур на президента, как в «правой», так и в «левой» печати. В целом, авторы шаржей постоянно будут акцентировать внимание на «простоватости» главы государства – полноватая фигура, мешковатый костюм, бородка, «как у капитана из Марселя», нахлобученная на бок рабочая фуражка.

Веймарская республика окажется государством, с которым не могли себя идентифицировать многие среднестатистические немцы. Она родилась из поражения, которое являлось её позорным пятном; она не обладала традициями и символами, которыми бы хотелось гордиться [8.39].

Эберт попытается исправить ситуацию. Он сделает «Песнь немцев» с акцентом на третий куплет – «Право и свобода для немецкой Отчизны!» - национальным гимном. Однако немцы охотнее будут петь первую, подчеркнуто националистическую строчку: «Германия, Германия превыше всего...». Он введёт черно-красно-жёлтый флаг, как национальную эмблему, но государственные цвета республики многие насмешливо будут именовать как «чёрно-красно-горчичный», «чёрно-красно-желточный» или «чёрно-красно-дерьмовый» [2.212]. Некоторые будут продолжать вывешивать из окон кайзеровский чёрно-бело-красный стяг.

Но главной проблемой Эберта и республики станет отсутствие стабильной власти. За 14 республиканских лет в стране сменится 12 различных канцлеров, 20 министерских кабинетов и восемь рейхстагов.

Ни одна партия в это время не хотела участвовать в создании правительства, боясь потери поддержки среди своих избирателей. Через участие в кабинете, с точки зрения социал-демократов, их партия, таким образом, «продавалась» бы буржуазии, с точки зрения правых сил – революционерам и «предателям». Для Эберта было большой проблемой найти кандидата, который был в состоянии сформировать новую дееспособную власть.

При этом демократические партии, оказываясь в тисках между «правыми» и «левыми», неуклонно утрачивали свой вес.

СДПГ теряла поддержку, не сумев больше достичь того количества голосов, которое она получила на выборах в Национальное собрание: 38% в 1919 г. против 20% в 1932 г. [6.802-803]. Либеральная Немецкая демократическая партия (НДП) за годы Веймара превратилась в незначительную силу, которую вместо прежних 18% поддерживал всего 1% избирателей [6.802-803]. В то время как КПП в Берлине и других больших городах продолжала играть существенную роль, увеличив долю своих сторонников с 2% в 1920 г. до 16% в 1932 г. [6.802-803]. А на противоположном фланге поднималась новая грозная сила – Национал-социалистическая рабочая партия Германии (НСДАП).

Единственным гарантом устойчивости демократии, благодаря своему положению, оставался президент. За эти годы Фридрих Эберт стал символом нелюбимой республики. И, по мнению его внука, чем дольше он ей служил, тем более одиноким становился. Собственная партия отдалялась от него, регулярно поносимого консерваторами, «левые» и «правые» ненавидели, а многие презрительно воспринимали как выскочку-шорника; у президента не было ни дня без оскорблений [8.40].

На клевету Эберт реагировал болезненно, пытаясь отстоять своё честное имя в многочисленных судебных процессах. В 1924 г. он подаёт иск против автора статьи, обвинившего его ввиду поддержки забастовок военных заводов в январе 1918 г. в измене. Суд в Магдебурге признал поведение обвиняемого оскорбительным, но посчитал его юридически правым: «в уголовно-правовом отношении» Эберт, как руководитель забастовки, «совершил предательство родины».

Магдебургский процесс, с помощью которого президент надеялся приостановить поток льющейся грязи, окончательно его измотал. Здоровье стало стремительно ухудшаться. 24 февраля 1925 г. врачи диагностировали запущенный аппендицит и потребовали немедленной госпитализации. Операция уже не могла его спасти. 28 февраля в 10 часов утра Фридриха Эберта не стало.

В исторической литературе остаётся спорным вопрос о том, является ли Фридрих Эберт великим государственным деятелем немецкой истории. Авторитетный специалист по

Веймарской республике Генрих Август Винклер считает главным и бесспорным его достижением – избежание анархии и хаоса в период Ноябрьской революции, «установление взаимопонимания и сотрудничества между умеренными силами рабочего класса и буржуазии» на протяжении всего существования Веймара [2.337].

«Большинство лиц буржуазного класса, получивших университетское образование и смотревших на него сверху вниз как на „высочку“, он далеко превосходил в том, что касается политической образованности и культуры» [2.338], – отмечает Винклер.

Однако, по его мнению, в фигуре Эберта прослеживается «очевидная ограниченность как политика», т.к. у него «не было чутья в отношении опасностей, связанных с частым использованием 48 статьи», он «часто полагался на суждения военных советчиков и бюрократов», не смог ликвидировать старый рейхсвер. Поэтому Фридрих Эберт не может быть причислен к выдающимся государственным деятелям немецкой истории [2.337].

«Мой путь не был усыпан розами, – писал Эберт в конце своей жизни. – Тем не менее, я продолжаю его уверенно и твёрдо» [Цит. по: 8.40]. В этом – «дороге через тернии к звёздам» – и состояла главная заслуга первого президента первой немецкой демократии.

Библиографический список

1. Конституция Веймарской республики [Электронный ресурс]. – URL: <http://law-students.net/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=261&page=1>
2. Винклер Г.А. Веймар 1918-1933 гг. История первой немецкой демократии. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2013.
3. Мёллер Х. Опыт одной незавершённой демократии. – М.: РОССПЭН, 2010.
4. Albrecht N.H.M. Die Macht einer Verleumdungskampagne: Antidemokratische Agitationen der Presse und Justiz gegen die Weimarer Republik und ihren ersten Reichspräsidenten Friedrich Ebert vom „Badebild“ bis zum Magdeburger Prozeß. Wissenschaftliche Arbeit zur des Grades PhD am Fachbereich Kulturwissenschaft der Universität Bremen. – Bremen, 2010. // [Electronic resource]. – URL: https://elib.suub.uni-bremen.de/diss/docs/E-Diss358_albrecht.pdf
5. Berliner Illustrierte Zeitung, 1919. № 34.
6. Büttner U. Weimar. Die überforderte Republik 1918 – 1933. – Bonn: BPB, 2010.
7. Friedrich Ebert, 1871 – 1825. Vom Arbeiterführer zum Reichspräsidenten. Haupttexte der Ausstellung von Bernd Braun, Michael Epkenhans und Walter Mühlhausen. // [Electronic resource]. – URL: <http://library.fes.de/fulltext/historiker/00211005.htm#LOCE9E5>
8. Jaenecke H. Friedrich Ebert. Das Gesicht der Republik. // GEO Epoche, 2007. № 27.

Иллюстрации.

Рис.1. Портрет Фридриха Эберта. [Electronic resource]. – URL: http://www.fes.de/archiv/adsd_neu/inhalt/downloads/ebert.htm#

Рис.2. Молодая семья. [Electronic resource]. – URL: <http://library.fes.de/fulltext/historiker/00211005.htm#LOCE9E5>

Рис.3. Эберт в кругу родных. [Electronic resource]. – URL: <http://library.fes.de/fulltext/historiker/00211005.htm#LOCE9E5>

Рис.4. Президент Фридрих Эберт и руководитель президентской канцелярии Отто Мейснер. [Electronic resource]. – URL: <http://library.fes.de/fulltext/historiker/00211005.htm#LOCE9E5>

Рис.5. Обложка «Брелинер Иллюстрирте Цайтунг» в 1919 г. [Electronic resource]. – URL: <http://library.fes.de/fulltext/historiker/00211005.htm#LOCE9E5>
<https://www.welt.de/geschichte/article165861535/Diese-Bilder-oeffneten-den-Blick-auf-die-Welt.html#cs-Friedrich-Ebert-mit-Gustav-Noske-beim-Baden-in-der-Ostsee-2.jpg>

Сведения об авторе:

Вырупаева Анна Павловна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Русско-Британского института управления, Челябинск, annavyrupaeva@yandex.ru

НИГИЛИЗМ И РЕВОЛЮЦИЯ В ПРЕДИСЛОВИЯХ АРТУРА МЕЛЛЕРА ВАН ДЕН БРУКА К РОМАНУ ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ»

Аннотация: Статья рассматривает политическую рецепцию Достоевского в Германии на примере трех предисловий Артура Меллера ван ден Брука к первому собранию сочинений русского писателя. Исследуется процесс политической адаптации «чужого» в аспекте нигилизма и революции.

Ключевые слова: Консервативная революция, Артур Меллер ван ден Брук, Достоевский, нигилизм, революция, народ

Kopcha N.

Nihilism and Revolution in forewords of Arthur Moeller van den Bruck to Dostoyevsky's novel "Demons"

Abstract: The aim of this article is to explore Reception of Fedor Dostoyevskij in Germany by Arthur Moeller van den Bruck. The primary task is to describe and to determine, how the thought of the Russian Writer was released and transformed in the context of Conservative Revolution. The analyses of reception will be demonstrated on three forewords to the novel "Demons" in the aspect of nihilism and revolution.

Keywords: Conservative Revolution, Arthur Moeller van den Bruck, nihilism, revolution

В юбилейный год Русской революции в научных кругах было проведено множество мероприятий и конференций, написано большое количество статей и монографий, широкой публике были представлены различные театральные постановки, на телевидении были показаны многосерийные фильмы, посвященные революционным событиям в России. Однако в большинстве случаев из виду упускались темы, касающиеся влияния этого переворота и его предпосылок на Европу, в частности на Германию, которая в это же десятилетие переживала переходный период. Недостаточно проработана тема так называемой Консервативной революции и ее связи с Россией. В данной статье будет показано, как идеолог и вдохновитель консервативно-революционного движения Артур Меллер ван ден Брук рассматривал феномен революции в России через призму восприятия Достоевского.

В немецкой рецепции Достоевского до 1905 года можно выделить три основные линии: во-первых, при жизни он считался натуралистом, который продолжал традиции французской литературы, во-вторых, он рассматривался как психолог, в-третьих, на рубеже веков русский писатель воспринимался как мистик, познавший русскую душу.

В 1906 году на фоне культурного пессимизма и роста радикально-консервативных настроений в Германии начинает зарождаться новая линия в рецепции Достоевского – политизированная. Возникают вопросы, почему изменилась рецептивная перспектива и почему именно Достоевский стал отправной точкой для понимания революционных событий в России. В этой связи можно выделить три направления: внешнеполитическое, внутривнутриполитическое и предполитическое.

Как носитель русской народной идеи Достоевский отвечал внешнеполитической программе Германии конца XIX века. С одной стороны, Германия усиливала свои позиции в Европе, в которой уже долгое время господствовали Великобритания и Франция, поэтому оба государства воспринимались немецким правительством как препятствие в целенаправленной деятельности. С другой стороны, с 1890-х гг. Германия вела политику экспансионизма, с це-

лью присвоения новых территорий. В Достоевском немцы увидели отражение этой политики, которая была провозглашена, прежде всего, в его публицистических сочинениях. Во-первых, Достоевский критиковал либерализм, что соответствовало набиравшему силу радикальному национализму. Во-вторых, он утверждал, что рано или поздно Константинополь будет принадлежать России [10, с.268], что на рубеже веков подразумевало не только идеологию Третьего пути, но также экспансионизм в чистом виде.

Мысли Достоевского и немцев гармонизировали также на внутривосточном уровне. Его призыв к национальному, к народу и почве был связан с поиском немецкой идентичности. Достоевский был, как известно, почвенником, видя неразрывную связь между народом и землей, которые, по его соображениям, вели к открытию национального начала и объединению человечества. Его почвеннические идеи отвечали программе немецких радикальных националистов. Однако следует подчеркнуть, что под народом он подразумевал социальный слой, в то время как в Германии понятие «народ» было синонимом «нации», распространившимся в период Наполеоновских войн [3].

Достоевский наблюдал народ также предполитически, что сыграло решающую роль в его немецкой рецепции и сделало его довольно популярным в новом культурном контексте. Как считал Достоевский, русский народ олицетворял собой метафизическую духовную силу, которая могла бы объединить все народы. В этом он видел историческую миссию народа, сокрытую в глубинах национального духа. Немцы были вдохновлены таким подходом, и концепция Достоевского для некоторых интеллектуалов стала образцом для подражания в пропаганде идеи «немецкого народа» (*deutsches Volkstum*).

Главным реципиентом и посредником в период новой волны адаптации наследия Достоевского стал Артур Меллер ван ден Брук, идеолог Консервативной революции. В 1904 году в Париже Меллер, еще молодой публицист, написавший к тому времени сочинения, посвященные культуре и литературе Германии, а также других европейских стран, знакомится с балтийскими немками Лесс и Люси Керрик. Люси, вскоре ставшая женой Меллера, предлагает новый, большой по своему масштабу проект – первое собрание сочинений Достоевского на немецком языке. С этой идеей Меллер приходит в недавно основанное издательство «Piper», где с 1906 по 1919 гг. и позже с многочисленными переизданиями этот проект реализовывался. Меллер выступил в роли издателя, Лесс Керрик занялась переводами, взяв псевдоним Е.К. Разин. К участию в проекте были также приглашены Дмитрий Мережковский и Дмитрий Философов. Подробно об истории первого собрания сочинений Достоевского на немецком языке пишет Кристоф Гарстка [1]. Собрание стало невероятно популярным во многом благодаря пятнадцати предисловиям, которые были написаны Меллером и которые ввиду нового взгляда на Россию и ее место в истории вызвали волну дискуссий в интеллектуальных кругах Германии.

С одной стороны, Меллер был классическим посредником, который интегрировал Достоевского и его идеи в немецкую культуру. С другой стороны, на фоне революционных событий в России и Германии он, изначально придерживаясь неоконсервативных взглядов, постепенно пытается выйти на политическую сцену. После подписания Версальского мирного договора в 1919 году он основал идеологическое движение «Консервативная революция», а также издал несколько идеологически окрашенных книг, среди которых было сочинение «Третий Рейх» [6]. В течение этого времени Достоевский все время оставался объектом рецепции Меллера. Это касается не только предисловий вышеупомянутого издания, но также нескольких публицистических статей, выходящих в газете «Gewissen» [2].

В работе над Достоевским у Меллера можно выделить два процесса: проекция и трансформация. Он проецирует свои собственные, сформировавшиеся к началу XX века полити-

ческие убеждения на Достоевского, при этом не заботясь о правильном понимании Достоевского как на языковом, так и на идейном уровне (важно отметить, что Меллер не владел русским языком и читал его в переводах Лесс Керрик). Таким образом он трансформирует мысли Достоевского, чтобы приспособить их к утверждению собственных идей о «молодых» и «старых» народах, немецкой национальной идентичности. При этом Достоевский, критиковавший при жизни Германию, почти становится авторитетом у немецких радикальных националистов, а позже национал-социалистов. Это можно увидеть, например, в диссертации философа Рихарда Каппена [4], напечатанной уже в 1936 году. Эта диссертация, а также многочисленные работы, посвященные Достоевскому и вышедшие в 1920-30-е годы, были написаны за счет небывалой популярности первого собрания сочинений, публиковавшегося Меллером.

В своих предисловиях Меллер выступает не как критик культуры или историк, а как идейный первопроходец нового национального сообщества, которое было уже подготовлено к самоутверждению перед Первой мировой войной. В предисловиях речь идет не о рефлексии над последовательностью исторических событий, а о формировании понятного нарратива, который смог бы способствовать самоутверждению нового национального сообщества в его идеологической основе. Меллер старается доходчиво объяснить сущность русского народа и народного характера, а также объявить об исторической миссии немецкого народа. Такой подход он использует, с тем, чтобы утвердить свою точку зрения на политическом уровне на фоне свершившихся исторических событий. Он добивается идеологического воздействия посредством того, что трансформирует Достоевского.

В 1906 году Меллер издает первый том – роман Достоевского «Бесы». Сюжет должен был объяснить немецкой публике причины первой Русской революции. Так начинается политизированная интеграция Достоевского в немецкое культурное пространство. Но не сам роман, а предисловие к нему, написанное Меллером, представляет собой особый интерес.

До 1922 года роман переиздавался несколько раз. Как издатель Меллер написал к нему три предисловия, причем в разные исторические периоды: «Наблюдения о Достоевском» (1906) [5], «Достоевский, нигилизм и революция» (1919) [8], «Нигилизм и революция» (1922) [7].

Уже первое предисловие представляет собой динамичный текст. Меллер начинает с эстетических аспектов, а к концу фокусируется на политическом у Достоевского. Здесь Меллер пытается утвердить русскую литературу как новый феномен в мировой культуре. «Русская литература – это литература молодого народа» [5, с.7], – так звучит первое предложение. Этот тезис важен тем, что он содержит в себе три аспекта, которые впоследствии станут основой идеологии Меллер: Россия, русская литература (при том, что у Меллера Достоевский всегда стоит в первом ряду) и народ. В этом тексте речь идет о мифологии русского народа, что в предвоенном мире отвечало тенденциям неороматизма и набиравшей популярность русской религиозной философии. Сам роман определяется Меллером как «революционный эпос» [5, с.XIV], так что действительное (революция) объединяется с неоархаическим (национальный эпос). Однако тема революции в ее политическом смысле появляется лишь к концу предисловия и не является основной. В предисловии доминирует культурно-философский контекст, в котором рассматривается образ Достоевского-революционера как создателя «действительной мифологии» [5, с.XII] в мировой литературе. Но к концу Меллер отчетливо вводит тему политики. Именно политика является, по его мнению, необходимой стезей на пути к всечеловеческой любви и реализации спасительной миссии русского народа. Меллер утверждает, что Достоевский написал свою «самую русскую» книгу только тогда, когда прошел путь от революционера до создателя русской мифологии, и тогда, когда «его жизнь стала политической» [5, с.XVI].

В 1919 г. Меллер окончательно переходит к рассмотрению «Бесов» в политическом контексте. Германия потерпела поражение в Первой мировой войне, после которой была вынуждена подписать крайне унижительный Версальский мирный договор, в России свершились две революции, власть перешла к большевикам – все эти события послужили поводом к написанию двух совершенно новых предисловий к роману Достоевского, вышедших с разницей в три года. В это же время растет популярность Меллера: он позиционирует себя как противник Веймарской республики и в своих трудах борется против итогов войны. На этом фоне его раннее культурно-философское предисловие к «Бесам» теряет свою актуальность.

Главной темой двух новых предисловий является нигилизм, что отражено в заголовках: «Достоевский, нигилизм и революция» и «Нигилизм и революция». В этих текстах образ Достоевского дополняется собственными политическими взглядами Меллера. Он выступает уже не как посредник между двумя культурами, а как самостоятельный субъект, объясняющий суть революционных событий. Рецепция Достоевского во всех предисловиях многослойна и не имеет последовательного развития, однако, можно выделить две основные рецептивные линии, объединяющиеся темой нигилизма. Во-первых, это восприятие Достоевского через его биографию. Во-вторых, речь идет об адаптации Достоевского в новых реалиях посредством сопоставления его с западноевропейским контекстом и русским историко-политическим контекстом. При этом в последнем предисловии к «Бесам» Меллер усиливает значение роли русского народа в русской революции.

Кроме того, Меллер пытается наполнить известные факты из жизни новым содержанием, при этом снижая степень его присутствия в качестве основного объекта рассмотрения, с тем чтобы интегрировать свою собственную точку зрения, что уже видно в упомянутых выше заголовках.

В предисловии «Достоевский, нигилизм и революция», опубликованном в 1919 году, на первый план выходит тема преодоления нигилизма Достоевским в 1840-е гг., когда он был членом кружка Петрашевского. Именно нигилизм, как считает Меллер, является исходным пунктом и ядром русской революции. Новое предисловие можно рассматривать как логическое продолжение или даже расширение «Наблюдений о Достоевском» 1906 года. Если первый текст заканчивается тезисом, что Достоевский стал «великим русским поэтом» [5, с. XV] и политиком только после ссылки в Сибирь, то в своем новом сочинении Меллер углубляется в биографию русского писателя и реконструирует тот путь, который прошел Достоевский от воодушевления ранним западным социализмом до принятия русского консерватизма, от петрашевцев до осознания собственной миссии, основанной на почвеннических взглядах.

Главной проблемой для Меллера становится вопрос, что понимал под нигилизмом Достоевский. Он считает, что для русского писателя это прежде всего «эгоизм», «искоренение», «моральный распад» и «болезнь» [8, с. VII]. В этой связи он определяет нигилиста как «человека девятнадцатого века, и, возможно, еще двадцатого» без «любви и доверия» [8, с. VIII]. Меллер противопоставляет нигилизму русский народ, характеризующийся «отсталостью», которая, однако, должна восприниматься позитивно, потому что речь идет об отсутствии вмешательства извне. Главные качества народа – «естественность», «внутренняя красота», «мистическая предрасположенность к новой наивной морали» [Там же]. Чтобы понять, как Достоевский пришел к идее русского народа, олицетворяющего человеческую любовь, Меллер останавливается на двух событиях в жизни Достоевского, которые изменили его сознание. Речь идет об участии в кружке Петра Петрашевского и дальнейшей ссылке в Сибирь.

Говоря о прозападной и «нерусской» [8, с. IX] направленности петрашевцев, Меллер видит в них предпосылку нигилизма, хотя на тот момент такого понятия с политико-

революционной коннотацией еще не существовало. Она придет позже, с публикацией романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» в 1862 году, после чего в Европе нигилизм стали связывать с русским революционным движением. Тем не менее, Меллер рассматривает участников кружка как радикалов, несмотря на то, что лишь небольшая их часть была за радикальное решение проблем в форме крестьянского восстания. Молодой Достоевский был осужден за чтение письма Белинского к Гоголю перед членами кружка. И здесь Меллер утверждает, что фактически русский писатель не принадлежал этому кругу, потому что было «что-то», что «внутренне» его от них отдаляло и сближало со славянофилами. И в качестве поворотного пункта Меллер приводит в пример эпизод с письмом, когда Достоевский стоял «еще между партиями». Он приходит к выводу, что Белинский был первым в России нигилистом и «либеральным публицистом западной направленности», который пропагандировал «социалистическое учение западных стран» [8, с.XIII]. Достоевский, согласно Меллеру, не принял идеи Белинского, потому что они ставили материалистические ценности над человеческими, социализм над христианским сознанием, что было воспринято Достоевским как «кощунство» и «заболевание» [Там же].

Для Меллера петрашевцы – нигилисты, которые находились под давлением западноевропейской «тенденции, партии и пропаганды» [8, с.XV]. И такой нигилизм Достоевский преодолел и «обратился к народу». Меллер выдвигает один из своих главных тезисов, которые объясняют, что он понимал под революцией в восприятии Достоевского: «Было лишь одно различие между революционером из доктрины, который совершает преступление против государства, потому что он хочет утвердить себя, и революционером из инстинкта, который в порыве возвращает преступление обратно в природу, который жертвует своим Я ... То, что было у него инстинктом, стало сознательностью. Также в качестве революционера он стал русским, и более русским, чем революционером» [Там же]. Из цитаты видно, что Меллер выделяет два типа революционера: первый тип подразумевает ориентированного на Запад нигилиста, второй тип – это русский народ, который Достоевский познал в Сибири. Это народ, который находится под властью порыва и инстинкта, в чем и проявляется его революционная природа, но в первоначальном, «духовном» смысле. Этот тип Достоевский открыл в Сибири у ссыльных, которые были «ближе к земле» [8, с.XVI]. С другой стороны, Меллер наблюдает, как Достоевский в ссылке пришел к консерватизму, преодолев нигилизм и осознав в себе инстинкт, свободный от давления западных социалистических идей. Таким образом, Достоевский у Меллера выступает и как революционер «из инстинкта», и как консерватор: «[Достоевский] поднялся на духовный уровень, где стояли великие люди, которые соединяли свое политическое, всегда консервативное мышление со своим метафизическим сознанием, как Августин, как Данте» [8, с.XXIV]. В этом предложении затрагивается важная для Меллера тема консерватизма, но не того классического консерватизма, который уже перед войной переживал кризис, а нового, ставшего основой воззрений Меллера и его сподвижников.

Чтобы обосновать значимость Достоевского для Германии, Меллер косвенно связывает его с Ницше. И Достоевский, и Ницше хотели преодолеть нигилизм, но Достоевский «стоит на другом конце той же оси» [8, с.XII], потому что в отличие от немецкого философа, русский писатель не говорит о новом герое, а воссоздает человека как «святого и пророка» [8, с.XI]. Меллер характеризует Достоевского как психолога, который осознал в себе нигилизм как «злое начало» и как отделение от народа. Если нигилизм – болезнь, то исцелением станет возвращение к народу, к «доброму началу», что Достоевский, который «думал народами» [Там же], показал в своих произведениях.

Важно указать на то, что Армин Молер, первый исследователь и автор книги „Консервативная революция в Германии 1918-1932», представляет нигилизм в качестве ведущего образа в этом неоконсервативном движении. Он пишет о двух стилях, которые вобрал в себя немецкий нигилизм: русский и ницшеанский. Молер определяет русских нигилистов как «социал-революционных анархистов» [9, с.92], отрицавших некоторые формы государства и общества. Тем не менее, Молер не упоминает Достоевского, говоря только о Ницше как о ключевой фигуре для младоконсерваторов, в то время как в тексте Меллера ван ден Брука Ницше служит лишь фоном.

Меллер не останавливается в своем предисловии только на биографии Достоевского. Через заданную дифференциацию он пытается объяснить, что является стержнем русской революции и что привело к написанию «Бесов». Он обращается к историческому контексту России. Если Достоевский познал русского в себе, пребывая в Сибири, то тем временем в Санкт-Петербурге в тайных обществах и в русской эмиграции развивались «анархические» и «нигилистические» [8, с.XVII] настроения. Такой взгляд отвечает той мысли, что нигилизм в западноевропейском пространстве ассоциировался с анархизмом. Меллер реконструирует историю русского революционно-нигилистического движения, вводя мотив бесовства. В качестве первой фазы он называет «политическую демонологию русского народа» [Там же] и декабристское восстание, после чего он говорит о сектанстве и приближается к «аморальному нигилизму», а также «социальному коллективизму» [Там же] народа. Петрашевцы как «первые нигилисты» пытались найти тактику сближения с народом, которая реализовалась в студенческом пропагандистском движении «хождение в народ», что Меллер находит у Достоевского в эпизоде с крестьянином Федькой. Меллер также упоминает в этой связи о женских сообществах, о типе студентки-нигилистки, о тайных типографиях. Но именно петрашевцы стали, по Меллеру, основой для «Бесов», где нигилизм представлен как «человеческий эгоизм».

Третье предисловие «Нигилизм и революция» вышло с новым изданием романа в 1922 году. Меллер усиливает роль русского народа относительно революции, в то время как роль Достоевского редуцируется, что видно уже в названии. Исчезает тема преодоления нигилизма. Меллер идет другим путем и развивает собственную, независимую от Достоевского интерпретацию истории русского нигилизма. Он выделяет два направления: народно-религиозный и политический нигилизм. Теперь на первый план выходит проблема нигилизма, приведшая к революции. И не Достоевский определяет нигилизм как корень русской революции, как это можно наблюдать в предыдущем предисловии, а, наоборот, Достоевский и его политические взгляды формируются вследствие развития русского нигилизма.

В этой обновленной интерпретации Меллер выделяет четыре стадии становления русского политического нигилизма: декабристы, петрашевцы, Базаров и народники. Три из этих нигилистических предпосылок были упомянуты Меллером еще в 1919 году, но теперь они рассматриваются немного под другим углом. Усиливается критика западноевропейского влияния, в то время как ранее она касалась лишь петрашевцев и проявлялась в интерпретации личных переживаний Достоевского, его собственном неприятии позитивизма. Теперь Меллер расширяет исторический контекст, критикуя, например, учение Карла Маркса, повлекшего за собой разрушение России. В 1922 году Меллер отстаивает свою собственную позицию, направленную против Запада, но посредством русской революционной истории.

Что касается народно-религиозного нигилизма, то Меллер связывает его, прежде всего, с православным народом, населяющим Сибирь. Здесь возникает тема церковного раскола, с которой Меллер начинает свое последнее предисловие к «Бесам». В раскольниках он видит первых настоящих нигилистов, которые не приняли новые церковные реформы, чтобы «ос-

таться православными». Меллер считает, что это была первая нигилистическая волна, которая привела нигилистов в Сибирь, где постепенно возникали различные сектантские группы, как например, штундисты, молокане и духоборцы. Эти группы развивали «пиетистски-добродетельный» нигилизм и положили начало «нигилистическому расколу русского народа» [7, с.30]. Меллер подчеркивает, что русский народный нигилизм всегда религиозный и что имя главного героя из романа «Преступление и наказание» означает именно нигилистическую позицию в религиозном плане.

Вторая волна народного нигилизма, которая образовала сибирский народ, распространилась, как утверждает Меллер, после реформ Петра, в котором многие увидели антихриста. Эти нигилисты, не приняв ориентированные на Запад реформы, ушли в Сибирь или были туда сосланы, став «братством сброда, но братством в свободе» [7, с.32].

Подводя итог, можно сказать, что в данных предисловиях, написанных Меллером ван ден Бруком к «Бесам» Достоевского, можно наблюдать определенную динамику, обусловленную внешними историческими событиями. Меллер не пишет критические литературоведческие темы и не анализирует сам роман Достоевского, а проецирует наследие русского автора на свои сформировавшиеся политические взгляды. Подход Меллера избирательный: у Достоевского он берет те факты из жизни или темы, которые могли бы стать подспорьем для идеологии Консервативной революции, направленной против Запада и ориентированной на национальные начала.

Библиографический список

1. Garstka, Christoph. Arthur Moeller van den Bruck und die erste deutsche Gesamtausgabe der Werke Dostojewskijs im Piper-Verlag 1906-1919. Eine Bestandsaufnahme sämtlicher Vorbemerkungen und Einführungen von Arthur Moeller van den Bruck und Dmitrij S. Mereschkowskij unter Nutzung unveröffentlichter Briefe der Übersetzerin E. K. Rahsin. – Frankfurt : Peter Lang, 1998.
2. Gewissen. Berlin: Gewissen, 1.1919, 1 (April) – 11.1929, 13 (März).
3. Gschntzer, Fritz / Koselleck, Reinhart / Wagner, Karl Ferdinand. Volk, Nation, Nationalismus, Masse. In : Geschichtliche Grundbegriffe : historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland / hrsg. von Otto Brunner. – Stuttgart : Klett-Cotta, 1992. Bd. 7. S. 141-431.
4. Kappen, Richard. Die Idee des Volkes bei Dostojewski. Bonn, Univ., Diss., 1935.
5. Moeller van den Bruck, Arthur. Bemerkungen über Dostojewski // F. M. Dostojewski : Die Dämonen. Sämtliche Werke, Erste Abteilung : Fünfter Band. München und Leipzig: Piper, 1906. S. VII-XV.
6. Moeller van den Bruck, Arthur. Das Dritte Reich. 1. Auflage. Ring Verlag, 1923.
7. Moeller van den Bruck, Arthur. Der Nihilismus und die Revolution // F. M. Dostojewski : Die Dämonen. Sämtliche Werke, Erste Abteilung : Fünfter Band. München und Leipzig: Piper, 1922. S. VII-XXIV.
8. Moeller van den Bruck, Arthur. Dostojewski, der Nihilismus und die Revolution // F. M. Dostojewski : Die Dämonen. Sämtliche Werke, Erste Abteilung : Fünfter Band. München und Leipzig: Piper, 1919. S. VII-XXIV.
9. Mohler, Armin. Die Konservative Revolution in Deutschland 1918–1932. Darmstadt: Wiss. Buchges., 1994.
10. Достоевский Ф.М. Дневник писателя // Собрание сочинений : в 15 томах / Ф.М. Достоевский. Санкт-Петербург : Наука, 1995. Т. 14.

Сведения об авторе:

Копча Наталия Александровна – аспирант международной аспирантской программы IGK 1956 «Культурный трансфер и ‘культурная’ идентичность – немецко-русские контакты в европейском контексте» (РГГУ Москва, Университет Альберта Людвига Фрайбург)

ЙОЗЕФ БИШОФ – КАЖДЫЙ ФРОНТ КАК ПОСЛЕДНИЙ

Аннотация: в статье анализируются субъективные факторы в формировании личности и карьере одного из лидеров антибольшевистской борьбы в Прибалтике Й. Бишофа, дается оценка роли и месту поколенческих особенностей и политических пристрастий этого человека в событиях 1919 г.

Ключевые слова: революционные биографии, Й. Бишоф, Первая мировая война, фрайкоры, «балтийцы».

Lannik L.V. Josef Bischoff - Every Front as the Last One

Abstract: The article examines the influence of the social background and personal history in formation of the identity of J. Bischoff - one of anti-Bolshevist struggle leaders in the Baltic states. The author is trying to assess the place and role of specific generation features and political preferences of this person in the course of events of 1919.

Key words: revolutionary biographies, J. Bischoff, First World War, Freikorps, Baltikumer.

1. Характерные черты революционных героев.

Революции всегда воспринимались современниками и протекали как флуктуации. В общем водвороте революционных событий зачастую принято искать и точки бифуркации, однако далеко не всегда анализ был направлен именно на эти цели, граничащие порой с жанром альтернативной истории. Напротив, долгое время принято было объяснять их объективными причинами, доказывать неизбежность и естественность большинства событий. Разумеется, такой подход во многом верен, однако он никогда не объяснял ни природы, ни нюансов флуктуаций, а стремился примитивизировать и их генезис, и ход, и последствия. Та же участь постигала и тех, кто всегда чувствует себя на историческом переломе наиболее комфортно, то есть маргиналов.

Именно высокая степень приспособляемости к крайне неустойчивой революционной обстановке всегда позволяла маргиналам действовать особенно уверенно, причем под видом самых радикальных борцов за Старый или Новый порядок. Только революция давала им возможность абстрагироваться от того факта, что ни в том, ни в другом у них нет никаких перспектив, ведь в обстановке социальной стабильности маргиналы почти всегда воспринимаются как неудачники. Люди этого типа всегда становятся заметными фигурами лишь в особую, переходную эпоху, а 1918-1921 гг. были таковыми в истории не только Европы, но и всего мира. Этот промежуток вовсе не был ни простым эпилогом Великой войны, ни всего лишь началом новой эры, как считали в самых различных идеологических кружках – от Шпенглера до Троцкого. Послевоенные годы являлись самостоятельной, особой эпохой, однако в полной мере понять это, придать им (и их деятелям) первостепенное значение те, кто видел логику лишь Старого или Нового порядка не могли. Открыть эту эпоху для других, в том числе и для будущих исследователей, могли бы лишь сами маргиналы, ярко проявившие себя в те годы, если бы они обладали необходимым литературным талантом и попытались ретроспективно проанализировать самые значительные моменты в своей биографии. Например, это удалось Э. фон Заломону, особенно это касается его бестселлера «Der Fragebogen», а событиям, прямо связанным с Й. Бишофом посвящен его первый роман «Geächteten» [30; 31], а вот большинству других маргиналов – примеров тому масса в самых различных странах – нет. Как правило, это было вызвано нежеланием переосмыслить прошедшую флуктуацию, признать необратимость ее итогов. Как и многие деятели масштабных, но кратких эпи-

зодов в мировой истории, например, ряд героев Отечественной и Освободительной войн 1812-1814 годов, маргиналы послевоенной эпохи 1918-21 гг. остались в ней на всю свою жизнь, вне зависимости от того, закончилась ли она почти сразу (как у Н. Гумилева или Л. Шлагетера) или затянулась аж до начала Холодной войны.

Достаточно общий набор характерных признаков революционной эпохи, типичность хода флуктуаций и манера действий главных акторов всегда порождали навязчивые и даже намеренные аналогии. Вероятно, в каждой европейской стране искали (или инсценировали) своего Марата, Робеспьера, Тьера, Ленина, Рёма и т.д. Таким образом, маргинальность (анти)героев (контр)революции всегда была вполне ощутима, однако объяснение этой общей черте, основания для аналогий всегда искали в другом: проводя идеологические параллели, находя функциональные и методологические сходства и т.д. Достаточно часто обходить «неудобный» для исследования аспект психологии революционных акторов позволяли поколенческий подход, анализ социального облика, приоритет создаваемой в последние десятилетия заново истории империй и империализма [см., напр.: 6].

Письменные источники, особенно нарративы, всегда дают массу информации, домыслов и вариантов объяснений, однако и они становятся жертвой своего рода маргинализации, ведь имеет место и сознательное, и бессознательное искажение хода событий, роли в них тех или иных личностей, причем в первую очередь автора повествования, если оно ведется от первого лица. Даже вполне официальные документы революционной эпохи всегда обретают элементы публицистики, мемуары напоминают (и порой волей их создателей) приключенческие романы, а первые попытки «историзации» событий неизменно оказываются исполнением разного качества идеологического заказа, как «властей», так и «оппозиции», зачастую меняющихся впоследствии местами, отчего достоверность подобных объективных версий проигрывает еще больше.

В свою очередь, исследователи, в лучшем случае констатируя маргинальность, не намерены были воспринимать ее как базовую черту биографии или важнейшую черту психологии, считая лишь одним из второстепенных и косвенных факторов, следствием – например, «классового происхождения» или недостатка образования, - но никогда не ставя в фокус анализа. Одной из причин такого изъяна являлось и то, что маргинальность - и как феномен, и как один из параметров социального бытия конкретного индивидуума представляет собой очень сложную проблему для исследователя. Ее проявления легко спутать или списать на действие неких объективных условий, на стечение обстоятельств, хотя в действительности анализ биографий маргиналов зачастую убеждает в обратном: маргинальность является наиболее устойчивой чертой их жизненного пути, ее проявления приобретают системный характер, определяют стиль жизни, куда бы ни забросила такого человека судьба.

Именно поэтому особое значение в изучении революционных эпох обрел биографический жанр, что могло бы показаться парадоксом: ведь столь перегруженный субъективными обстоятельствами предмет, казалось бы, вовсе не должен становиться полем применения именно биографического подхода, неизменно пристрастного к центральной фигуре исследования. Тем не менее, «пристрастность» зачастую означает внимание к тем деталям, которые при другой методике исследования попросту остаются невостребованными, ведь для этого понадобился бы скрупулезный учет нюансов повседневности. Именно в биографиях отнюдь не обязательно схематизируют хаос субъективных мотивов, а такие попытки всегда ведут к дополнительным искажениям и игнорированию массы «излишней» информации. Только биографии способны сосредоточиться на тех факторах, что придают особый, личный «коэффициент» ходу событий, являются первопричиной или катализатором многих флуктуаций, призванных затем представить исход революционного процесса как единственно возможный.

Разумеется, даже самые талантливые маргиналы не могут изменить глобальных тенденций и здесь не место очередному спору о роли личности в истории и революции, однако вряд ли приходится сомневаться в том, что они всегда являются ярким симптомом в и без того острых болезнях социума. В обстановке флуктуации они не могут предопределять логику происходящих перемен, даже если сами претендуют на это, однако маргиналы, безусловно, вносят немалый личный вклад в определении их темпов и цены. Благодаря этому революционная биография, при всей ее неизбежной описательности, оказывается столь незамеченной как направление в исследованиях, особенно если они касаются тех альтернатив развития, которые не реализовались и не имели на это шансов, однако были вполне отчетливо поставлены на повестку дня.

2. Йозеф Бишоф на пути к майорским погонам.

Й. Бишоф (1872-1948) является одной из ярчайших фигур в истории германских фрайкоров. Его судьба удивляла своей пестротой даже ближайших соратников, командиров, например, такую далеко не однозначную личность как Р. фон дер Гольц, о котором Х.-У. Велер писал, что он фигура «столь же известная, сколь и спорная» [37.392]. Но это отнюдь не гарантировало Бишофу достойного места в истории или создания романтической биографии в нацистскую эпоху (как его подчиненному и будущему «мученику» Л. Шлагетеру). В том числе именно потому, что, как и всем по-настоящему революционным героям, с точки зрения создателей официальных версий, требующих непременно устойчивого политического режима, ему следовало бы вовремя погибнуть.

Майор Бишоф олицетворял в себе все мыслимые грани трансформации прусских офицеров последнего кайзеровского поколения, процесса для стороннего наблюдателя происходившего (до начала Великой войны) даже слишком плавно. Измученные долгим периодом мира и «вытолкнутые на авансцену общества [5.118-135]» кадровые военные очень редко, но все же оказывались на позиции маргинала, едва ли не скандальной фигуры, пытавшейся выйти из жестких иерархических рамок, уклониться от принципа старшинства при чиновничьем производстве, избежать гарнизонной скуки и карикатурной в своей тоталитарности регламентации повседневной жизни в полку. Такие возможности предоставлялись редко и немногим.

Если довоенная биография Бишофа, особенно первых 25 лет его жизни, и выглядит не слишком яркой, а в глазах дилетанта может показаться ничем не примечательной, то это, скорее, следствие недостатка источников, а также предпринятой, в том числе и трудами самого автора, достаточно типичной попытки скрыть все возможные доказательства неслучайности маргинальной позиции. В случае с Й. Бишофом быстро отказаться от продолжения исследований его биографии несложно: где находится его архив, и уцелело ли хоть что-нибудь из его письменного наследия, кроме основного труда („Die letzte Front“), неизвестно. Исследователи вслед за мемуаристом сравнительно легко игнорируют «предысторию», торопясь приступить к анализу главных событий и считая, что революционные события раскрыли особые способности основных героев, а не наоборот – характерные черты тех или иных деятелей только и ждали подходящего часа, чтобы проявить себя в полной мере. Даже мелкие детали молодости Бишофа выдают в нем безусловные задатки к будущей (контр)революционной карьере, ведь искусственно регламентированный стиль жизни, жесткое разделение по различным социальным стратам и умение с готовностью принять свое место в тщетно претендовавшем на стабильность обществе вильгельмовского Кайзеррейха [14] Йозефу Бишофу явно не подходили.

Бишоф родился на стыке двух (а то и трех) очень разных империй, вырос на передовой борьбы за онемечивание поляков, да еще и в годы едва ли не самых упорных усилий герман-

ского правительства в этом вопросе. Его родиной был городок Лангенбрюк (Мостовице) у самой границы прусской части Силезии с австрийской, то есть, хотя он имел прусское гражданство, к «сто процентным» пруссакам, каковыми считались, например, жители Восточной Пруссии или Бранденбурга, отнести его было нельзя. Не был он и юнкером, а семья располагала средним достатком. Бишоф принадлежал к поколению, выросшему в тени и в зависти к бесконечно восхваляемой эпохе объединения Германии, окончившейся еще до его рождения, а потому стремительно мифологизировавшейся. Он принадлежал к собственно «вильгельмовскому» поколению, ведь его студенческая юность и военная карьера начались уже при последнем кайзере, оказывавшем немалое и почти исключительно отрицательное влияние на весь облик эпохи. Вильгельм II, неожиданно для себя вступив на престол в 1888 г., демонстрировал изрядную маргинальность и в манере поведения, и в стиле принятия решений. В военной среде кайзера копировали как ни в какой другой.

Бишоф поступил в университет Фридриха Вильгельма в Бреслау, по семейной традиции оказался в студенческой корпорации «Лузация», однако пробыл в ней недолго, лишь менее года. Судя по всему, традиции буршей его не привлекали или он не желал смириться с жесткой субординацией: «Лузацию» он покинул «без повязки», то есть фактически отказывался от дальнейших связей с однокашниками, что для германской буржуазной среды было весьма не характерно. Однако Бишоф и не собирался вести буржуазную жизнь, ведь прервав учебу в 19,5 лет, бывший студент решил попробовать себя в иной среде, став добровольцем-одногодичником в одном из ближайших полков – 22-м (1-м Верхнесилезском) пехотном. Разумеется, это не предопределяло будущей непременно военной карьеры, Бишоф вполне мог после обязательного года службы вернуться в университет или подыскать место без полного курса высшего образования. При этом на блестящие перспективы в армии ему особенно рассчитывать не приходилось: в глазах кадровых офицеров, особенно если они в юности прошли через кадетский корпус, Бишоф, и получив через год лейтенантское звание, навсегда остался бы сослуживцем второго сорта. В приграничном (в Глейвице) и пехотном, - лишенном в отличие от кавалерии или гвардии всякого престижа полку, - ему можно было иметь в виду лишь беспросветно долгое пребывание на должности командира взвода, а потом роты, при необходимости как-то соответствовать предъявляемым к офицеру высоким требованиям на весьма скромное жалованье, ведь иных средств у него не было. Разумеется, можно было попробовать поступить в Военную академию, но шансы выиграть в ходе отбора предельно жесткую конкуренцию с молодыми аристократами из гвардейских полков были ничтожно малы.

Оставшись на военной службе, Бишоф отнюдь не утратил интереса к окружающему миру, а также определенных амбиций. Именно поэтому 25-летний офицер не только вернул себе членство в корпорации «Лузация», но и совершил поступок для старавшегося прослыть кадровым военным бывшего студента неслыханный. Осенью 1897 г. он взял на несколько месяцев отпуск, чтобы пройти обучение в семинаре по восточным языкам при Берлинском университете. Это отнюдь не стало хобби или причудой, скорее, речь шла о смелой мечте, блестящем предвидении. Возможно, собираясь вырваться из гарнизонной скуки, он наметил один из самых эффектных вариантов – через заграничную командировку. В первую очередь имелась в виду Османская Турция, хотя возможно были и иные варианты, например, Персия, Китай или Япония. Вполне вероятно, Бишоф имел в виду пример не только прославившегося реформами османской армии К. фон дер Гольца, но и самого Мольтке. Впрочем, всего 5 месяцев спустя обучение в семинаре было окончено, а Бишоф вступил в ряды колониальных войск в Германской Восточной Африке. Миссия фон дер Гольца в Турции к тому времени уже была окончена, а официального объявления об аренде Циндао нетерпеливый лейтенант

не дождался всего несколько недель, иначе он вполне мог бы отправиться в Китай, как например, Э. фон Фалькенгайн.

У молодого офицера были все основания полагать, что ему не повезло. Пока на Дальнем Востоке разгорались события вокруг восстания ихэтуаней, – встреченные в германских вооруженных силах с большим ажиотажем, так что от добровольцев в экспедиционный корпус отбою не было, – Бишоф вынужден был вызываться добровольцем в карательные экспедиции в отдаленные деревни. Вполне возможно, свое разочарование он срывал на местном населении, но детали большинства этих экспедиций до сих пор не слишком изучены, хотя данная тема вызывает немалый интерес в современной германской историографии [см., напр.: 13]. По истечении трехлетнего срока летом 1901 г. Бишоф вернулся в Германию, ему пришлось очередной раз начинать почти с нуля. Так и не став полноправным членом офицерской полковой «семьи», он рискнул и сделал ставку на колониальную карьеру, которая тогда могла принести не только опыт и новые звания, но и широкую известность, даже дворянство и личное покровительство кайзера, как, например, исследователю Камеруна К. фон Моргену. Но как раз в 1898-1901 гг. славу и почести можно было приобрести в авантюрах в других колониях, так что Бишофу пришлось вернуться в подчинение прежнего силового ведомства – прусского военного министерства. Дело в том, что германские «охранные части» в колониях подчинялись колониальному имперскому ведомству, строго говоря, не являясь частью вооруженных сил [см., подр.: 22]. О возвращении в прежний полк не могло быть и речи, но и на завидную вакансию тоже рассчитывать не приходилось, а потому Бишоф отправился в не слишком любимый германскими офицерами гарнизон в нижнем Эльзасе, в 132-й пехотный полк. Разумеется, он и не думал смириться с такой неудачей, а лишь искал варианты и выжидал новых военных акций в заморских экспедициях.

В январе 1904 г. вспыхнуло восстание в Германской Юго-Западной Африке, которое вскоре заставило отправить в колонию несколько сотен годных для службы в тропиках добровольцев из армейских частей. Из 132-го полка туда были направлены 20 человек, единственным офицером из них был обер-лейтенант Йозеф Бишоф. Вскоре он вновь вступил на службу в колониальные части и на этот раз оказался как раз на своем месте: почти сразу он стал адъютантом командира, участвовал в своего рода генеральном сражении с гереро и вскоре был ранен. Победы германских войск сопровождалось изгнанием повстанцев в безводную пустыню, а это быстро привело к геноциду [см., подр.: 35]. Жестокость истребления была такова, что возмущение решениями командующего карательной экспедиции Л. фон Троты выражали даже колониальные чиновники и его младшие командиры, некоторые из которых уезжали в знак протеста в Германию, а то и стали впоследствии известными пацифистами (например, один из командиров Бишофа Б. фон Даймлиг) [28; 41]. Но наш герой испытывал совершенно иные чувства. Бишоф продолжал воевать еще 4 года, получив почетные боевые награды – ордена Красного Орла и Короны с мечами. К лету 1908 года остатки сопротивления были растоптаны, а значит больше честолюбцам в Юго-Западной Африке делать было нечего. Более того, в Европе разгорелся Боснийский кризис, в Османской империи произошла революция, а потому увлекавшийся Востоком Бишоф вполне мог осознать, что эпоха колониальных подвигов подошла к концу: теперь главное будет происходить в столь долго ожидавшейся общеевропейской войне. Прими он иное решение, останься в Юго-Западной Африке, и вполне возможно, в годы Великой войны имена Бишофа и Леттов-Форбека встали бы рядом.

С 1 февраля 1909 г. Бишоф вернулся на службу в армию. Немалый боевой опыт, которого было лишено подавляющее большинство офицеров кайзеровской армии, а также годы службы сделали свое дело: Бишоф стал командиром роты в 112-м, а затем в 166-м пехотном

полку. Шли годы, так что карьера 40-летнего офицера, казалось, сложилась окончательно. Прочие варианты были для него исключены: без Военной академии, редкой военно-технической специализации или счастливой случайности ему нечего было рассчитывать на генеральское звание, служи он еще хоть 20 лет. Некоторые надежды, конечно, породило произошедшее в 1911-1913 гг. увеличение германской армии, однако несмотря на внешне внушительный рост вооруженных сил, сторонникам радикальной милитаризации во главе с Э. Людендорфом пришлось испытать болезненное поражение [4], а потому ни о какой кадровой революции и карьерном взлете и речи не было. Бишофу случившееся доставило минимум перспектив. Хотя в конце 1913 года он был произведен в майоры и переведен в штаб полка, лучшее на что он, - спустя многие годы, - мог рассчитывать, это командование одним из приграничных или вновь образованных полков накануне пенсии. Оттенок маргинальности отличал бы Бишофа, даже встань он во главе полка: для полного соответствия довоенному идеалу отца-командира он должен был быть женат, иметь сына-офицера и дочь на выданье, желательно за тщательно отобранного подчиненного, однако семьей, даже традиционно поздно, даже после окончания колониальных приключений (как тот же Э. фон Фалькенгайн), то есть лет в 35-37 - он не обзавелся. Не получи он звание майора и назначение в штаб, открывавшее перспективы командования батальоном и полком, следующей ставкой Бишофа могла стать только германская военная миссия в Османскую империю, на этот раз во главе с Лиманом фон Сандерсом, отправившаяся в Константинополь в конце 1913 г. [25], однако выбор, по-видимому, на этот раз был сделан в пользу синицы в руках.

3. Великая война.

Огромное значение для того, что Бишоф вообще остался в живых, имело то, что он был произведен в майоры. Останься он капитаном, то есть, скорее всего командиром роты, его шансы уцелеть были бы в несколько раз ниже: ведь соотношение (по неполным данным) убитых в Великой войне кадровых майоров и капитанов прусской пехоты составляет 1:4 – 431 против 1318, у офицеров запаса оно и еще более резкое, соотношение по раненым прусским капитанам и майорам примерно 1:5,2 [36,71.57]. Останься к моменту попытки реализовать план Шлиффена в августе-сентябре 1914 года Бишоф капитаном, имя Бишофа могло бы и не войти в историю. Во всех воюющих армиях потери офицерского корпуса, особенно взводного и ротного уровня, в первые недели войны были самыми чудовищными за всю войну [222.23].

При мобилизации многоопытный, но, очевидно, не слишком удобный начальству майор из штаба кадровой части был отправлен на формирование резервного полка. Там он тут же стал командиром батальона, вскоре отправленного на Западный фронт и принявшего участие в тяжелых боях в Вогезах. Нет сомнений в том, что возможностей погибнуть уже в первую же кампанию Великой войны у Бишофа было предостаточно, это доказывают хотя бы полученные им уже в 1914 г. обе степени Железного креста. Об этом в типичной для данного жанра манере повествует полковая история его 60-го резервного пехотного полка [40].

Турецкий этап, гарантировавший превосходство на два чина перед османскими коллегами, в военной карьере Бишофа все же состоялся: после первой кровопролитной кампании из бесперспективной окопной войны на Западном фронте опытного колониального офицера с определенными навыками для работы на Востоке отправили на фронт на Синайском полуострове – все более масштабной вспомогательной германской миссии в Османской империи требовались способные найти взаимопонимание с турками офицеры. Последнее удавалось далеко не всем, были примеры как блестящего сотрудничества – Лиман фон Сандерс, Г. фон Сект, Кресс фон Крессенштейн, так и явных неудач – Э. фон Фалькенгайн. Бишоф быстро

доказал, что он на своем месте, сколь бы экзотическим оно ни показалось. В марте 1916 г. Йозеф Бишоф стал командиром 1-го полка верблюжьей кавалерии, действовавшего в основном против арабов. В какой-то степени, состоялась даже эффектная дуэль двух авантюристов – Лоуренса Аравийского и майора Бишофа. Полковник Лоуренс впоследствии дал волю перу и описал свои подвиги в пустынях, да и не только он [см., напр.: 8,9], а вот Бишоф на ниве писательства занимался не описанием приключений, а политической публицистикой, хотя первое принесло бы ему куда большую известность и популярность. В конце октября 1916 г. Бишоф вернулся в Германию, некоторое время проведя в тылу и обучая пополнение. Приобретавшее все более современный характер противостояние между германо-турецкими и англо-индийскими войсками у Газы в редких специалистах более не нуждалось, а вот понесшая в «материальных сражениях» 1916 года громадные потери германская армия более не могла жертвовать для периферийных фронтов кадровых офицеров среднего звена с довоенным стажем. Бишоф вернулся на родину, сохранив не только воспоминания, но и ценные связи с турецкими офицерами, в том числе с героем Галлиполи Кемалем-пашой (1881-1938). С будущим Ататюрком германского майора объединяло многое, но главным образом честолюбие и скепсис по отношению к непосредственному начальству. Возможно это побудило их сохранить связи и после того, как оба пошли на самый большой в своей жизни риск, однако в результате Бишоф стал изгоем, а Кемаль-паша – лидером нации.

Конечно, Бишоф был не единственным, но все же одним из немногих офицеров, кто провоял всю войну, побывал на разных фронтах, был награжден высокими наградами, но ни разу за всю войну не был повышен в звании. Например, из 1456 германских майоров к концу войны таковых было 176, то есть каждый девятый [34.169]. И все же вряд ли можно считать, что ему и в мировую войну роковым образом не везло, или его упорно «задвигали», блестящих карьер в германской армии за 1914-1918 гг. вообще известно немного, да и у Й. Бишофа в должностях рост был вполне заметный – от командира батальона до командующего (со 2 января 1917 г.) только что сформированным 461-м пехотным полком в составе столь же новой 237-й дивизии. Она была одним из последних новых соединений в германской армии. Через полтора месяца после своего образования в начале марта 1917 г. ее отправили на относительно спокойный участок Восточного фронта на р. Щара и Сервеч. К сожалению, в обширной серии полковых историй кайзеровской армии до 461-го полка очередь так и не дошла, так что и здесь ситуация с источниками о перипетиях карьеры Бишофа оставляет желать лучшего.

Кампания 1917 года против все более захватываемой революционным разложением русской армии стала грозным предупреждением для армий Центральных держав, однако его почти никто не услышал. Бишоф и здесь сумел отличиться: на самом высоком уровне, в штабе Обер Оста сам всемогущий хозяин Востока генерал-майор Макс Гофман в январе 1919 г. еще помнил, что именно этот майор первым 23 июля 1917 г. перебрался через Серет в ходе разгрома русских армий в Галиции после наступления Керенского [11.23]. При поразительной памяти одного из лучших германских генштабистов М. Гофмана это отнюдь не удивительно, а с учетом его последующего согласия на миссию Бишофа в Прибалтике тем более вероятно. Умевший быстро оценивать людей и принимать рискованные решения «длинный Макс» вполне мог полагать, что такой майор действительно может еще спасти положение. Разумеется, точку зрения самого Гофмана мы никогда не узнаем. Бывший фактический глава Обер Оста скончался, не дожив до 60 лет, в 1929 году. В число отобранных журналистом К. Новаком для посмертной публикации двухтомника его произведений какие-либо подробные записи, не считая обрывочных заметок в дневнике, о событиях января 1919 года не вошли [16].

К концу февраля 1918 г. лучшие силы германской армии, все сколько-нибудь годные по физическим кондициям солдаты и офицеры были уже сконцентрированы на Западном фронте. Туда же вместе с дивизией, едва не успев к вторжению в Россию, отправился и необычайно бодрый для своих 45 лет Й. Бишоф. Ему, несомненно, было очень отрадno принять участие в последнем решающем рывке к победе и к будущей мировой гегемонии Германии в Европе. Последний раз на Западном фронте он был более двух лет назад, до эпохи «материальных сражений». С тех пор масштабы и технический облик тотальной войны изменились до неузнаваемости. Однако кампания обладала главным условием притягательности для Бишофа – она для Германии с 21 марта и до 18 июля 1918 г. была наступательной, и этого промежутка времени ему хватило для того, чтобы удовлетворить свою тягу к решению судьбы Родины на поле боя. Хотя уже в конце мая 1918 г. все чаще проявлялись признаки возобновления бесперспективной для Германии позиционной войны. Многие не только в Четверном союзе, но даже в странах Антанты полагали тогда, что победа останется за немцами и их союзниками. Из-за этой эйфории все меньше замечали чудовищные потери в боях почти там же, где германская армия была остановлена в начале сентября 1914 г.

30 июня 1918 г. Бишоф, воевавший под Суассоном в составе 7-й армии, получил заветного «Голубого Макса» - Pour le Merite, к которому он был представлен 11 июня, то есть награда нашла героя довольно быстро. Бишоф, разумеется, был удостоен столь же хвалебного, как и у всех остальных кавалеров описания подвигов, за которые был награжден [19.95-96]. Несмотря на явную девальвацию орденов к концу Великой войны, тот факт, что его получил пехотный майор – не известный всей Германии ас из летчиков или подводников, не командующий армией или корпусом, - а всего лишь майор, говорил о многом. Однако уже через несколько месяцев исключительность Бишофа существенно нивелировалась тем, что Pour le Merite начали раздавать все чаще, а в итоге за подвиги в сложнейших оборонительных боях осени 1918 г. им был награжден даже один пехотный лейтенант – Эрнст Юнгер. Бишоф, как и Юнгер, вынес всю тяжесть отступления германской армии к Антверпен-Маасской позиции. Дискуссия о том, имела ли место в кайзеровских войсках «скрытая военная забастовка» [15.148-153], продолжается и по сей день, но оспорить тот факт, что ряды дивизий и полков таяли на глазах не только из-за боевых потерь, невозможно. Бишоф со своим полком не только сражался вплоть до 11 ноября, но и командовал им в ходе последующего отступления на родину и демобилизации. Он воплощал в себе окончательно оформившийся в годы Великой войны новый образец боевого командира, отличавшегося от довоенного полковника и возрастом, и манерами, и этикой отношений не только с офицерами, но и с солдатами. Все характерные признаки вожака фрайкора, которому его подчиненные преданы лично, были у Бишофа уже тогда. Именно поэтому «штаб» его 461-го полка, то есть в первую очередь капитан Генштаба Бизе, не колеблясь поехал за ним на следующий фронт, обстановка на котором была совершенно неизвестна.

Бишофу удалось (хотя и с немалыми перерывами) провоевать более двух десятилетий. За это время он сражался на трех континентах: от Юго-Западной Африки и Аравийской пустыни до Лифляндии. Ему довелось биться с едва вооруженными племенами нама и гереро и пройти испытание кульминацией «материальных сражений» на Западном фронте в кампанию 1918 года. Таков был путь, по итогам которого в нем сочетался германский студент, прусский кадровый офицер, ландскнехт и революционный активист-авантюрист.

4. Очередной фронт в Прибалтике.

Познакомившийся с Бишофом уже после первых успехов его лихорадочной деятельности по восстановлению антибольшевистского фронта генерал Р. фон дер Гольц свои первые

впечатления описывал так: «Майор Бишоф был явно очень обрадован мыслью о том, что вскоре вновь пойдет вперед. Ведь он был солдат до мозга костей, имевший очень дельные представления о тактике малых колонн, большой опыт действий которыми он получил в Африке. Я проехался с ним на санях и удивлялся тому, как он умудрялся на таком сквозняке курить одну сигарету за другой. «Ах, этому учишься, господин граф», - заявил он. «Я уже двенадцатый год воюю, восемь лет в Африке, потом Мировая война. Я – старый ландскнехт».

Когда я познакомился с ним поближе, я иногда спрашивал его, что в нем более отчетливо проявилось: кто он – офицер, «африканец» или же студент-корпорант? В нем было что-то от каждого из них, и это оказывало большое впечатление на его подчиненных. Весьма примечательная личность» [3.143]. Сомнительно, чтобы Р. фон дер Гольц желал подчеркнуть именно маргинальность Бишофа, скорее пытаюсь сделать комплимент его энергичности, однако данная фраза чрезвычайно удачно описывает командира Железной дивизии как явного маргинала.

Бишоф обладал тем редким для кайзеровского офицера набором качеств, который позволил не растеряться даже в критические для германских вооруженных сил первые месяцы революции. Его 461-й полк входил в 21-й корпусной округ, располагавшийся на тех территориях, которых Германия теперь лишилась – главным образом в Лотарингии, а потому у майора не было никаких оснований задерживаться в довоенном гарнизоне. Самое позднее в начале декабря 1918 г. ему уже нечего было терять и ждать, что и было главным условием для начала нового этапа карьеры. Однако в Прибалтике Бишоф оказался отнюдь не потому, что его туда отправили. Он лишь вынужден был прикрываться подобной, не слишком достоверной легендой перед М. Гофманом, который и не подумал в нее верить [11.23] Бишоф поехал в Курляндию лишь из-за того, что никак иначе после перемирия и начала демобилизации [10.69-90] он и действовать не мог. Солдаты из его полка родом из оккупированных французами областей уезжали по домам явочным порядком, зачастую просто объявляя себя с 11 ноября частью французской армии или получая право на ускоренное возвращение домой, на занятую французами территорию. Понимая, что участие в кровавых вспышках гражданской войны может быть оценено впоследствии двояко, а также будучи, как и многие офицеры, убежден в том, что подведение итогов Великой войны закончено на Западе, но не на Востоке, где Германия «победила», Бишоф устремился в Прибалтику точно так же, как когда-то в Восточную и Юго-Западную Африку.

Среди вожаков образовавшихся по ходу демобилизации фрайкоров Бишоф казался «белой вороной» даже по возрасту: он не был ни возмущенным развалом армии и флота лейтенантом слегка за 20, ни капитаном около 30 лет, которым война заменила молодость и семейное счастье. Такой выделявшийся на общем фоне лидер фрайкоров как Г. Эрхардт (1881-1971) и тот был младше Бишофа на 9,5 лет. Никак нельзя было поставить майора в один ряд и с неистовыми генералами-монархистами, просто в силу своих 55-60 лет и слышать не желавшими о признании необратимости крушения монархии, как генерал Меркер или Р. фон дер Гольц. Ближе всего к Бишофу оказывается по этому параметру П. фон Леттов-Форбек (1870-1964), также научившийся за годы службы в Африке предельно жесткому стилю обращения с противником, кем бы он ни был. Однако герой боев в Восточной Африке, накануне войны едва ставший подполковником, триумфально вернулся в Германию лишь весной 1919 г., когда в Курляндии уже всюду шло наступление германских фрайкоров. Леттов-Форбек пользовался шумной славой, не угасшей и поныне (его именем Леттова-Форбека по сей день названы улицы, казармы и даже вид динозавра, открытый в 1919 г.) [см., подр.: 24], и в полной мере получил награды и чины за свои подвиги, выйдя в генерал-лейтенанты. Этим он разительно отличается от майора Бишофа и капитана-цур-зее Эрхардта.

Любопытно, что в России возрастные рамки для типов (контр)революционных героев были совсем иные. Поэтому, например, вполне такие аналогичные Бишофу фигуры как М.Г. Дроздовский (1881-1919) или О.В. Каппель (1883-1920) были куда младше его, зато сверстником командира Железной дивизии является бывший в Великую войну командиром уже русской «Железной бригады», а затем дивизии, находившийся в 1918 г. на совершенно ином нежели Бишоф уровне руководства генерал-лейтенант А.И. Деникин (1872-1947). Впрочем, после «звездного» часа каждого из этих деятелей возрастной фактор взял свое. Дроздовский и Каппель не дожили до конца Гражданской войны, а Деникин прожил почти столь же долгую как и Бишоф жизнь, также осмысливая случившееся в 1917-1920 гг. и пытаясь донести свою точку зрения до соотечественников. Генерал Деникин, редко бывавший на передовой после Ледяного похода весной 1918 г., обрел свое семейное счастье только в годы Гражданской войны, то есть в 46 лет. Бишоф, лично водивший в атаки и в 1919 г., на семейном фронте так и остался маргиналом. Еще одним кандидатом для чрезвычайно интересных возрастных параллелей является не кто иной как глава армии Советской Латвии и одновременно главнокомандующий всеми вооруженными силами РСФСР в сентябре 1918 – июле 1919 гг. И. Вацетис (1873-1938), так же сделавший специфическую военную карьеру, обладавший достаточно сложными политическими взглядами [см., подр.: 18] и окончивший жизнь как и подобает маргиналу - на этапе ликвидации революционного наследия. Довольно близки по возрасту к Бишофу были и лично В.И. Ленин (1870-1924), сверстник Вацетиса и своего рода политический маргинал генерал-лейтенант и гетман П.П. Скоропадский (1873-1945), А.В. Колчак (1874-1920).

Весьма примечательно, что жаждущий встать на защиту Германии от внешних (но не от внутренних!) врагов майор поехал не в родную Силезию, а в Курляндию, с которой его до того ничего не связывало. Сам он причин именно такого выбора (и, по-видимому, намеренно) не указывал, попросту написав, что 10 января 1919 г. он был уже в Кёнигсберге у главы Обер Оста М. Гофмана [11.23]. Однако все же можно выдвинуть несколько версий помимо им самим впоследствии сформулированной эпической – о защите границ Европы, которые грозили отодвинуть на Вислу, а то и на Одер «азиатские орды» большевиков. Вполне возможно, Бишоф счел, что в Силезии уже есть кому возглавить борьбу с поляками, - и действительно, там уже этим занялись генералы Кессель и Бранденштейн, которым в таком случае пришлось бы подчиняться, став фигурой второго плана. Вскоре места в Силезии не нашлось даже тому же Р. фон дер Гольцу, охотно согласившемуся поменять беспокойный из-за выступлений местных ультралевых Бреслау на более чем сомнительную миссию в Прибалтике [3.129-132]. Кроме того, основная борьба с поляками и чехами разгорелась в родной для Бишофа провинции существенно позже, весной, а главным образом в августе 1919 г., так что в конце декабря 1918 г. он мог счесть такой вариант недостаточно увлекательным в плане перспектив. К тому же, болезненно переживший разложение германской армии и революционные эксцессы майор вполне мог полагать, что на далекой периферии, - где враг, по его мнению, был куда более очевиден, - будет не до спартакистской пропаганды и не до своеволия Советов, чего в избытке было в Силезии, угрозы отделения которой от Германии тогда местное немецкое население совершенно не ощущало. Наконец, воззвания с призывом к добровольцам отправляться на защиту германского Востока, появившиеся в ноябре-декабре [7.33,185-187] и подтвержденные Г. Носке 7 января 1919 г. тогда еще касались именно Прибалтики или Западной Пруссии, но не Силезии.

Прибыв в Либаву через Кёнигсберг вечером 15 января 1919 г., когда антибольшевистского фронта фактически не существовало, Бишоф за две-три недели сумел сплотить разрозненных добровольцев из развалившейся быстрее прочих 8-й армии в Прибалтике в поистине

Железную бригаду, хотя этот эпитет в названии после отступления в декабре 1918 г. [7.175-183] казался просто насмешкой, а оставшаяся горстка никак не могла претендовать на звание бригады. Сам он утверждал, что получил командование случайно [11.15], однако это была та случайность, ради которой он приехал. Его предшественник, полковник Кумме, открыто заявил Бишофу, что справиться с разложением в войсках невозможно [11.34]. Когда бригада была переименована в дивизию, возникла немыслимая для прежних и весьма характерная для всех революционных армий диспропорция между названием соединения, имеющего характер одного из орудий информационной войны, и его истинным размером и боеспособностью. Впрочем, Железная дивизия всего через 2-3 месяца после своего появления достигла положенных ей размеров и структуры – сам Бишоф утверждал, что полные штаты дивизии стали формировать уже с 25 апреля 1919 г. [11.77], - а затем и существенно превзошла их, благодаря огромному притоку добровольцев из Германии. Однако не следует забывать о том, что Бишоф сумел стабилизировать ситуацию еще до того, как стало резко меняться соотношение сил.

Вряд ли возможно утверждать, что не будь Бишофа в Курляндии исход схватки за Прибалтику был бы иным. На общую обстановку влияло достаточно много факторов, в частности ход боев с красными в Эстонии [см., подр.: 12]. Однако его определяющую роль в том, что большевики не взяли Либаву – ключевой для снабжения германских войск порт на фоне отвратительной работы единственной железнодорожной ветки – единодушно признавали все знакомые с обстановкой деятели, в том числе А. Винниг и прибывший в Курляндию на полмесяца позже Бишофа Р. фон дер Гольц [39.92,103; 3.132,142]. Вполне вероятно, что и без Бишофа напор РККА был бы остановлен поблизости от границ Германии, как это произошло по соседству - в южной Литве уже в середине февраля 1919 г. [7.159-162; 1.373-375], однако оттеснение красных из Курляндии и отвоевание Риги тогда бы было отложено на месяц, а то и больше, что для переменчивого хода Гражданской войны огромный срок, чреватый новыми флуктуациями. Куда тяжелее пришлось бы и независимой Эстонии, переживавшей в начале-середине января 1919 г. критический момент своей недолгой истории. Сам Бишоф несомненно прекрасно осознавал, сколь вовремя прибыл и сколь незаменимым оказался. В первые же недели он укрепился в своем стремлении принимать все решения самостоятельно, действовать так, словно над ним нет командиров, что и сказалось впоследствии. Разумеется, вплоть до августа 1919 г. он не выходил из подчинения генералитету открыто, но и истинно-прусской субординации, которую он последовательно изображал в мемуарах [11.56], как не бывало. Той же самоуверенностью и убеждением в ценности самостоятельно принятых решений проникались и другие харизматичные лидеры фрайкоров. Тот факт, что высшее германское командование ненадолго – с ноября 1918 г. по февраль 1919 г. – выпустило из рук контроль над боевыми действиями за пределами Германии, сказался затем очень дорого.

Ход боевых действий в Прибалтике в 1919 г. достаточно подробно описан, а потому нет необходимости останавливаться на нем особо, не считая лишь упоминания о том, что боевые действия носили чрезвычайно жестокий даже для ветеранов Великой войны характер, а большая часть военных действий отличалась прямым участием в боях командиров не только младшего, но и среднего и высшего звена. Й. Бишоф сосредоточился на том, чтобы пресечь панику и воссоздать антибольшевистский фронт. Как и другим талантливым партизанским командирам ему сложно было принять последовавшее вскоре восстановление пусть и номинального контроля из столицы. Он был не просто готов к максимально жесткому стилю ведения войны против большевиков, всегда выигрывавших от каких бы то ни было переговоров с солдатами противника. Бишоф даже недоумевал из-за неготовности других командиров вернуть себе полный контроль над войсками наиболее очевидным способом, то есть

брутальным насилием. Как и во многих других странах Европы, именно те, кто быстрее пришел к такому выводу, зачастую оказывались победителями в скоротечной гражданской войне [см., подр.: 2].

5. «Звездный час»

Как и многие офицеры Бишоф отказывал в какой бы то ни было легитимности как первому революционному правительству Германии, так и двум уже «веймарским кабинетам». Он был готов на личные контакты лишь с отдельными министрами или эмиссарами этого правительства, если полагал их действия отвечающими интересам Германии. Таковы были (но лишь до поры) министр рейхсвера Г. Носке и обер-президент Восточной Пруссии А. Винниг. Как только его бывшие партнеры или номинальные командиры начали борьбу за ликвидацию всего прибалтийского проекта, Бишоф немедленно оборвал все связи, не взирая на заманчивые предложения в обмен на уступки. Несмотря на столь упорно декларируемое пруссачество, то есть в первую очередь строгую воинскую дисциплину, стать конформистом настолько, чтобы разменять идеалы балтийских фрайкоров на перспективу службы в 100-тысячном рейхсвере, Бишоф не смог, хотя многие его подчиненные удовлетворялись бы и гарантией вакансий в войсках. При этом использованные правительством для подавления мятежей ультралевых и быстро согласившиеся на подчинение рейхсверу и Носке фрайкоры свой шанс на карьере в вооруженных силах получили [см., подр.: 33]. Бишоф был достаточно умен, чтобы понимать, что старая элита (во главе с презиравшим фрайкоры Г. фон Сектом) не даст ему сделать карьеру, хватало ему и прусской основы, чтобы не поддаться искушению объединиться с полутеррористическими ультраправыми группировками, не стать ландскнехтом в худшем смысле этого слова. Его характер балансировал на грани гордыни и самоотречения, ни единого повышения в звании за 6 лет службы только добавили упрямства и своеобразной позы!

Попытки антифрайкоровской, особенно большевистской и социалистической пропаганды, как в России, так и в Германии представить вожаков Железной дивизии и Немецкого легиона «баронами», наймитами капитала или жадными до наград и состояний солдафонами, слепо исполняющими и отдающими любые по жестокости приказы ради очередной медали и т.д. вообще были достаточно схематичными, однако полнейшим абсурдом они выглядят применительно к Йозефу Бишофу. Он не удовлетворял и даже не давал повода ни к одной из этих по-своему логичных версий личной заинтересованности в смертельной схватке за судьбы стран Прибалтики. Многие из этих ярлыков сравнительно легко «приклеивались» к соратникам Бишофа – например, барону Р. фон дер Гольцу, владельцу курляндских поместий фон Плеве, наследнику «того самого» Йорка и одному из многих тогда претендентов на «новый Таурооген» графу Йорку фон Вартенбургу [см., подр.: 17]. Он, как и сам Бишоф, представлял себе нюансы выступления против правительства собственной страны ради «национального возрождения» в весьма романтическом, то есть весьма уместном в революционно-маргинальной обстановке свете. Целая плеяда кавалеров *Pour le Merite*, а также талантливые офицеры Генштаба (например, Х. Гудериан) с огромным трудом признавала авторитет тех, кто пошел на соглашение с «ноябрьскими преступниками». Таким образом, объединяли харизматичных лидеров фрайкоров в Прибалтике отнюдь не личная выгода, происхождение или схожая карьера и уж вовсе не развитые политические убеждения, а уверенность в приемлемости совершенно немислимых для прусского офицера действий, то есть готовность к мятежу ради блага Отечества.

«Звездный час» Бишофа был краток: он взял на себя ответственность перед историей 23-24 августа 1919 г., призвав германских солдат в последний момент не подчиниться кате-

горическому приказу из Берлина об эвакуации и продолжать воевать в Прибалтике, если потребуется, против любых противников Германии, включая ее «веймарское» правительство и подчинявшиеся ему части временного рейхсвера. Затяжная интрига с многосторонними переговорами и игрой в поддавки с участием Р. фон дер Гольца, Носке, Виннига, Эберта, Секта и других еще со времен взятия Риги утомила решительного майора, который привык разрушать гордые узлы. Даже важнейший вопрос о том, кто был инициатором взятия Риги 22 мая 1919 г. и с чьей санкции это производилось, оставался весьма спорным, а сам Бишоф справедливо полагал попытки скрыть активное участие германских (а не балтийских) войск «комедией» [11.95-96]. Атака русско-германских войск на Ригу в начале октября 1919 г. вызвала последствия, на которые ни Бермондт, ни Бишоф не рассчитывали, она стала началом конца, а не следующим актом прибалтийской авантюры. Подписанный 28 июня 1919 г. Версальский мир оказался куда более прочным, чем полагал Бишоф, избежать диктата Антанты простым переходом на русскую службу оказалось невозможно. Он разделил трагедию поверивших в него солдат, но не погиб в ходе тяжелого отступления войск Западной армии Авалова-Бермондта в ноябре-декабре 1919 г. С окончанием всего прибалтийского проекта его единственным шансом, его настоящей семьей стали упорно державшиеся друг друга и ставшие изгоями на почти социалистической родине «балтийцы». Разумеется, он принял участие в Капповском путче, однако его позиция по отношению к этим событиям была не столь однозначна, как принято считать, хотя и не отличалась тем скепсисом и здравым анализом перспектив, какой он хотел ее представить в своей книге [11.243-246].

В течение последующих 15 лет Бишофу дважды пришлось эмигрировать – из Германии и в Германию, где уже правили нацисты. Но Гитлеру столь безупречный герой борьбы с Веймарской республикой был не нужен. Вышедшая в 1935 г. книга Бишофа «Последний фронт» могла бы по своей брутальной выразительности и по эпическому накалу борьбы с вражескими ордами оспорить лавры Юнгера, однако в выстраивавшейся официальной версии Бишофу было отведено минимальное (насколько возможно) место. Переводов на другие языки, даже на прибалтийские, она не удостоилась. Было лишь несколько дополненное второе издание, в 1936 г., как своего рода попытка еще раз привлечь к себе внимание. Сам же мемуарист получил лишь звание подполковника в отставке, да и то по случаю, вместе с многими другими «утешенными» офицерами и генералами в 25-летнюю годовщину Танненберга 27 августа 1939 г. В этом весьма важном для Гитлера пропагандистском жесте, призванном прямо перед Второй мировой войной мобилизовать на службу нацистам миф о Танненберге, обеспечивший Гинденбургу два президентских срока, Бишоф мог усмотреть едва ли не насмешку, подачку. К Танненбергу он никакого отношения не имел, как и тогда же получивший звание генерала от инфантерии П. фон Леттов-Форбек. Ставить его в один ряд с генералитетом бывшего рейхсвера, с которым фюрер через Р. фон дер Гольца и А. фон Макензена стремился наладить отношения после возмущившего военную элиту убийства 2 генералов в «ночь длинных ножей» и скандалов 1938 г. с Фричем и Бломбергом, было бессмысленно: вражда Бишофа к узурпировавшим все антивеймарские политические мифы нацистам никакими широкими жестами не исчерпывалась. Не желал этот бунтарь иметь ничего общего и с пошедшим на соглашение с властями Веймарской республики ради карьеры в рейхсвере генералами. Тот факт, что бывший ефрейтор теперь позволял себе спустя 26 лет повысить его в звании, даже в этом пытаясь проявить равенство по статусу между собой и кайзером Вильгельмом II, Бишофа, получившего свои майорские погоны от Гогенцоллерна, мог только возмущать. Однако на красивый жест с отказом от звания он не пошел: это Людендорф мог швырнуть звание фельдмаршала назад Гитлеру, демарш гордого отставного майора с вполне возможным новым изгнанием никто бы не заметил.

Бишофу «посчастливилось» пережить и Вторую мировую войну, глубоким стариком застав повторное и куда более тяжелое крушение германской армии и государства, вероятно, лишь укрепившее его в ощущении собственной правоты.

6. Автобиография как последнее прибежище маргинала.

Вероятно, одной из характерных, но далеко не у всех проявившихся черт маргиналов является пристрастие к написанию автобиографий, колеблющихся по тону от руссоистской исповеди до страстного памфлета-самооправдания, на который способен лишь человек, «ничего не забывший и ничему не научившийся». Конечно, вероятно ни один маргинал не будет исповедоваться в своей маргинальности, однако в нем выдает это качество упорное стремление показаться или самым твердым защитником Старого порядка или едва ли не инициатором Нового, хотя в действительности он не является ни тем, ни другим. Под знамя того или нового идеала его привлекает не желание ему соответствовать, которое было бы просто самообманом, а лишь ощущение возможности возглавить некое оформленное движение, способность оказаться лидером дезориентированных или павших духом людей по любую сторону баррикад. Постоянная маскировка маргинала под паладина неких целостных социальных слоев и устоев выдает в нем «чужака» хотя бы эмоциональностью и пристрастностью в формулировках. Маргиналы, маскируясь, только еще сильнее бросаются в глаза, их «исключительность» при внимательном рассмотрении становится неотъемлемым признаком определенного типа людей. И тем ценнее для исследователя оказываются их мемуары, ведь они всегда вскрывают эмоциональную подоплеку событий, нюансы принятия решений, особенно тогда, когда маргинальные харизматики пытаются представить себя людьми исключительно рациональными и трезвомыслящими. Конечно, это не решает вопроса о том, насколько искренни они были в избранном ими облике или убедительны в своей саморепрезентации, особенно для самих себя. Зачастую об этом можно судить лишь косвенно, в том числе за счет избавленной от интерпретаций фактологии.

Однако помимо этого мотива не менее важным было и горестное предчувствие будущего забвения, откровенно шокирующего по сравнению с той огромной, а самим революционным героям-маргиналам казавшейся и исторической ролью, которую они играли совсем недавно. Именно поэтому в 1930-е гг. взялись за перо, смирившись с тем, что их политическая карьера окончена навсегда, такие еще недавно европейской известности деятели как Нестор Махно и Йозеф Бишоф. Разумеется, попытки создателей официальных версий истории революций сначала ретушировать, потом обратить в карикатуру, а затем и вовсе стереть из общей канвы событий как мимолетный или малозначительный эпизод бывших героев, теперь уже очень ненужных и даже опасных своей осведомленностью, оказывались успешными не всегда или ненадолго. Однако они все же получали большее распространение нежели эмоциональные мемуары или слишком похожие на них попытки бывших действующих лиц написать историю своего «звездного часа», следствием чего были все те же приемы - и гиперболы, и умолчания.

Впоследствии многие видные деятели революционной эпохи удостоились пристального внимания и блестящих фундированных биографических работ. Достаточно привести в пример биографии Г. Носке и А. Виннига, сыгравших немалую роль в исходе борьбы за Прибалтику в 1919 г. [38;29]. Однако Бишофу и в этом отношении не повезло: до сих пор, при наличии весьма внушительного количества литературы по истории фрайкоров, написанной как еще в 1920-30-х [27;32], так и в 1970-80-х [21] и в 2000-х годах [26], нет ни одной биографии несгибаемого майора. Составители столь масштабного проекта как «Neue Deutsche Biographie» не нашли для него даже полсотни строк. Впрочем, если вдруг в распо-

ряжение германских архивов будет передана из частной коллекции подборка источников личного происхождения, Йозеф Бишоф, вероятно, быстро найдет своего исследователя.

Не слишком популярна оказалась и его книга „Die letzte Front“, хотя и написанная куда позже первых попыток выразить германскую точку зрения на события в Прибалтике в 1919 году, а по националистическому пафосу ничем своим предшественницам не уступавшая. Бишоф пытался выставить Железную дивизию и Немецкий легион (то есть максимум 40 тысяч человек) едва ли не самой действенной угрозой послевоенному мировому устройству в целом. С первых же страниц книги он представлял свои действия осенью 1919 г. как первое (и в Германии якобы последнее) вооруженное восстание против Версаля [11.9-10,18]. Такая оценка событий для него граничила с вопросами веры, хотя с точки зрения глобальных масштабов она выглядит как минимум претенциозно. Подчеркивая значение анабазиса германских фрайкоров в Прибалтике через полтора десятилетия, Бишоф получил возможность язвить в адрес тех, кто пренебрегал неудобными фактами. Так, например, он не преминул отметить, на сколь серьезные поправки пошел ради политической конъюнктуры и альянса с нацистами Р. фон дер Гольц во второй и весьма популярной версии своих мемуаров, вышедшей в 1936 г. Она была куда короче, а само название – «Политический генерал на Востоке» – фактически опровергало основной посыл версии 1920 г. [см.: 3], где фон дер Гольц упорно отрицал свою принадлежность к категории «политических генералов» [20;11.50] Выходу книги Бишофа, напротив, препятствовали, а Рейхсархив отказывался предоставить в его распоряжение документы бывших под его командованием воинских частей [11.46].

Бишоф совершенно не лукавил, видя в своих действиях активное неприятие поражения Германии (но не революции), что, по его мнению, было единственно возможной для истинного патриота позицией. В отличие от многих других участников событий – германских политиков и генералов, деятелей и сторонников Белого движения в России, прибалтийской интеллигенции вне зависимости от национальной ее принадлежности – он вовсе не собирался думать о будущем тех земель, на которых проливают кровь его подчиненные. Его интересовали судьбы Германии, немцев из рейха и только вслед за ними немцев балтийских, а также «русских» соратников по борьбе с большевизмом, но только не вопросы границ, государственного устройства или внешнеполитической ориентации Эстонии, Латвии и Литвы. Достаточно легко разоблачить и якобы принципиальнейший антибольшевизм Бишофа. Разумеется, как и большинство кадровых офицеров старых армий он был чужд марксизму и категорически не принимал революционных порядков, особенно в вооруженных силах, однако это не делало его идейным борцом с «красной угрозой», хотя большевиков, в том числе германских их коллег - ведущих пропаганду среди его добровольцев спартакистов, - он ненавидел искренне.

Для Йозефа Бишофа Октябрьская революция прошла фактически незамеченной, точнее она воспринималась им только через призму военных расчетов как процесс окончательного распада русской армии и последующего выхода России из войны. Собственно, и Брестский мир он также не осознал, и двадцать лет спустя задаваясь вопросом, почему же в марте 1918 г. не был взят Петроград [11.24-25]. Когда аналогичная катастрофа постигла германскую армию на Западе, Бишоф вынужден был взглянуть на революцию как на более серьезную угрозу, чем Антанта, попросту приписав поражение Германии подрывной деятельности ультралевых, как это сделали и едва ли не все его коллеги. Антибольшевизм стал чрезвычайно устойчивой и удобной основой для оправдания действий фрайкоров в Прибалтике, помогая Бишофу, Р. фон дер Гольцу и многим другим упорно не замечать многослойный характер шедшего на развалинах Российской империи конфликта и успешно маскировать свои истинные цели под идейную борьбу. Однако факты свидетельствуют о том, что контрреволюцио-

нер Бишоф с революциями был знаком достаточно поверхностно, ибо революцию в России он видел лишь в бинокль на линии фронта, а революцию в Германии наблюдал около месяца, не принимая участия в кульминационных ее событиях. Будь у него возможность хвалиться своими подвигами в борьбе с Ноябрьской революцией, он несомненно включил бы в воспоминания соответствующую главу. Бишоф смог стать героем контрреволюции, по настоящему в социальных катаклизмах не участвуя, он прослыл героем борьбы с большевиками, хотя большую часть своего пребывания в Прибалтике (после взятия Риги 22 мая 1919 г.) он посвятил противостоянию с войсками Латвии, Эстонии и Литвы. Он остался маргиналом и в этом: заявленные цели, пропагандируемые идеалы и полученная репутация не слишком соответствуют фактическим его свершениям. Тем не менее, можно согласиться с Бишофом в том, что его войска содействовали поражению первой попытки устроить мировую революцию зимой-весной 1919 г., однако для претензий на принципиальную борьбу с большевизмом этого недостаточно.

Явное несоответствие между пафосом борьбы и предпринимаемыми мерами придает его мемуарам, написанным много лет спустя, неповторимый оттенок хода мысли истинного ландскнехта, чего совершенно не меняет его стойкая, искренняя и оплаченная большой кровью любовь к Родине. Едва ли патриотизм Бишофа можно считать маргинальным, однако маргинальность его самого в качестве определяющей черты его биографии оказалась более весомой, чем настойчивые усилия благодетельствовать миллионы соотечественников.

Библиографический список

1. Бои в Прибалтике. 1919 год / Пер. с нем., комм. и науч. ред. Л.В. Ланника. М., 2017.
2. Война во время мира: Военизированные конфликты после Первой мировой войны 1917–1923 / Сб. стат. под ред. Р. Герварта и Д. Хорна. М., 2014.
3. Гольц Р. фон дер. Моя миссия в Финляндии и Прибалтике / Науч. ред., пред. и комм. Л.В. Ланника. СПб., 2015.
4. Ланник Л.В. Увеличение германских вооруженных сил в 1911–1913 гг. и германская военная элита // Накануне Великой войны: Россия и мир. Сб. докл. и ст. под ред. М.Б. Смолина, К.А. Залесского. М., 2014. С. 296–318.
5. Ланник Л.В. Победоносные проигравшие: германская военная элита 1914–1921. СПб., 2016.
6. Мюнклер Г. *Империи*: Логика господства над миром. От Древнего Рима до США / Науч. ред., пред. и комм. Л.В. Ланника. М., 2014.
7. Описание послевоенных боев германских войск и фрайкоров. Вывод войск с Востока / Пер. с нем., комм. и науч. ред. Л.В. Ланника. М., 2014.
8. Паттерсон Д.Г. С иудеями в Палестинской кампании. СПб., 2014.
9. Торосян С. От Дарданелл до Палестины. Воспоминания армянского офицера турецкой армии. М., 2014.
10. Bessel R. Germany after the First World War. Oxf., 1995.
11. Bischoff J. Die letzte Front. Geschichte der Eisernen Division im Baltikum 1919. B., 1935.
12. Brüggemann K. Die Gründung der Republik Estland und das Ende des „Einen und unteilbaren Rußland“. Die Petrograder Front des Russischen Bürgerkriegs 1918–1920. Wiesbaden, 2002.
13. Bühner T. Die Kaiserliche Schutztruppe für Deutsch-Ostafrika. Koloniale Sicherheitspolitik und transkulturelle Kriegführung 1885 bis 1918. München, 2011.
14. Das deutsche Kaiserreich in der Kontroverse / hrsg. von S. O. Müller, C. Torp. Göttingen, 2009.
15. Deist W. «Verdeckter Militärstreik im Jahre 1918?» // Der Krieg des kleinen Mannes: Eine Militärgeschichte von unten / hrsg. von W. Wette. München, 1992.
16. Die Aufzeichnungen des Generalmajors Max Hoffmann: 2 Bde / hrsg. von K.F. Nowak. B., 1929.
17. Fröhlich M. Die Konvention von Taugoggen und die Instrumentalisierung eines Mythos // http://portal-militaergeschichte.de/-sites/default/files/pdf/froehlich_konvention.pdf

18. Germanis U. Oberst Vacietis und die lettischen Schützen im Weltkrieg und in der Oktoberrevolution. Stockholm, 1974.
19. Geschichte der Ritter des Ordens Pour le Merite im Weltkrieg. Bd. 1. B., 1935.
20. Goltz R.v. Als politischer General im Osten: (Finnland und Baltikum) 1918 und 1919. Leipzig, 1936.
21. Guth E. Der Loyalitätskonflikt des deutschen Offizierkorps in der Revolution 1918–1920. Frankfurt/M.; Bern; New York, 1983.
22. Haupt W. Die deutsche Schutztruppe 1889-1918: Auftrag und Geschichte. Berg am See, 1989.
23. Meteling W. Ehre, Einheit, Ordnung. Preussische und französische Städte und ihre Regimenter im Kriege 1870/71 und 1914–1919. Baden-Baden, 2010.
24. Michels E. „Der Held von Deutsch-Ostafrika“. Paul von Lettow-Vorbeck. Ein preußischer Kolonialoffizier. Paderborn, 2008
25. Mühlmann C. Deutschland und die Türkei 1913–1914. B., 1929.
26. Nakata J. Die Grenz- und Landeschutz in der Weimarer Republik 1918 bis 1933. Die geheime Aufrüstung und die deutsche Gesellschaft. Freiburg/B., 2002.
27. Oertzen F. W. v. Die deutschen Freikorps. München, 1936
28. Pazifistische Offiziere in Deutschland 1871 bis 1933 / hrsg. von W. Wette. Bremen, 1999.
29. Ribhegge W. August Winnig. Eine historische Persönlichkeitsanalyse. Bonn; Bad Godesberg, 1973.
30. Salomon E.v. Der Fragebogen. B., 1951.
31. Salomon E.v. Die Geächteten. B., 1930.
32. Schmidt-Pauli E.v. Geschichte der Freikorps 1918–1924. Stuttgart, 1936.
33. Sprenger M. Landsknechte auf dem Weg ins Dritte Reich? : zu Genese und Wandel des Freikorpsmythos. Paderborn; München; Wien; Zürich, 2008.
34. Untersuchungen zur Geschichte des Offizierkorps. Anciennität und Beförderung nach Leistung / hrsg. von W. Meier-Welcker. Stuttgart, 1962.
35. Völkermord in Deutsch-Südwestafrika. Der Kolonialkrieg (1904-1908) in Namibia und seine Folgen / hrsg. von J. Zimmerer, J. Zeller. Bonn, 2016.
36. Vom Sterben des Deutschen Offizierkorps / hrsg. von C. v. Altröck. B., 1922.
37. Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte: 5 Bde. München, 2003. Bd. 4.
38. Wette W. Gustav Noske: eine politische Biographie. Düsseldorf, 1987.
39. Winnig A. Am Ausgang der deutschen Ostpolitik: persönliche Erlebnisse und Erinnerungen. B., 1921.
40. Zechlin F. Das Reserve-Infanterie-Regiment Nr. 60 im Weltkriege. Oldenburg; Berlin, 1926.
41. Zirkel K. Vom Militaristen zum Pazifisten: Politisches Leben und Wirken des Generals Berthold von Deimling vor dem Hintergrund der Entwicklung Deutschlands vom Kaiserreich zum Dritten Reich. Diss. Düsseldorf, 2006.

Сведения об авторе:

Леонтий Владимирович Ланник, кандидат исторических наук, доцент, ассоциированный сотрудник Европейского университета в Санкт-Петербурге. leo-lannik@yandex.ru

ОСВАЛЬД ШПЕНГЛЕР И ГЕРМАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ МЫСЛЬ В XX СТОЛЕТИИ В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Аннотация. В статье рассматривается отношение к интеллектуальному наследию Освальда Шпенглера в германской гуманитарной мысли XX столетия. В историографической ретроспективе анализируются этапы отражение и восприятие основных философско-исторических и политических идей Шпенглера в немецкой научной мысли.

Ключевые слова. Освальд Шпенглер, германская историография, философия истории, «консервативная революция».

O.E. Terekhov Oswald Spengler and German humanitarian thought in the XXth century in a historiographical retrospective

Abstract: The article considers the attitude to the intellectual heritage of Oswald Spengler in the German humanitarian thought of the 20th century. In historiographic retrospect, the stages of reflection and perception of Spengler's basic philosophical-historical and political ideas in German scientific thought

Key words: Oswald Spengler, The German historiography., philosophy of history, The «Conservative Revolution»,

В 1918 году исполняется столетие со дня выхода одной из самых интеллектуально провокативных книг XX столетия — первого тома «Заката Европы» Освальда Шпенглера (1880–1936). Как показало время, труд никому не известного дилетанта-мыслителя, при всей его формальной не академичности, начиная от заглавия самой книги, содержал ворох разнообразных идей и интуитивных догадок, от знакомства с которыми «захватывало дух». Выход первого тома также совпал с важными политическими событиями в истории Европы, связанными с окончанием Первой мировой войны. Поэтому не удивительно то ошеломляющее впечатление, какое он произвел на европейскую интеллектуальную, публику. Нельзя не согласиться с мнением Б. Г. Могильницкого, который писал о том, что книга О. Шпенглера является духовным символом своего времени [1 С. 131]. «Закат Европы» фактически положил начало становления современной цивилизационной теории в западной исторической мысли и исторической науке новейшего времени. Книга Шпенглера стала важным фактором, повлиявшим на изменение исторического сознания Запада. Последующие поколения историков, культурологов, философов неоднократно возвращались к идеям Шпенглера, которые он изложил в «Закате Европы».

Новизна, оригинальность, нарочитая антиакадемичность философии истории «Заката Европы» с момента своего появления вызвала серьезную, и со временем расширяющуюся, дискуссию о методологических, идейных принципах построения культурно-исторической концепции, предложенной Шпенглером. Остроту дискуссии, на ее начальной стадии», характеризовал сам Шпенглер, которой под градом обвинений в заимствованиях, аллюзиях, да и просто в плагиате, был вынужден отвечать своим критикам. По этому поводу Шпенглер писал своему издателю Оскару Беку о том, что ему пришлось «ознакомиться с полусотней предшественников, среди них наиболее известны — Лампрехт, Дильтей и Бергсон. Количество их тем временем должно было перевалить за сотню. Если бы я захотел прочитать хотя бы половину, то и сегодня не закончил бы работу... сегодня вообще невозможно высказать что-нибудь такое, что не было бы затронуто в посмертных сочинениях Ницше» [8. S. 60]. В

многочисленных переизданиях первого тома «Заката Европы» Шпенглер постоянно отмечал, что его главными учителями являются Гёте и Ницше.

То, что Шпенглер являлся «Enfant terrible» (ужасное дитя) западной гуманитарной мысли XX столетия, не вызвало сомнений даже у тех интеллектуалов, которые с интересом и благосклонно отнеслись к его идеям. Автодидакт, хотя и с дипломом профессионального философа и математика, надменно относившейся к современной ему академической науке (см. отрывок из письма выше), претендующий не много ни мало на «коперниканское открытие в области истории» [2. С. 147]. Шпенглер, безусловно, стоит особняком в контексте германской и западной гуманитарной мысли прошлого столетия, не вписываясь ни в одно из ее направлений и течений.

Собственно говоря, и сам Шпенглер сознательно культивировал образ мыслителя-одиночки, стоящего «над схваткой». Это, судя по его биографии, было ему чрезвычайно удобно, так как полностью соответствовало его позиции пророка и мистификатора, стремившегося подобной интеллектуальной ролью, или, перефразируя его же терминологию интеллектуальном гештальтом, как можно больше обезопасить себя от вторжения реальной действительности, порой жесткой и не красивой, не совсем отвечающей его тонким эстетическим вкусам и запросам.

Однако, несмотря на свой «интеллектуальный анархизм» и парадоксальность мышления, истоки философско-исторических и политических воззрений автора «Заката Европы» находились в русле мощной эпистемологической и социокультурной традиции немецкого консерватизма и историзма, которая долгое время определяла историческое сознание представителей германской культуры в целом. Более того, Шпенглер, очевидно, не желая того, предпринял попытку трансформации базовых теоретико-методологических и идейных принципов немецкого историзма в условиях его кризиса начала XX столетия и внес значительный вклад в идеологию немецкого консерватизма.

Академическое научное сообщество в своем большинстве в 1920 – 1930-х гг. и далее, так и не признало за автором «Заката Европы» равного интеллектуального субъекта, с которым можно вести какие-то дискуссии на предмет его исследования. Особенно, за редким исключением, это касается немецкой гуманитарной мысли. «Спор о Шпенглере», критика маститых историков Э. Трельча и Ф. Мейнеке, долгое послевоенное забвение, несмотря на широкую популярность у читающей публики, сделало из Шпенглера некую маргинальную фигуру в германской гуманитарной мысли. Один из ведущих послевоенных немецких историков Эрнст Нольте в своей фундаментальной монографии об исторической мысли XX столетия хоть и включил Шпенглера в число историков и философов. Тем не менее, давал ему достаточно сдержанную оценку. Нольте указывал на то, что в своей критике культуры и характеристике цивилизации Шпенглер не был оригинальным исследователем для своего времени. Л. Клагесс, К. Брейзинг, В. Ратенау, М. Вебер, по мнению Нольте, были куда более значительными и важными интерпретаторами этой проблематики [13. S. 218].

Но надо отдать должное немецкой гуманитарной мысли с ее, казалось бы, строгим академизмом, не оставляющим места интеллектуальным вольностям и строго карающий тех, кто хоть как-то пытался выйти за его рамки. Германские гуманитарии на уровне интуиции и метафизики признавали за Шпенглером своего, пусть в несколько фривольном смысле трактующего историю и культуру, представителя. Карл Ясперс в «Истоках истории и ее цели» (1949), полемизируя с автором «Заката Европы», причисляет его, наряду с А. Тойнби и А. Вебером, к ведущим философам и историкам современности.

Основоположник изучения феномена немецкой «консервативной революции» Армин Молер, характеризуя мировоззренческую и социально-политическую позицию Шпенглера,

называет ее «героическим реализмом». Молер распространил категорию «героического реализма» в целом на всю «консервативную революцию», включив ее в число главных мировоззренческих и идеологических категорий «революционного консерватизма» [12. S. 157-161]. «Героический реализм» был идейным и мировоззренческим ответом интеллектуалов «консервативной революции» на кризис культуры и национального самосознания в эпоху модерна [12. S. 271].

Американский историк, немецкого происхождения, Клеменс Клемперер в своем труде «Консервативные движения между кайзеровским рейхом и национал-социализмом»¹, одной из первых работ в западной гуманитарной мысли, посвященной немецкой «консервативной революции», называет Шпенглера «языческим консерватором» [9. S. 167]. По мнению Клемперера, историческая диалектика Шпенглера достигла высшей точки своего развития в концепции «пруссачества», в которой он возвращается к идее Гегеля. Шпенглер вновь вернул смысл диалектики к ее исходному пункту, идущему от понимания государства Гегелем, в создании государственных форм по образу и подобию Пруссии.

Эти работы способствовали возвращению идей Шпенглера в интеллектуальный дискурс и даже его определенную академическую канонизацию. Но здесь мы опять наблюдаем некоторую интеллектуальную аберрацию восприятия его наследия в германской гуманитарной мысли, которое раздваивается на Шпенглера оригинального философа истории и культуролога, стоявшего у истоков современной картины истории и культуры, и Шпенглера идеолога немецкого консерватизма, одного из ведущих представителей «консервативной революции» в Веймарской Германии, сыгравшего своими политическими сочинениями не последнюю роль в идейной подготовке национал-социализма. Потребовалось время, чтобы совместить эти два образа, а главное понять, что одно не возможно без другого.

Важное место в этом процессе занимает историк Антон Мирко Коктанек, который, работая с архивом Шпенглера хранящимся в Баварской государственной библиотеке в Мюнхене, и не только издал его неопубликованные труды [16. 17], но и написал первую фундаментальную монографию о Шпенглере [10]. Коктанек, рассматривая предпосылки возникновения «Пруссачества и социализма», приходит к выводу, что политические работы Шпенглера не являлись ответом на конкретную проблему, хотя без этого и не обходилось. Они, прежде всего, были окончательным приданием формы его взглядов на историю и человека. Текущие политические события способствовали кристаллизации и совершенствованию изначально разработанной схемы [10. S. 232].

Коктанек писал о значении политики для Шпенглера: «Политика была его этикой, в известном смысле практическим разумом, понятая в кантовском смысле этого слова» [10. S. 269]. Коктанек, рассматривая предпосылки возникновения «Пруссачества и социализма», приходит к выводу, что политические работы Шпенглера не являлись ответом на конкретную проблему, хотя без этого и не обходилось. Они, прежде всего, были окончательным приданием формы его взглядов на историю и человека. Текущие политические события способствовали кристаллизации и совершенствованию изначально разработанной схемы [10. S. 232]. Шпенглер, по мнению Коктанека, призывал помирить консерватизм с социализмом. Шпенглер не считал необходимым сохранение консерватизма в его традиционной христианско-охранительной форме. Консерватизм дворянства мертв. Тем не менее, Коктанек характеризует Шпенглера политическим теоретиком, мало связанным с текущей политикой [10. S. 431].

¹ Klemperer K. von. *Konservative Bewegungen zwischen Kaiserreich und Nationalsozialismus*. München, 1962 (первое издание книги на английском языке вышло в 1957 году под названием: «Germany's New Conservatism»).

1980-е гг. были переломным этапом в немецкой «шпенглеряне». Этот этап довольно быстро вышел за рамки германской гуманитарной мысли и приобрел международный характер. Достаточно назвать имена французского историка-германиста Жилбера Мерлио, который является одним из ведущих специалистов по творчеству Шпенглера, и американского историка и политолога Джеффри Херфа, создателя концепции «реакционного модерна». Труды Мерлио и Херфа повлияли на развитие исследования наследия интеллектуального Шпенглера в германской гуманитарной мысли. Например, Мерлио является частым участником сборников статей посвященных Шпенглеру, иногда выступая в качестве их составителя и редактора.

В ходе этого этапа соединились два направления в изучении наследия Шпенглера: как философа истории, культуролога и политического мыслителя консервативного толка. Для того чтобы представить целостный образ пророка заката Запада понадобилось изменить точку зрения на немецкий консерватизм как мировоззрение и политическую позицию, отказаться от его понимания как сугубо реакционной и чуждой любому изменению жизни идеологии, что, в конечном итоге, перевернуло представления о таком феномене германской истории XX века как «консервативная революция». Немецким гуманитариям, отягощенным опытом «преодоления прошлого», особенно сложно это было сделать.

В год столетия со дня рождения автора «Заката Европы» вышел сборник статей «Шпенглер сегодня» [15]. Два автора этого сборника, известный специалист по истории политической философии Герман Люббе и историк Х. Мёллер попытались дать общую оценку Шпенглеру, показать его место и роль в германской гуманитарной и общественно-политической мысли XX столетия. Люббе отмечал значительное политико-экзистенциальное воздействие идей Шпенглера на немецкую публику, особенно на правоконсервативный лагерь. Это воздействие в конечном итоге было направленно против системы парламентской демократии Веймарской республики [15. S. VIII]. Актуальность идейно-политического наследия Шпенглера выражается, по мнению Люббе, в длительном воздействии на немецкое общество последствий краха Веймарской республики. Шпенглер относится к числу тех авторов, которые в полной мере выразили кризис своего времени. «Существует немного авторов межвоенного периода, в произведениях которых так наглядно бы отразились идеологические перипетии этого периода», – пишет Люббе [15. S. VIII]. «Практическая направленность текстов Шпенглера – политизация сознания читающей публики», – констатирует он [15. S. 4]. Люббе называет Шпенглера «публицистическим гением необычного ранга» [15. S. 6].

Х. Мёллер писал: «В своих сочинениях после Первой мировой войны Шпенглер связал философско-историческую критику современности с предчувствием нового века» [15. S. 50]. «Политические сочинения Шпенглера воспринимаются как выражение политических, духовных проблем послевоенного времени и, одновременно, как парафразы его необычно сенсационного волнующего главного труда» [15. S. 51]. По мнению Мёллера, Шпенглер лучше, чем творцы Веймарской конституции, понимал разницу между конституционным правом и той действительностью, на которую примиряют это право [15. S. 54]. Характеризуя влияние политических сочинений Шпенглера на общественное сознание Веймарской республики, Мёллер риторически вопрошает: какой же должен быть уровень политической культуры Германии, если призывы к диктатуре мыслителей такого ранга как Шпенглер или Шмитт были услышаны и поддержаны в широких кругах [15. S. 69].

В том же 1980 г. вышла диссертация Карин Экерманн «Освальд Шпенглер и современная критика культуры», в которой автор анализировал влияние его взглядов на развитие гуманитарной и политической мысли XX столетия. Экерманн писала, что «в концепции Шпенглера власть возникает как противоположность культуре, а политика становится выс-

шим проявлением виталистского напора в самоутверждении властной экспансии» [6. S. 40]. Экерманн делала вывод о том, что в учении Шпенглера особенности государственного строя определялись особенностями народа или культуры. В соответствии с этим подходом Шпенглер понимал государство как органический индивидуум, в котором единичная воля подчинялась воли общей [6. S. 40].

Гарантом стабильного развития государства выступал его авторитет, который зависел не от наличия, либо отсутствия конституции, а от работы правительства. Постоянство и безопасность политического руководства в свою очередь гарантировалось наличием вождя, обладавшего государственным инстинктом [6. S. 41]. Вождь непременно должен происходить из элиты, в учении Шпенглера – из дворянства. Шпенглер был убежден в природном происхождении патриархальных и феодальных форм господства [6. S. 42].

Согласно Экерманн, Шпенглер, основываясь на концепции аристократического и иерархического понимания государства и власти, критиковал демократию и парламентаризм. Он описывал историю возникновения и развития принципов демократии как возрастающий протест третьего сословия [6. S. 44]. «Так как для Шпенглера государственная мысль была тесно связана с личностью вождя, демократические формы правления он понимал как проявление деградации» [6. S. 45]. Критика Шпенглером принципов парламентской демократии основана на его пророчествах о политическом упадке западного общества, демократия – это начало упадка и гибели. При переходе от культуры к цивилизации буржуазия становится солидарна с «массой» в требовании о введении всеобщего избирательного права [6. S. 48]. В интерпретации Экерманн, Шпенглер понимал демократию как политическую форму, которая возникает не из органических основ жизни и культуры, а появляется в результате абстрактных представлений о праве и справедливости, что изначально приводит к противоречию между духом закона и реальностью [6. S. 53].

Рассматривая отношение Шпенглера к Веймарской республике, Экерманн полагает, что оно соответствовало его консервативным представлениям о значении в истории сильного внутри- и внешнеполитического государства. В соответствии с этой позиции Шпенглер негативно оценивал парламентскую республику как форму крайнего выражения партийных и политических противоречий [6. S. 86]. Но Экерманн также отметила и амбивалентность отношения Шпенглера к политическим партиям, которые он признавал и не признавал одновременно. Во-первых, Шпенглер, по ее мнению, надеялся на появление сильной личности из партийной среды. Во-вторых, Шпенглер в общественно-политических условиях Веймарской республики отрицал только те партии, которые стремились подчинить государство своим партийно-политическим интересам. Партии, выступавшие с национальных и патриотических позиций, Шпенглер признавал. [6. S. 86 - 87].

Экерманн утверждает, что в развитии принципов массовой демократии Шпенглер усматривал опасность ее превращения в диктатуру цезаристского типа. Критика Шпенглером демократии также основывалась на его вере в природное происхождение вождизма, убежденностью в метафизической обусловленности «воли к власти», апелляцией к идее традиционно-сословного государства и мысли о том, что демократическая форма правления является провозвестником всеобщего политического распада [6. S. 74].

По мнению Экерманн, Шпенглер отводил решающую роль в борьбе против «белой» и «цветной» мировых революций прусско-германским традициям. В этой связи в своем понимании социализма Шпенглер исходил из его религиозных предпосылок [6. S. 65]. Экерманн определила концепцию социализма Шпенглера как «фаустовский социализм» [6. S. 68]. Стремление Шпенглера выделить национальную специфику социализма привело его к созданию концепции «прусского социализма», в которой политика доминировала над экономи-

кой [6. S. 70]. Напротив, «в марксистском социализме Шпенглер усматривал псевдоэсхатологическую концепцию истории» [6. S. 75].

В 1984 году вышло первое издание, ставшей уже классической монографии американского историка и политолога Джеффри Херфа «Реакционный модернизм: технология, культура и политика в Веймаре и Третьем Рейхе». Херф отказался рассматривать философско-исторические и политические взгляды Шпенглера автономно друг от друга, соединив их в предложенной им для объяснения праворадикальных идейно-политических феноменов межвоенного времени концепции «реакционного модерна», отличительной особенностью которого стал синтез иррационалистических идей немецкого консерватизма и национализма с «наиболее очевидной манифестацией направленной на достижения цели рациональности» [7. P. 1]. Немецкие правые этого периода в своей идеологии и политике пытались, по мнению Херфа, совместить не совместимое: одновременно целиком отрицать Просвещение и пользоваться его плодами, что создавало идейную и политическую гремучую смесь. Автор концепции «реакционного модерна» отмечает, что политические идеи Шпенглера находились на границе между прусскими консерваторами, опиравшимися на промышленность, юнкеров, армию и бюрократию, и послевоенными консервативными революционерами [7. P. 11], что не могло не сказаться и на его философии истории. В дальнейшем германские гуманитарии, используя концепцию «модернизации» при объяснении феномена «консервативной революции», неоднократно обращались к работе Херфа.

Интеллектуальным итогом немецкой «шпенглеряны» 1980-х стала книга, которая окончательно академически канонизировала автора «Заката Европы». Речь идет о монографии Детлефа Фелькена «Освальд Шпенглер: консервативный мыслитель между кайзеровской империей и диктатурой». По словам итальянского шпенглероведа Массимо Феррари Цумбини – «это первая современная монография в истинном смысле этого слова» [19. S. 12 - 13]. Главным достоинством монографии Фелькена Цумбини считал то, что автор впервые рассмотрел Шпенглера не как некоего провидца и пророка, а поставил вопрос о непосредственных источниках его философско-исторических и политических взглядах. Фелькелю удалось связать воедино все грани интеллектуального наследия Шпенглера в единое целое и, самое главное, комплексно рассмотреть генезис научных и политических взглядов этого «Нестора» послевоенного поколения.

Название монографии свидетельствовало о том, что автор сумел выявить основополагающий мотив идейных исканий немецкого мыслителя. Основываясь на обширном корпусе источников, в том числе и неопубликованных архивных материалах, Фелькен показал взаимозависимость и взаимообусловленность философско-исторических и политических взглядов Шпенглера. Он отметил значимость политических трудов Шпенглера для формирования и развития идеологии «консервативной революции». Особенно интересна мысль Фелькена о том, что публицистика Шпенглера от «Пруссачества и социализма» до «Годов решений» является важнейшим источником идейной эволюции немецкого консерватизма в Веймарской республике в национал-социалистическое мировоззрение. Трансформация политических взглядов Шпенглера демонстрирует как далеко «консервативные революционеры» удалились от своих изначальных идеалов [8. S. 195]. В целом Д. Фелькен, несмотря на свой беспристрастный анализ различных аспектов интеллектуального наследия Шпенглера, считал его реакционером, выступавшим против модерна. «Цивилизация стала для него общим обозначением всего негативного влияния модерна» [8. S. 69]. Культурпессимизм, по словам Фелькена, еще до его националистической мобилизации в «идеях 1914 года» стал идеологией реставрации исторической химеры, выраженной в желании радикального краха модерна [8. S. 72]. Фелькен усматривает значение творческого и идейного наследия Шпенглера в том,

что он как никто другой выразил дух своей эпохи. «В этом заключается его долговременное историческое значение, но также и границы его актуальности» [8. S. 246].

Книга Фелькена ознаменовала начало новой волны интереса к интеллектуальному наследию Шпенглера, которая уже в полной мере проявилась в 1990-е гг. и охватила не только германскую гуманитарную мысль, но и западную в целом. В 1994 году коллектив авторов предпринимает опыт интернационально-компаративного рассмотрения его основных философско-исторических, культурологических и политических идей [5]. Наряду со своими немецкими коллегами в сборнике приняли участие видные шпенглероведы и специалисты по немецкому консерватизму из других стран – француз Ж. Мерлио, итальянец Массимо Феррари Цумбини, американцы Джон Фарренкопф и Джеффри Херф.

По мнению Фарренкопфа, «Закат Европы» следует рассматривать не только как новаторскую книгу по философии истории, но и как труд призванный дать немецкой элите рекомендации по искусству управления государством [5. S. 45 - 46]. «Философия мировой истории Шпенглера изначально была черновиком для того, чтобы подготовить инновационные формы немецкой «Realpolitik», – утверждает он [5. S. 72]. Шпенглер, согласно Фарренкопфу, попытался соединить три великие немецкие интеллектуальные традиции: философию истории, культурпессимизм, «Realpolitik» [5. S. 73].

Мерлио полагает, что Шпенглера можно читать и воспринимать исходя из двух противоположных подходов. Представители первого подхода к интеллектуальному наследию Шпенглера рисуют образ мыслителя, стоявшего между кайзеровским рейхом и национал-социализмом. В данном случае Шпенглер воспринимается как экстремистки настроенный националист, главный представитель «консервативной революции», оказавший непосредственное влияние на духовный климат времени и идеологически подготовивший национал-социализм. Сторонники второго подхода вырывают немецкого мыслителя из социально-политического контекста времени и сосредотачивают внимание на достижениях Шпенглера в области философии истории и культуры. В противоположность обоим подходам, Мерлио считает, что отделить националистические взгляды Шпенглера от его философии истории и культурфилософии практически невозможно. Эти взгляды радикализируют его основные идеи и во многом лишают их достоверности и теоретико-познавательного содержания. Но именно такой гремучий синтез как раз и составляет основу неослабевающего интереса к Шпенглеру [5. S. 115-116].

Г. Люббе, сравнивая две фундаментальные работы германской «консервативно-революционной» мысли «Пруссачество и социализм» и «Рабочего» Э. Юнгера, подчеркивает искреннее намерение их авторов сформулировать новый тип социализма. В обеих книгах намечен проект «постмарксистского социализма как немецкой политической формации будущего» [5. S. 137].

Непосредственно анализу публицистики Шпенглера была посвящена статья леволиберального немецкого историка и публициста Клеменса Волльнхальса. В 1984 г. он опубликовал статью «Освальд Шпенглер и национал-социализм: дилемма революционного консерватора», в которой представил радикальную трактовку феномена «консервативной революции». В сборнике «Случай Шпенглера», в котором участвовал Волльнхальс, он предпринял попытку комплексного рассмотрения эволюции политических взглядов Шпенглера на основе его публицистики¹.

¹ В нашей работе мы используем вторую редакцию статьи Волльнхальса, опубликованную в: Vollnhals C. Praeceptor Germaniae. Spenglers politische Publizistik // Völkische Bewegung – Konservative Revolution – Nationalsozialismus. Aspekte einer politisierten Kultur / Hrsg. von W. Schmitz, C. Vollnhals. Dresden, 2005

Во-первых, для Волльнхальса очевидно наличие изначальной первичной политической установки в главном труде Шпенглера «Закат Европы» [18. S.118]. Во-вторых, Волльнхальс предлагает объяснение политических взглядов Шпенглера исходя из фрейдистского подхода, ссылаясь на то, что истоки его мировоззрения находятся в несчастливом детстве и одинокой юности [18. S.136]. В-третьих, Волльнхальс все же признает, что публицистика Шпенглера не выходила за рамки немецкой интеллектуальной и политической традиции неприятия либерализма. Ее «ослепительное воздействие» (выражение автора) основано на духовном кризисе, поразившем немецкое общество после мировой войны и Ноябрьской революции. Не случайно, что публикация самых знаменитых политических трудов Шпенглера «Пруссачество и социализм» и «Годы решений» совпала с началом и концом Веймарской республики [18. S.136].

По мнению известного историка и социолога Рольфа Питера Зиферле, Шпенглер в своем учении о культурно-исторических типах одновременно использовал два подхода к пониманию культуры: релятивистско-исторический и эмфатическо-нормативный [14. S. 108]. Характеризуя подлинное отношение Шпенглера к проблеме наступления цивилизации, Зиферле писал: «Мировая война окончательно показала, какие цивилизационные силы будут доминировать в будущей мировой империи: англосаксонский разбойничий капитализм или по прусски организованный социализм [...] таким образом, речь шла о противоречиях внутри современной цивилизации, но ни в коем случае о реакционной охранительной борьбе против самой цивилизации» [14. S. 111]. По мнению Зиферле, вопрос о возвращении к предцивилизационному состоянию общества не стоял для Шпенглера на повестке дня. Политические сочинения, которые написал Шпенглер в первые годы Веймарской республики, служили объяснению и пропаганде исторической миссии Германии. В них речь шла о дальнейшем развитии «идей 1914 года», но переработанных с учетом политической ситуации после поражения в войне в программу особого германского пути, которая синтезировала пруссачество и социализм, организацию и сообщество, этику долга и служение делу [14. S. 112].

Зиферле следующим образом трактует взгляды Шпенглера на демократию и цезаризм. Шпенглер, следуя традиции консервативной критики цивилизации, считал, что переход к цивилизации есть переход от формы к бесформенности, от сословного порядка к современному массовому обществу парламентской и партийной демократии. Парламентская демократия была, по мнению Шпенглера, формой распада сословного порядка. Установление парламентской Веймарской республики означало крушение специфической прусской традиции. Парламентская демократия основана на господстве денег и плутократии. Парламентаризм – просто фасад, за которым стоят интересы узкого круга капиталистической элиты. Парламентская демократия рано или поздно неизбежно должна закончиться хаосом и перейти в диктатуру цезаря. Предпосылки цезаризма находятся в бунте традиционной элиты против плутократии. Цель цезаризма – захват власти. Цезаризм должен возникнуть на основе синтеза посткапиталистического социализма и предкапиталистической этики долга. В разработке такого типа цезаризма состоит особая историческая миссия Германии [14. S. 114 - 11508].

Во время и после Первой мировой войны Шпенглер усматривал внутрицивилизационные противоречия в конфронтации прусского социализма с англосаксонской плутократией. На конечной стадии существования Веймарской республики главного врага немецкой нации Шпенглер видел в революционном движении и пролетариате, который явно вступал в противоречие с его концепцией заката в духе прусско-социалистического цезаризма [14. S. 127 - 128]. В этом отношении Шпенглер не делал различия между либеральной, большевистской и национал-социалистической идеологиями. Они являлись для него выражением системы господства партий. Даже итальянский фашизм не был для него истинным цезаризмом, хотя, по мнению Зиферле, в образе Муссолини Шпенглер видел более значительный тип вождя, чем,

например, в фигуре Гитлера. Зиферле отмечает неоднозначность восприятия Шпенглером нацизма. С одной стороны, он поддержал Гитлера и нацистское движение как единственно возможный вариант ликвидации Веймарской республики. С другой – его пугал массовый характер нацистского движения [14. S. 128].

Говоря о 1990-х гг. как новом всплеске интереса в германской гуманитарной мысли к наследию Шпенглера, нельзя не упомянуть о диссертации молодого исследователя Раймонда фон Буше, в которой автор, очевидно вдохновленный примером известного гамбургского социолога и историка Штефана Бройера [3], попытался представить новую концепцию немецкого консерватизма в Веймарской республике. Диссертация была опубликована в 1998 году и вызвала неоднозначную реакцию германского академического сообщества [4]. Желание молодого исследователя полностью пересмотреть понимание и историю немецкого консерватизма и не только в Веймарской республике, но и в целом, не нашло поддержки среди его коллег. Хотя необходимо отметить, что работа носит по-настоящему новаторский характер и ряд идей автора следует признать весьма плодотворными.

Основополагающая идея работы Буше заключается в том, что он отрицает наличие в германском консерватизме в Веймарской республике существование различных идейных течений и групп (особняком в этом ряду стоит национал-социализм). Другой важной мыслью Буше является признание континуитета между консерваторами кайзеровского рейха и Веймарской республики на основе общих мировоззренческих ценностей. Сущность германского консерватизма после 1918 года не изменилась, иной стала его политическая тактика. Эту новую форму выражения идеологии и политики германского консерватизма Буше называет феноменом политизации аполитичных [4. S. 18].

По мнению Буше, основу мировоззренческой и идеологической позиции германских консерваторов составляла их вера в возможность существования аполитичного общественного порядка, в котором политика была бы изгнана из бытия или, по крайней мере, отдана в руки государства и его руководящей элиты [4. S. 18]. Такой подход германских консерваторов к пониманию политического свидетельствует, по утверждению автора, об изначальной иррациональности их мировоззренческих, идеологических и политических установок. В этом моменте своих рассуждений Буше солидаризируется с концепцией политизации иррационализма К. Зонтхаймера. Таким образом, согласно Буше, в германском консерватизме после 1918 года происходит процесс политизации иррациональности, которая была вызвана объективными условиями исторического развития Германии.

Общая схема эволюции германского консерватизма в Веймарской республике, начертанная Буше, такова. Политизация немецкого общества в ходе Первой мировой войны и Ноябрьской революции способствовала вторжению в общественно-политическую жизнь широких народных масс. Традиционные идеологические и политические устои, на которых держался консерватизм в кайзеровском рейхе, потерпели крушение. Консерваторы в Веймарской республике были вынуждены выработать новые методы идеологической и политической борьбы с целью восстановления мифа об аполитичном обществе и утраченной аполитичной гармонии кайзеровского рейха. Буше выделяет три стадии развития консервативного сознания в Веймарской Германии:

- политику национального протеста,
- создание метаполитических теорий (спекуляций, по терминологии автора)
- и формирование на их основе новых консервативных архетипических символов. Эти задачи являлись общими для всех консерваторов Веймарской республики. Поэтому противопоставление «старых» и «новых» консерваторов, вильгельмовской реакции и «консервативной революции» не имеет смысла.

Буше, основываясь на своей концепции о значении аполитичного подхода к действительности в идеологии немецкого консерватизма, отводит Шпенглеру главную роль в формировании метаполитических представлений в обосновании аполитичной позиции немецкого консерватизма после Первой мировой войны. Он называет Шпенглера авангардистом среди консервативных мыслителей Веймарской республики. Политический авангардизм Шпенглера базируется, по мнению Буше, на трех важных концептуальных положениях. Во-первых, Шпенглер был первым мыслителем, который обнаружил, что причины политических проблем могут иметь более глубокую основу, чем просто проявление определенных событий. Во-вторых, культурфилософия Шпенглера явилась первым опытом создания целостной метаполитической конструкции в германском консерватизме периода Веймарской республики. В-третьих, Шпенглер дал немецким консерваторам звучный тезис-лозунг «Закат Европы», который стал символом консервативного движения в Веймарской Германии [4. S. 119 - 120]. «Метаисторическое учение Шпенглера о закате культур является псевдоисторико-графическим выражением его бегства в область метаполитических спекуляций», – резюмирует Буше [4. S. 122].

Согласно Буше, интеллектуальная операция по трансформации консерватизма из охранительно-защитного в наступательное и современное политическое направление была проведена Шпенглером в целях возможности метаполитических спекуляций с политическими понятиями [4. S. 123]. Политизация аполитичности обнаруживается у Шпенглера в том, что он возводит иррациональные декорации в современной политической теории. «Политические взгляды Шпенглера опирались не на систему рационального доказательства, а на сконструированные им метаполитические принципы: «раса», «кровь», «душа и тело истории», что стало примером для других немецких консервативных теоретиков после 1918 года [4. S. 125].

Касаясь взаимосвязи философии истории Шпенглера с его политическими воззрениями, Буше считал, что в своем учении о неизбежности упадка культур Шпенглер не желал реставрации политических институтов прошлого. «Он стремился к возможности возвращения к аполитичному бытию» [4. S. 128]. Итогом этого стало новое понимание Шпенглером демократии и социализма, что привело к искажению их подлинного политического содержания. Шпенглер превратил демократию в главного врага существования аполитичного общественного бытия [4. S. 128]. Он связывал демократию, прежде всего, с англо-французским образцом и считал ее непригодной для Германии. Германия имеет собственный путь исторического развития, который Шпенглер, по мнению Буше, связывал с идеей «прусского социализма» как интегративной идеологией, способной объединить все сословия. Но, как пишет Буше, «идеальное содержание «пруссачества» и «прусского социализма» оказывается по ту сторону шпенглеровского пафоса и его ожесточенной полемики против обозначенного врага [...]. Где культурфилософ выдает себя как охранителя консервативной традиции, он становится разрушителем. Немецкие традиции, которые следовало поддерживать, были сведены им к минимуму. Из всех немецких традиций для Шпенглера имели смысл только прусская твердость, послушание и всеобщая служба государству, все же другое, что также наполняло немецкую традицию необходимо упразднить» [4. S. 128]. Буше характеризует Шпенглера как прусского нигилиста.

Буше рассматривает «Пруссачество и социализм» как побочный продукт работы Шпенглера над вторым томом «Заката Европы». По мнению Буше, «Пруссачество и социализм» наглядно свидетельствует о том, какие метаполитические теории можно вывести из, казалось бы, сугубо философского учения о закате культуры [4. S. 122]. Шпенглер видел актуальный политический идеал в возрождении старопрусского этоса, основанного на повино-

вении и службе государству. Консерватизм Шпенглера выражался не в следовании устаревшим политическим представлениям, а являлся современной и агрессивной идеологией, которая, с его точки зрения, была единственно возможной в условиях Веймарской Германии. «Шпенглер стал первым после 1918 года мыслителем, использовавшим неполитические ценностные представления прусско-немецкого прошлого для того, что синтезировать их в качестве политически легитимных ценностей будущего и в связи с современной политической теорией» [4. S. 123]. Буше, характеризуя основной лейтмотив понимания Шпенглером политического бытия немецкого народа, констатировал: «Немецкий народ был для него специфическим «монархическим» народом или специфическим «вождистским» народом, который в силу исторических, географических и расовых основ передавал политические решения в руки вождя» [4. S. 135].

Буше считает представления Шпенглера об эпохе цезаризма квинтэссенцией его политической философии. Только цезаризм в его консервативном исполнении был способен преодолеть «анархические тенденции либерализма» [4. S. 137]. Касаясь критических замечаний Шпенглера относительно Веймарской республики, Буше выделяет три основополагающих мотива его негативного отношения к Веймару. Первое, военное поражение было результатом предательства и неповиновения. Второе, демократия не знает понятия государства и она не является немецкой государственной формой. Третье, раздробленность политических партий раскалывает общество и делает невозможной проведение сильной внешней политики [4. S. 137]. В целом Буше оценивает Шпенглера как значительнейшего консервативного мыслителя Веймарской республики.

Говоря о значении Шпенглера для развития идеологии консерватизма в Веймарской республике, Буше пишет: «Его интеллектуальный вклад в политизацию аполитичности и его влияние на консервативную мысль после 1918 года значительны» [4. S. 129]. Шпенглеру «Закатом Европы» удалось поставить вопрос о новой легитимации аполитичной позиции, а концепция «прусского социализма» стала политическим следствием его философии истории [4. S. 130 - 131]. Немецкий народ был для него специфический монархический народ, который в силу исторических, географических и расовых основ передавал политические решения в руки вождя.

Отражение и восприятие интеллектуального наследия Шпенглера в немецкой научной мысли никогда не было однозначным. Германн Люббе в 1980 году, в год столетнего юбилея автора «Заката Европы», утверждал «Шпенглер не классик» [15. S. 1]. Однако «ужасное дитя» германской гуманитарии все же было принято в материнское лоно ее базовых ценностей и установок, плоть от плоти которых он был. Эволюция немецкой шпенглеровщины показывает нам, как сложно проходил этот процесс. Шпенглер в конечном итоге стал классиком германской гуманитарной мысли XX столетия.

Библиографический список

1. Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века: Курс. Вып. I. Кризис историзма. Томск: Изд-во. Том ун-та, 2001. – С. 131
2. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность / Пер. с нем. – М.: Мысль, 1993. – С. 147.
3. Breuer, S. Anatomie der Konservativen Revolution / S. Breuer. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1993. – 232 S.
4. Bussche, R. von dem. Konservatismus in der Weimarer Republik: die Politisierung des Unpolitischen / R. von dem. Bussche. – Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1998. – 428 S.
5. Der Fall Spengler: Eine kritische Bilanz / Hrsg. von A. Demandt, J. Farrenkopf. Köln, Weimer, Wien, 1994.

6. Eckermann, K. E. Oswald Spengler und moderne Kulturkritik / K. E. Eckermann. – Bonn: Univ., Diss., 1980. – 315 S.
7. Herf J. Reactionary Modernism. Technology, culture and politics in Weimar and the Third Reich. Cambridge: University Press, 2003. 251 P.
8. Felken D. Oswald Spengler: Konservativer Denker zwischen Kaiserreich und Diktatur. – München: Beck, 1988. – 304 S.
9. Klemperer K. von. Konservative Bewegungen zwischen Kaiserreich und Nationalsozialismus. München, 1962.
10. Koktanek, A. M. Oswald Spengler in seiner Zeit / A. M. Koktanek. – München: Beck, 1968. – XXVII, 523 S.
11. Merlio, G. Der sogenannte «heroische Realismus» als Grundhaltung des Weimarer Neokonservatismus / G. Merlio // Intellektuellendiskurse in der Weimarer Republik: zur politischen Kultur einer Gemengelage / Hrsg. von M. Gangl, G. Raulet. – Frankfurt a. M.: Campus Verlag, 1994. – S. 271 – 285. S. 271.
12. Mohler, A. Die Konservative Revolution in Deutschland 1918 – 1932: Grundriss ihrer Weltanschauungen. – Stuttgart: Vorwerk, 1950. – 287 S. S. 157 161.
13. Nolte E. Geschichtsdenken im 20. Jahrhundert von Max Weber bis Hans Jonas. – Berlin, Frankfurt a. Main: Propyläen, 1991. – S. 218.
14. Siefert R. P. Die Konservative Revolution: fünf biographische Skizzen (Paul Lensch, Oswald Spengler, Ernst Jünger, Hans Freyer). Frankfurt a. Main, 1995.
15. Spengler heute / Hrsg. von Ch. Ludz. – München: Beck, 1980. – 197 S.
16. Spengler O. Urfragen: Fragmente aus d. Nachlass. / Unter Mitw. von Manfred Schröter hrsg. von Anton Mirko Koktanek – München: Beck, 1966. – XXX, 380 S.
17. Spengler O. Frühzeit der Weltgeschichte: Fragmente aus dem Nachlass / Unter Mitwirkung von Manfred Schröder hrsg. von Anton Mirko Koktanek. – München: Beck, 1966. – XX, 520 S.
18. Völkische Bewegung – Konservative Revolution – Nationalsozialismus. Aspekte einer politisierten Kultur / Hrsg. von W. Schmitz, C. Vollnhals. Dresden, 2005.
19. Zumbini M. F. Untergänge und Morgenröten: Nietzsche – Spengler – Antisemitismus. Würzburg, 1999. S. 12 – 13.

Сведения об авторе:

Терехов Олег Эдуардович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета, terehov1968@mail.ru

АВТОКРАТИЯ ПО-ВИЗАНТИЙСКИ: МОНАРХИЧЕСКАЯ РИТОРИКА ПАНГЕРМАНЦЕВ

Аннотация: В статье речь идет об оценке института монархии и деятельности императора Вильгельма II, как её главного, символического олицетворения авторитетным пангерманским публицистом Эрнстом графом цу Ревентловым. Задача автора статьи состоит в том, чтобы показать восприятие и отношение пангерманцев к монархии за несколько лет до её падения в Германии в ходе Ноябрьской революции 1918 года. На фоне событий первой четверти XX века анализируются причины изменения отношения пангерманцев к персоне императора, рассматривается системный кризис монархии и варианты его преодоления, описанные в трудах теоретиков пангерманизма. Автором рассматриваются намерения пангерманцев, связанные с подготовкой общественного мнения и восприятия монархии и персоны кайзера Вильгельма II подданными империи.

Ключевые слова: Вильгельм II, Пангерманский союз, монархия, агитация, общественное мнение, византизм, критика.

A.A. Turygin Autocracy on Byzantine: monarchic rhetoric of Pan-Germans

Abstract: In article it is about assessment of institute of the monarchy and the emperor Wilhelm II as her main thing, a symbolical embodiment the authoritative pangermansky publicist Ernst zu Reventlow. The task of the author of article consists in showing perception and the attitude of Pan-Germans to the monarchy several years prior to her falling in Germany during the November revolution of 1918. Against the background of events of the first quarter of the 20th century the reasons of change of the attitude of Pan-Germans to the emperor's person are analyzed, the system crisis of the monarchy and options of his overcoming described in works of theorists of Pan-Germanism is considered. The intentions of pan-Germans connected with preparation of public opinion and a certain perception of the monarchy and the person Kaiser Wilhelm II are considered by the author.

Key words: Wilhelm II, Pan-German league, monarchy, propaganda, public opinion, byzantinism, criticism.

В одном из своих оригинальных исследований, посвященном истории Германии в конце XIX и начале XX века, известный билефельдский историк Йоахим Радкау, анализируя духовно-нравственное и интеллектуальное состояние немецкого общества накануне Первой мировой войны, указывает причины «кризисного настроя», имевшее «вполне реальные основания: после ухода Бисмарка империя скатилась в затяжной латентный кризис. Полуабсолютистская структура Бисмарковской империи стала анахронизмом, и после отставки Бисмарка политическая система потеряла способность реагировать на новые проблемы; феодально-аристократический центр власти резко противоречил бурным индустриальным процессам; неудержимый рост рабочего движения постепенно загонял в тупик власть, уже неспособную разумно ответить на новые вызовы времени» [4. С. 271]. Отвечая на вопрос о причинах предвоенной «нервозности» в немецком обществе, учёный обращает внимание на кризис власти, имевший вполне конкретное воплощение в фигуре германского кайзера и его ближайшего окружения. Несмотря на то, что мнение историков об индивидуальной и коллективной ответственности за разжигание войны уже довольно давно существует в традиционной историографии, удивляет то, с какой методичностью оно формируется уже у самих современников накануне 1914 года. Показательным примером является создание теории сдерживания национальных сил из-за непоследовательности и стратегических ошибок политики кайзера.

Поздней осенью 1914 года, стоя у окна своего кабинета, выходящего на площадь перед Бранденбургскими воротами, влиятельный немецкий промышленник Вальтер Ратенау в беседе с бывшим рейхсканцлером Бернгардом фон Бюловым заметил: «Неужели такой монарх, как кайзер Вильгельм II, сама по себе личность вполне симпатичная, с обычными челове-

скими достоинствами и слабостями, но абсолютно неподходящая для роли правителя, да еще с таким немислимым канцлером, как Бетман, и такой пустышкой на посту начальника Генштаба, как Фалькенгайн, неужели он всерьез может надеяться пройти с триумфом под аркой этих ворот? Если такое ему удастся, то, значит, в истории нет никакого смысла, никаких законов» [3. С. 577]. Слова, сказанные в самом начале войны, оказались пророческими, так как уже спустя несколько лет сдержанный тон высказываний по отношению к кайзеру изменился в сторону резкого осуждения, неприятия и порой даже открытых оскорблений. Вильгельму II, обвиняемому в поражении страны, ставили в упрек и «неспособность править», и родовое безумие, которым страдал его двоюродный дед Фридрих Вильгельм IV, «тщеславие» и «болтливость», необузданный милитаризм, «постоянно лязгающий саблями» [23. S. 165]. Критики ставили в упрек кайзеру всё что угодно, вплоть до «психических отклонений», слухи о которых стали распространяться в обществе уже в самом начале его правления: «уже довольно скоро после вступления Вильгельма II на престол пошли слухи о том, что он психически ненормален. С момента разрыва между молодым кайзером и Бисмарком старый канцлер стал главным источником сомнительных слухов о психическом состоянии Вильгельма. Сторонники Бисмарка невольно вспоминали Фридриха Вильгельма IV, «романтика на троне», закончившего свои дни психически больным, и критиковали Вильгельма II за непредсказуемость, спонтанность и склонность к политическим фантазиям. И даже генерал-фельдмаршал Вальдерзее, который подстрекнул Вильгельма II к отставке Бисмарка и нередко служил ему наставником в политике, был ненамного лучшего мнения о своем кайзере» [4. С.273].

Конечно, было бы несправедливо ссылаться на однозначность оценок кайзера, не принимая во внимание попытки промонархических сил отвести внимание от личности в сторону коллективной ответственности или происков врагов рейха, но даже при таком подходе, учитывая мнения сторон, институт монархии должен был измениться, а кайзер Вильгельм II должен был уйти вместе со своей эпохой» [2, 6, 7, 17, 21, 22]. «Как откровенный приверженец немецкой династии и монархических учреждений (хотя и парламентских тоже), я твердо убежден, - писал М. Вебер, - что нынешний кайзер должен отступить в интересах рейха и династии. Поступая так, он поступает с честью, давая понять, что действует согласно праву и по совести. Поскольку судьба распорядилась иначе, он не желал бы стать преградой новому будущему своего народа [...] Отрицая какое-либо внешнее принуждение, он вызовет уважение и благородное сочувствие нации. Но, однако, положение династии сохранится [...] Я признаюсь открыто, что наблюдал за политикой кайзера с решительной антипатией. Но в интересах рейха я не могу желать, чтобы путь императора закончился бесчестьем, связанным с внешним принуждением отказаться от трона. Это станет неизбежным, если кайзер решит остаться на троне. Страшно подумать, какие последствия это возымеет для поколения!» [24. S. 477].

«Героического» жеста не последовало. Последующее отречение 9 ноября 1918 года, объявленное рейхсканцлером Максом Баденским без одобрения кайзера, который официально подтвердил его уже после своего бегства в Нидерланды, привело к постановке вопроса «о наследовании престола», по крайней мере, у правоконсервативной, националистически ориентированной части политизированной общественности. Еще до отречения кайзера, принятого немцами «с молчаливым стыдом» [5. С. 62], сторонники монархии в октябре 1918 года были убеждены, что спасти монархию можно лишь в том случае, если бы «Вильгельм и кронпринц немедленно отреклись от престола в пользу кого-нибудь из младших сыновей императора». Но уже в самом начале 1920-х годов они же ставили вопрос так: «лучше пусть умрут император и кронпринц, но останется в живых монархия, чем наоборот» [12. S. 133].

Как стратегическая цель Пангерманского союза, будущая монархическая форма государства была подтверждена пангерманцами в 1918 году на съездах в Берлине (1918) и Бамберге (1919) [16. S. 123]. Её основу должны были составлять «прусское государство и прусский народ, которые нужно благодарить за победы в 1813 и 1864-71 годы» [25. S. 93]. Об этом пангерманцы стали высказываться задолго до Ноябрьской революции 1918 года, переходя на сторону «национальной оппозиции» правительству. Радикализация программных требований пангерманцев происходит на съезде в Плауене (1903), где в качестве тактической задачи принимается «объединение усилий в борьбе с теми, кто мешает национальному развитию» [9. S. 131]. В качестве поборников национальных интересов пангерманцы начали кампанию против кайзера и правительства, сдерживающих, по их мнению, развитие «национальных сил» [8. S. 437]. Признавая ошибки кайзера и правительства, пангерманцы уже к началу войны открыто обсуждали альтернативную модель господства во главе с вождём («фюрером»), вокруг которой в дальнейшем возник план консервативного переворота.

Показательным примером, иллюстрирующим взгляды пангерманцев в отношении германской монархии в период перехода к «национальной оппозиции» (1903-1914) являются труды Эрнста графа цу Ревентлова (1869-1943): «Кайзер Вильгельм II и византийцы» (1906) [20] и «Кайзер и монархисты» (1913) [19].

Пангерманский активист, Эрнст граф цу Ревентлов (1869-1943), являвшийся с 1908 по 1914 годы главным редактором *Alldeutsche Blätter*, был известен как непримиримый критик кайзера. Из-за его книг, обличающих ближайшее окружение кайзера [20. S. 197], а позже – саму личность Вильгельма II [19], он был вынужден уйти в отставку из Военного управления печати (*Kriegspresseamt*) [18. S. 476]. Под влиянием Первого марокканского кризиса (1905-06), когда вместо «куска колониального пирога» и удара по Франции, Германия, в результате нерешительности и ошибок правительства, оказалась в дипломатической изоляции, граф написал и опубликовал критический очерк о пагубном действии византизма в окружении кайзера.

До того как перейти к критике византизма, Эрнст граф цу Ревентлов обращает внимание на природный склад ума кайзера, черты его характера и память, что вовсе не соответствует уже сложившейся тенденции критики Вильгельма II, развиваемой сторонниками Бисмарка: «Большинство людей, живущих в стране или за рубежом, не относясь к поклонникам кайзера, считает его чрезвычайно крупным умом. При этом бросается в глаза, что они не могут дать этому ни одного обоснования. Аргументом, как правило, является то, что это общеизвестный факт, подтверждаемый характером опубликованных высказываний кайзера. При этом нужно заметить, что я имею в виду серьезных людей, а не византинистов или тех, кто им слепо верит, ... Превозносят, главным образом, универсальность знаний кайзера, удивляются, как он подмечает самое главное в любой области буквально несколькими словами, ...заставляя старых специалистов смущенно замолкать. Действительно, как выдающееся качество интеллекта кайзера можно рассматривать его необычайно быструю сообразительность... Сам кайзер считает прямой обязанностью властителя быстро разбираться в различных сферах, демонстрируя это свое умение публике... Быстрота его ума, как по восприятию, так и по живости, является у него врожденной и (да не обвинят меня в византинистском высказывании) чрезвычайно развитой... Кайзер Вильгельм II очень часто поражает детальным знанием изначально далеких от него областей» [20. S. 18-19].

Переходя к критике окружения кайзера, граф отмечает, что под влиянием придворных льстецов лучшие черты его характера и природные способности Вильгельма II очень быстро приобрели иной, негативный окрас. Это нашло отражение как в личности самого кайзера, так и общественном мнении: «Если кайзер принимал одно решение, ему говорили «Совсем как

Фридрих Великий», другое - «Совсем как Великий курфюрст». И сегодня, наверняка, мало что изменилось, во всяком случае, продолжают попытки заставить кайзера поверить, что он постоянно походит на великих мужей и умы, которыми он, как известно, восхищается. Еще одним следствием (придворной лести – авт.) является то, что кайзер со временем начинает переоценивать значение быстроты ума и у других людей, начиная оценивать соответствующих личностей выше, чем они этого заслуживают: интеллектуальные способности других людей начинают основываться не на основании их образованности, а в связи с персональной значимостью и способности угождать... Как раз окружение кайзера демонстрирует, что это происходило весьма часто» [20. S. 22].

Византизм – концепция величия и эвтаксии (греч. eutaxia - «хороший порядок, благоустройство») монархического мироустройства и ближневосточной христианской концепции воплощения господства Царя Небесного в автаркии власти царя земного [1. С. 11]. В соответствии с идеями византизма император (автократор), «символизировал саму власть, её божественное происхождение» [1. С. 11].

Выражая собственное отношение к византизму, Ревентлов использует такие характеристики, как «народное заболевание», «угодничество», понимая под самим термином «состояние, обстоятельства, существующие в нашей общественной жизни, а не образ мыслей или его проявление» [20. S. 1-2]. Указывая на иностранное происхождение термина, граф характеризует сложившиеся при дворе кайзера Вильгельма II порядки как чуждые национальной культуре: «В немецком языке нет слова, которое могло бы охарактеризовать и точно описать суть византизма, ... представляемого как нечто чуждое немецкому характеру, происходящее из-за границы публичное проявление придворного раболепия» [20. S. 2-3]. Считая византизм «болезнью» которая охватывает отношения личности монарха с подданными, Ревентлов отмечает, что «истинными её возбудителями являются издавна пользующиеся дурной репутацией льстецы, которые всегда существовали в истории любого народа. И пока современному обществу не удалось взрастить сверхчеловека, их нужно рассматривать как неизбежное зло... В болезнь общества их наличие превратится только тогда, когда они смогут найти в личности монарха или в созданных им обстоятельствах благоприятную почву для своего промысла. Тогда инфекция вырастает, как при заразной болезни, до чудовищных размеров, порок быстро охватывает все вокруг себя в ущерб жизни государства... В Германии с некоторых пор так оно и есть, и цель дальнейших наблюдений я вижу в том, чтобы отследить как формы проявления болезни, так и ее отдельные очаги» [20. S. 3].

Описывая патогенез византизма, Ревентлов делает акцент на том, что уже существовавшая в истории рейха естественная традиция дистанцирования кайзера от политических институтов империи под влиянием византизма приобрела явно негативный окрас. Под влиянием лести придворных, полуправды или отъявленной лжи министров «кайзера побудили выбрать путь откровенного разрыва с народом», что граф считает «чудовищной опасностью» [20. S. 16]. Эта опасность чревата утратой доверия из-за ошибочных решений, основанных на ложном представлении о реальности, и, вследствие этого, слабостью, доходящей до бессилия во внутренней и внешней политике. Ревентлов даёт рекомендации кайзеру: «Быть невосприимчивым к общественному мнению, конечно, невозможно и непозволительно ни государственному деятелю, ни государю, однако он должен его понимать и быть в состоянии дать политическую оценку по степени его значения» [20. S. 33].

В качестве средства, которым пользуются византилисты в окружении кайзера, Ревентлов называет непререкаемое одобрение любых его публичных выступлений: «Со дня вступления кайзера на престол мы наблюдаем прямо-таки пугающий рост красноречия в Германской империи. Дошло между тем до того, что в порядочной немецкой прессе с некоторого

времени поднимается серьезный протест против этого. Думаю, многие со мной согласятся, что все без исключения речи имеют «патриотический» характер, связанный, однако, с превознесением кайзера, его поступков, его мыслей и намерений. Ораторы разные, в основном сознательные византилисты или также искренне восторженные. Как сознательные византи-

совершенно искренне, то есть они считают эту многословность и пафос современными и необходимыми. Нужно говорить «восторженно» и примером является кайзер... Эти честные, brave византилисты, то есть категория людей, которую я под этим подразумеваю, испытывают после подобных речей только чувство исполненного патриотического долга. За редким исключением, за всей этой честностью скрывается все-таки что-то лживое. Не будет преувеличением утверждение, что политическая жизнь широких масс в Германии ограничивается только этими высказываниями, и что вершиной считаются праздничные речи» [20. S. 34]. Итогом слепого одобрения публичных выступлений кайзера становится, по мнению Ревентлова, то, что «в нынешних обстоятельствах успех ораторской деятельности только укрепляет кайзера в мысли, что он на верном пути» [20. S. 38].

Делая вывод о неспособности кайзера реально воспринимать происходящее, граф Ревентлов видит в ней причину неудач на внутривнутриполитическом и внешнеполитическом уровне [20. S. 39].

Взгляды пангерманцев на кайзера эволюционировали вместе с изменениями политической конъюнктуры и под ее непосредственным воздействием. Так, на съезде Пангерманского союза в Дюссельдорфе (1911) было принято решение осудить действия кайзера и его правительства за сделку с Францией в ходе Второго марокканского кризиса (1911) [10. S. 21], за решение кайзера отправить «прыгнувшую» канонерскую лодку «Пантера»¹, наводившую страх на французов у берегов Агадира в течение почти трех недель (с 1 по 20 июля 1911), домой, в гамбургские доки.

Таким образом, мнение пангерманца цу Ревентлова о кайзере и монархии в Германии по ряду параметров стоит рассматривать не только как типично агитационный материал, но и, в определенной мере, политическую тактику Союза. Эпистолы графа имели цель подготовить общественное мнение к предстоящему консервативному перевороту, для которого возрожденные монархические институты стали бы средством последующей передачи полноты власти диктатору.

Библиографический список

1. Бибиков М. В. «Блеск и нищета» василевсов. Структура и семиотика власти в Византии / Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века. Новое время / Под. ред. М. А. Бойцова, О. Г. Эксле; Ин-т всеобщ. истории РАН. - М.: Наука, 2008. - 443 с.
2. Виноградов К. Б. Вильгельм II Гогенцоллерн и внешнеполитический курс кайзеровской Германии // Монархи, министры, дипломаты XIX – начала XX века: Сб. статей / Под ред. К. Б. Виноградова. - СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2002. - 354 с.
3. Макдоно Д. Последний кайзер. Вильгельм Неистовый. - М.: АСТ, 2004. - 754 с.
4. Радкау Й. Эпоха нервозности. Германия от Бисмарка до Гитлера / пер. с нем. Н. Штильмарк; под науч. ред. С. Ташкенова. - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. - 552 с.

¹ Огневые возможности лодки «Пантера» были сильно преувеличены, так как еще до знаменитого «прыжка» было принято решение об отправке лодки из бухты Камеруна для капитального ремонта в Германию, с оставкой в Марокко для заправки. Обострение колониальных отношений в Марокко совпало со временем движения «Пантеры», которая у берегов Агадира должна была поднять военные флаги.

5. Рель Дж. Вильгельм II. - германский император (1888-1918) / Кайзеры: Сб. статей / Под ред. А. Шиндлинга, В. Циглера. - Ростов-на-Дону: «Феникс», 1997. – 640 с.
6. Тарле Е. В. Бегство Вильгельма II (К истории падения монархии в Германии) // Историк-марксист. - 1927. - №4. – С. 62-72.
7. Afflerbach H. Kaiser Wilhelm II. als Oberster Kriegsherr im Ersten Weltkrieg: Quellen aus der militärischen Umgebung des Kaisers. 1914-1918. - München: Oldenburg, 2005. - 1051 S.
8. Cecil L. Wilhelm II: Emperor and Exile, 1900-1941. - Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1996. - 518 p.
9. Chickering R. Die Alldeutsche erwarten den Krieg, in: Jost Dülffer / Karl Holl (Hrsg.): Bereit zum Krieg. Kriegsmentalität im wilhelminischen Deutschland 1890-1914. Beiträge zur historischen Friedensforschung. Göttingen, 1986. – 230 S.
10. Deutsche Geschichte in Quellen und Darstellung. Bd. 8. Kaiserreich und Erster Weltkrieg. 1871-1918. / Hrsg. R. vom Bruch, B. Hofmeister. - Stuttgart, 2006. – 511 S.
11. Forsbach R. Alfred von Kiderlen-Wächter (1852–1912). Ein Diplomatenleben im Kaiserreich. 2 Teilbände. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1997. – 835 S.
12. Hammann O. Bilder aus der letzten Kaiserzeit. - Berlin, 1922. – 233 S.
13. Hering R. Konstruierte Nation. Der Alldeutsche Verband 1890 bis 1939. - Hamburg: Hans Christians Verlag, 2003. – 600 S.
14. Jaraus K. Die Alldeutsche und die Regierung Bethmann Hollweg. Eine Denkschrift Kurt Riezlers vom Herbst 1916 // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 21. 1973. – S. 435-451.
15. Kruck A. Geschichte des Alldeutschen Verbandes 1890-1939. Wiesbaden, 1954. – 258 S.
16. Lange K. Braunschweig Reichsland? Die Alldeutschen und die Thronfolgefrage, in: Braunschweigisches Jahrbuch / Hrsg. von J. König. - Bd. 60. - 1979. – S. 109-141.
17. Mann G. Wilhelm II. München. - Bern. - Wien, 1964. - 77 S.
18. Peters M. Reventlow, Ernst Christian Ludwig Detlev, in: Neue Deutsche Biographie (NDB). Band 21. Berlin: Duncker & Humblot, 2003. – S. 476-477.
19. Reventlow E. Der Kaiser und die Monarchisten. Berlin: Reimar Hobbing Verlag, 1913 – 294 S.
20. Reventlow E. Kaiser Wilhelm II. und die Byzantiner. - München: J. F. Lehmann, 1906. – 197 S.
21. Röhl J. C. G. Hof und Staat. Wilhelm II. und die deutsche Politik. - München: C. H. Beck, 1988. - 262 S.
22. Sombart N. Wilhelm II. Sündenbock und Herr der Mitte. - Berlin: Volk & Welt, 1996. - 245 S.
23. Sösemann B. Der Verfall des Kaisergedankens im Ersten Weltkrieg, in: Der Ort Kaiser Wilhelms II. in der deutschen Geschichte / Hrsg. von John C. G. Röhl. - München: R. Oldenbourg Verlag, 1991. – S. 145-170.
24. Weber M. Gesammelte politische Schriften. - München, 1921. - 480 S.
25. Werner L. Der Alldeutsche Verband 1890-1908. Berlin, 1938. – 112 S.

Сведения об авторе:

Турыгин Александр Александрович, кандидат исторических наук, кафедра истории Костромского государственного университета, aturigin@mail.ru.

УНИВЕРСИТЕТСКОЕ СООБЩЕСТВО ГЕРМАНИИ В ГОДЫ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ НЕМЕЦКОЙ ПРОФЕССУРЫ

***Аннотация:** Статья посвящена взаимоотношению правительства Веймарской республики и университетского сообщества Германии. Рассматриваются причины неприятия университетскими профессорами демократической республики в целом и ее научно-образовательной политики в отдельности. В статье показано, какие дискурсивные стратегии использовала академическая элита для защиты своего привилегированного положения в немецком обществе.*

Ключевые слова: Беккер К.Г., университетская реформа, Веймарская республика, «кризис», «миф Гумбольдта», «аполитичность».

A.V. Chryakov University community of Germany in the week of the Weimar Republic: discourse strategies of the german profession

***Abstract:** The article focuses on the issue of an uneasy relationship between the government of the Weimar Republic, on the one hand, and the German university community, on the other. The piece tackles the reasons behind the hostility of university professors towards the democratic political system, in general, and the educational and research policy of the Republic, in particular. Additionally, the text will analyze the discursive strategies that the university elite of the time used in order to defend its privileged position in the German society.*

Key words: Becker C.H., university reform, the Weimar Republic, “the crisis”, “the Humboldt myth”, “apolitical stance”.

Одной из самых распространенных моделей интерпретации истории Веймарской республики является модель перманентного кризиса, согласно которой, демократическая республика изначально была обречена на неудачу и являлась всего лишь предтечей Третьего рейха. Кризисы, раздиравшие немецкое общество и государство после Ноябрьской революции 1918 г. так и не были преодолены и в итоге привели Германию к «немецкой катастрофе» 1945 г. Подобного рода взгляд на Веймарскую республику позволяет многим не только «нормализовать» историю кайзеровской Германии, но и рационально объяснить приход А. Гитлера к власти в 1933 г. Чаще всего в качестве аргументов в пользу данной интерпретации приводятся споры и дискуссии 20-х гг. XX в., в ходе которых их участники констатировали нежизнеспособность и обреченность демократического государства в Германии [9]. Как показывают современные историко-социальные исследования, многие упреки, адресованные Веймару, отражают реальное положение вещей, а после фундаментального исследования Детлева Пойкерта, сомневаться в наличии кризисных тенденций в самых разных сферах жизни Германии этого времени, не приходится [28]. Но разговоры о кризисе или «кризисный дискурс» не просто отражают реальные социальные процессы, они сами являются составной частью этих процессов. По справедливому замечанию Р. Козеллека, даже простая констатация кризиса содержит в себе элементы не только диагноза, но и прогноза, от формулировки которого, зависит в каком направлении и с какой скоростью будет развиваться кризисная ситуация: к лучшему или худшему, быстрее или медленнее [18. S. 627]. Акцентирование негативных проявлений, выделение реальных и мнимых проблем, подчеркивание неукорененного, неисторического, а значит, случайного характера

немецкой демократии были не просто «объективной» калькой социальной реальности – это дискурсивные стратегии, которые использовались для диффамации неугодной власти.

Пожалуй, самыми громкими «глашатаями» кризиса выступали представители немецкой университетской элиты. Они смогли увязать послевоенное состояние Германии не только с военным поражением и Версальским мирным договором, но представить его как проявления общего культурного кризиса, связанного в первую очередь с распадом классической системы образования (*Bildung*) и крахом гумбольдтовского университета. Необходимо понять насколько рассуждения представителей университетской элиты о кризисе соответствовали действительности, что заставило их выступать в роли главных спикеров «кризисного дискурса», какие аргументы и стратегии они использовали в своем противостоянии с Веймарской республикой. В данном исследовании мы рассмотрим, каким образом развивалась немецкая научно-образовательная система после Ноябрьской революции и, прежде всего, университетское сообщество Германии и постараемся ответить на вопрос, почему немецкая профессура использовала «кризисный дискурс» не столько для оздоровления негативной ситуации, сколько для сопротивления любым государственным преобразованиям в стенах университета.

Важнейшие проблемы в сфере образования, которые затронули Германию в первые постреволюционные годы были связаны, с одной стороны, с довоенным наследием, с другой – являлись следствием самих революционных событий. Новое республиканское правительство столкнулось не только с материальными тяготами, инфляцией и оккупацией части территории, вызванными катастрофическими последствиями войны и Версальского мира. Не менее тягостными были проблемы, не решенные с кайзеровских времен, среди которых на первом месте стоит «абсолютистское» положение ординарной профессуры внутри университетской иерархии, обладавшей единоличным правом определять образовательную, научно-исследовательскую и кадровую политику университетов. С этим обстоятельством самым тесным образом связано угнетенное положение неординариев – самой большей части преподавательского состава, которая, несмотря, на свои количественные размеры, не имела ни представительства в университетских органах власти, не была обеспечена материально. Наконец университеты страдали от объективной «переполненности университетов», выразившейся в резком увеличении количества студентов обоего пола, к чему старые университетские здания оказались попросту не готовы. Кроме того, традиционно университетская профессура была настроена антиреспубликански, в ее среде сохранялись антисемитские предрассудки и практически не были представлены преподаватели с социал-демократическими убеждениями.

После окончания Первой мировой войны немецкое университетское сообщество оказалось в состоянии глубокой растерянности. Оно значительно сократилось из-за чудовищных военных потерь среди добровольцев, которые чаще всего рекрутировались из студентов и молодых преподавателей. Его реальные доходы в результате многочисленных военных займов и гигантской инфляции сократились. Традиционный образ жизни, прежде всего, профессорского сословия претерпел серьезные изменения – складывавшаяся десятилетиями социальная дистанция по отношению к другим слоям, выражавшаяся в уровне жизни и соответствующих формах и практиках поведения, стремительно сокращалась. Вести жизнь по-старому в условиях падения доходов больше не представлялось возможным. Это воспринималось как тяжелая травма, особенно на фоне той конъюнктуры, что существовала до Первой мировой войны.

В первые постреволюционные месяцы, в университетском сообществе по отношению к молодой республике преобладал сдержанный оптимизм. Столь быстрый крах монархии уме-

рил пыл даже ее самых закоренелых сторонников. Новая форма государства во главе с представителями традиционных парламентских партий воспринималась многими как единственно возможная альтернатива большевизму и развитию событий по российскому сценарию [35. S. 207–224]. Академическая элита надеялась, что новое республиканское правительство сумеет договориться со странами Антанты о приемлемых условиях мира. Кроме того, немецкие университеты воспользовались всеми преимуществами, что принесла с собой революция. Им удалось освободиться от всего, что тяготило их в общественном контракте с бывшим авторитарным правительством. Университеты довольно быстро осознали полученное преимущество и без труда приспособились к новой республиканской административной политике. Уже в 1920 г. в Галле был учрежден Союз немецкой высшей школы (Verband der Deutschen Hochschulen) [25].

Но довольно скоро, после выборов в новый Рейхстаг, подписания Версальского мира, а также первых государственных мероприятий в научно-образовательной сфере большинство университетских преподавателей перешло в лагерь противников республики. Консервативные представители университетского сообщества заняли положение «национальной оппозиции» по отношению к Веймару, на который несправедливо возложили ответственность за позорное поражение в войне. Известный теолог, профессор Берлинского университета Эрнст Трельч (1865–1923), хорошо знакомый с ситуаций в академических кругах Германии, посвятил радикализации университетского сообщества интересные заметки. С 1919 по 1922 гг. Трельч, под псевдонимом «Наблюдатель» (Spectator), публиковал в разнообразных изданиях свои свидетельства очевидца. По его словам, уже через год после революции академический слой университетов стал «более консервативным, более монархичным и более националистичным». Если сразу же после революции в академическом сообществе наблюдатели чаще всего могли столкнуться с аргументами «пацифистского, революционного и даже идеалистически-большевистского» рода, то сегодня, нужно быть готовым к «антисемитским, националистическим и контрреволюционным возражениям» [34. S. 222]. Существенными причинами данного консервативного дрейфа, Трельч считает «патриотический стыд за судьбу Германии, позор Версаля и слабость правительства». Но сильнее всего на профессуру, по его мнению, повлияла боязнь неизбежных демократических перемен внутри университетского пространства и страх за свое элитарное положение в обществе. Именно этот мотив заставлял их вести «классовую борьбу против угрожающей пролетаризации и против реформ преподавания», которые якобы «уничтожат высшее образование, ликвидируют руководящее положение академических слоев и сделают учителей народных школ (Volksschullehrer) духовными и политическими властителями Германии» [34. S. 222]. По наблюдениям Трельча, студенты, «участвовавшие в войне в качестве офицеров» также неуклонно сдвигались вправо, они восприняли «печальное возвращение домой как безграничное разочарование», а «оскорбление революцией» как «жгучую боль» [34. S. 224].

С этого момента немецкая профессура начинает выступать в роли главных спикеров кризисного дискурса, делая это в 20-е гг. XX в. гораздо активнее и последовательнее других представителей университетского сообщества. В их среде были особо распространены несколько мифов, которые они смогли сделать общепризнанными и использовать в своем противостоянии с демократическим государством. Во-первых, миф о «мировом значении немецкой науки» времен кайзеровской Германии, когда немецкая организация научно-исследовательской работы являлась примером для всего остального мира. Согласно этому тропу, немецкие ученые и наука в целом пользовались заслуженным международным признанием, а всесторонняя поддержка, оказываемая национальной науке монархическим государством, сделала ее высокоэффективной [27]. Во-вторых, параллельно с этим утверждени-

ем, дополняя и усиливая его, существовал миф об «упадке науки» после 1918 г., включавший в себя такие коннотации как: «упадок университета», «переполненность университета», «массовый университет» и т.д. В-третьих, еще одним распространенным мифом, сформулированным немецкой профессурой являлся миф о принципиальной «аполитичности» немецкого образования и его представителей. Наконец, в-четвертых, главной причиной «упадка» современного образования считалась политика республиканского государства, оцениваемая не иначе как вмешательство политики в дела университета и нарушение его автономии. Во всех случаях мы имеем дело с вполне осознанной дискурсивной стратегией, разработанной самим университетским сообществом и некритично воспринятой многими его исследователями. Перечисленные образы немецкого университета и науки, не существовали отдельно, они являлись элементами целостной системы представлений, более известной как «миф Гумбольдта» – особый университетский мемориальный нарратив, являющийся вплоть до настоящего времени оборонительной идеологией немецкой профессуры и продолжающий определять наше восприятие истории университетов Германии последних двух столетий [5, 24].

Одним из главных обвинений предъявляемых университетским сообществом новым властям было обвинение в снижении доходов и падении уровня жизни преподавателей и общем игнорировании потребностей науки и образования. Университетская элита считала собственное бедственное положение результатом сознательной правительственной политики, якобы враждебной по отношению к академикам. Послевоенная инфляция и девальвация национальной валюты привели к исчезновению довоенного состояния «беззаботности», которым так гордились представители академической элиты. Сокращение государственных расходов на образование привело к уменьшению преподавательских окладов и как следствие в 1919 г. покупательная способность немецкой профессуры упала до 2/5, а в 1920 г. уже до 1/5 от довоенного уровня [10. S. 115–116]. Одновременно снизился поток лекционных денег, выплачиваемых студентами за прослушанные курсы. Наконец, повсеместно сократились ресурсы, выделяемые государством на содержание университетских лабораторий, клиник и библиотек. Это коснулось в первую очередь приобретения книг за границей, когда в условиях девальвации немецкой марки, библиотеки прекратили закупку иностранной литературы. Немецкий культуролог Альфред Вебер (1868–1958) в своем выступлении 1922 г. на заседании «Союза социальной политики» назвал положение немецких академиков «бедственным». Его речь стала основой для известной работы «Бедственное положение работников духа», вышедшей отдельным изданием [36]. Несмотря на то, что труд Вебера не был направлен против демократических властей Веймарской республики, очень скоро, предложенный им троп о «бедственном положении» немецкой науки превратился в лозунг антидемократических сил [17]. В поисках средств к существованию немецкие «работники духа» были вынуждены отказаться от прежнего образа жизни, обязательным атрибутом которого являлись роскошные дома со значительным персоналом слуг, собственные библиотеки с тысячами томов книг. Университетские профессора активнее стали давать частные уроки иностранным студентам, оплачивавшим занятия твердой валютой, и с радостью соглашались выступать с лекциями за границей.

Справедливости ради, нужно отметить, что уровень жизни преподавателей снизилась еще в годы Первой мировой войны, в том числе из-за их активного участия в государственных займах по финансированию военного бюджета. Кроме того, сожалея о падении собственных доходов, университетская профессура не хотела замечать, что снижение уровня жизни затронуло практически все слои немецкого общества. И если за годы войны и в самые первые годы Веймарской республики доходы преподавателей уравнились с доходами других представителей среднего класса, то уже после финансовой реформы конца 1923 г. профес-

сорское жалование значительно выросло. В июле 1924 г. разрыв между зарплатой университетского профессора и промышленного рабочего вырос с 30% до 70% и превысил довоенные показатели [21. S. 173–232]. Разница в доходах между рабочим и ассистентом удвоилась в пользу последнего. К 1930 г. реальные доходы профессуры выросли по сравнению с 1922 г. в 7 раз, а по сравнению с 1914 г. на 40% [16. S. 28]. В «золотые годы» Веймара с 1924 по 1929 гг. доходы университетской элиты росли быстрее, чем в среднем по стране. Мировой экономический кризис затронул их менее всего и уменьшил доходы приблизительно на 10%, причем заработная плата сокращалась лишь в течение первых 2-х лет. Если ординарий в 1914 г. зарабатывал в 3–4 раза больше промышленного рабочего, то в последние годы существования Веймара эта разница уже составляла 4–6 раз. В 1932 г. человек, зарабатывавший в год 6 000 рм., считался обеспеченным, годовой же доход ординариев, составлял от 15 000 до 50 000 рм. [16. S. 29].

Средний доход профессора Берлинского университета в 1927 г., включавший все виды выплат, составлял чуть более 25 000 рм., варьируясь между доходами профессора-теологии – 20 872 рм. и профессора-юриста – 39 630 рм. [14. S. 165]. Разница в доходах как и прежде была связана с проблемой лекционных денег, которую так и не удалось решить. В то время как оклады выплачиваемые государством были практически одинаковыми то разница в гонорарах за платные курсы поражала воображение. Если профессора-теологи Берлинского университета в среднем в год могли получить от студентов около 2 000 рм., то лекционные доходы юристов были в 10 раз больше – в среднем 19 527 рм. За ними следовали профессора медицинских специальностей с 6 232 рм. годового дохода и профессора философского факультета с 3 725 рм. Как показывают эти данные, говорить о какой-либо дискриминации или сознательном ущемлении университетских преподавателей новым демократическим государством не приходится. Антидемократические взгляды академической элиты, их неприязнь в отношении парламентаризма нельзя объяснить исключительно их объективным материальным положением. Оно было существенно лучше, чем у представителей других социальных слоев.

К тому же, если обратить внимание на организационную сторону существования немецкой науки после Ноябрьской революции, то необходимо отметить, что многие из научно-исследовательских учреждений, существующих до сих пор, были основаны в Веймарской республике и значит ни о каком пренебрежении наукой со стороны новых властей речь не шла. В 1919 г. были основан Гамбургский, а затем Кельнский университеты – после чего количество подобных учебных заведений достигло 23-х. В самый разгар послевоенного инфляционного кризиса, в 1920 г. был создан «Фонд поддержки немецкой науки» (Notgemeinschaft der deutschen Wissenschaft), превратившийся со временем из сугубо благотворительной организации в самостоятельный научный центр, определявший, в том числе, наиболее перспективные направления научных исследований [15]. В 1925 г. в рамках проводимой министром иностранных дел Густавом Штресеманом политики примирения с Францией и Англией, был основан «Фонд Александра фон Гумбольдта» (Alexander von Humboldt-Stiftung), спонсировавший разнообразные проекты научной мобильности немецких и европейских студентов. В 1931 г. основана одна из самых успешных организаций в сфере поддержки международных научных контактов – «Немецкая служба академических обменов» (Deutscher Akademischer Austauschdienst) [19]. Кроме того, в системе организации студенческой жизни в это время возникло многое из того, что вплоть до сегодняшнего дня является неотъемлемой частью университетской повседневности: студенческие столовые, студенческие и земляческие кассы взаимопомощи. Во многом, научные успехи Третьего рейха покоились на том фундаменте, что был заложен республиканским правительством Веймарской Германии. В 20-е гг. XX в.

возникли не только разнообразные научные институты, но была сформирована весьма разветвленная и многоуровневая система поддержки и финансирования науки, в которой участвовали как имперские министерства, а также органы власти германских территорий, городские общины и частные структуры [11].

Веймарское правительство ни разу не воспользовалось практикой ограничения приема в высшие учебные заведения (*numerus clausus*), сохранив право образования за всеми выпускниками гимназий и приравненных к ним учебных заведений. Начавшийся еще в последней трети XIX в. количественный рост немецкого студенчества, в начале 30-х гг. XX в. достиг своего пика. По сравнению с 1910 г. количество учащихся в университетах Германии к 1930 г. выросло вдвое. Летом 1931 г. одновременно во всех высших учебных заведениях страны обучалось 138 010 студентов, в том числе 103 912 в университетах [33. S. 30]. Это было наивысшим показателем за всю немецкую историю вплоть до середины XX в. Без сомнения, подобного рода колебания связаны с демографическими факторами: если прежнее удваивание числа студентов произошло за сорок лет с 1870 по 1910 гг., то теперь на это ушло в два раза меньше времени с 1910 по 1931 гг. Многочисленные работы активно обсуждали проблему «переполненности» университетов и рисовали катастрофические сценарии повсеместной безработицы молодых академиков-выпускников университетов. Основными чертами новой картины университета стали постоянные жалобы на «массовость», увеличение женщин среди учащихся, а также студентов-евреев.

Все больше студентов немецких университетов стремилось к университетскому образованию не ради мифического «Bildung», а в поисках лучшей доли, воспринимая университетский диплом как пропуск в высший свет и залог успешной и прибыльной карьеры. Страх немецкой профессуры еще более усилился благодаря появлению в Веймарской республике нового типа работающего студента, вынужденного самостоятельно зарабатывать на собственное образование. Вопреки традиционному образу студента, восходящему еще к средневековой эпохе, работающие студенты вместо свободного постижения наук и самого духа университетского образования посредством традиционной для Германии смены городов, университетов, профессоров и, в конце концов, специализаций стремились к экономному, даже расчетливому освоению отдельной специальности – залог будущего безбедного существования. На глазах старшего поколения происходила эрозия стандартов традиционного поведения. Представители университетского пространства не хотели понять, что они являются свидетелями формирования новой системы образования, более чуткой к запросам и потребностям современного индустриального общества. Они отказывались воспринимать происшедшие перемены как объективный процесс специализации не только общественного производства, но и знаний. По их мнению, это результат деятельности бездушного, материалистически ориентированного классового капиталистического общества, которое должно быть преодолено новой формой гармонично устроенного «народного сообщества», в котором академическая образованная аристократия вернет себе не только утраченный материальный достаток, но и всестороннее уважение.

Надо признать, что отрицательные стороны немецкого образования осознавались многими и уже на рубеже веков перспективы его развития далеко не всем представлялись такими радужными и безоблачными, как прежде. Но только поражение в Первой мировой войне, заставило, прежде всего, властные круги осознать необходимость более радикальных реформ высшей школы – военное поражение связывалось в том числе с недостатками всей системы воспитания и преподавания. От обновленного университета ожидали не много ни мало обновления всей немецкой нации. Поражение Германии в минувшей войне стало восприниматься аналогично поражению от Наполеона в 1806 г. и в этих условиях основание Берлин-

ского университета и прусские реформы начала XIX в. приобрели парадигмальный образцовый характер. Для многих решение современных проблем образования и преодоление предрасположенного «кризиса» было заложено на путях возвращения все к той же «идее университета», сформулированной еще Гумбольдтом [6]. Крах территориальных монархий во главе с Гогенцоллернами и демократизирующее воздействие революции благоприятствовали реформаторским начинаниям в университетской среде, что выразилось в разнообразии проектов.

В дискуссиях о реформе немецкого университета в 20-х гг. XX в. можно выделить две точки зрения. Представители первой настаивали на радикальной трансформации немецкого университета. К сторонникам реформирования университетской жизни принадлежал Макс Шелер (1874–1928) [3]. Он считал, что былой универсализм университета, сочетавший в себе различные не только научные исследования и профессиональное обучение, но и воспитание, больше соответствует эпохе средневековья, но не современности. По его мнению, «старый, уже и так предельно концентрированный «universitas» невозможно восстановить», напротив, необходимо, «распределить те принципиально различные задачи, которые до сих пор ставил перед собой университет... по множеству высших образовательных институтов» [4. С. 71]. Тем самым, университеты должны быть преобразованы в высокоспециализированные научные профессиональные школы, в свою очередь задачи мировоззренческого воспитания должен взять на себя «народный университет», ориентированный, на самые широкие слои общества. Не удивительно, что данный подход не встретил понимания среди самой профессуры, опасавшейся потерять свое эксклюзивное положение.

Гораздо больше сторонников имела идея сохранения традиционной формы немецкого университета. Ведущим сторонником этого взгляда был Карл Генрих Беккер (1876–1933), чиновник прусского министерства образования, возглавлявший министерство в 1921 г. и в 1925–1930 гг. Один из лучших знатоков немецкой профессуры, сам профессор сначала Боннского, а затем Берлинского университетов, он популяризировал представления о существовании вневременной немецкой идеи образования, которая якобы возникла на рубеже XVIII–XIX вв. [22]. Объявив себя последователем великого Гумбольдта, он защищал университетские традиции перед угрозой их радикальной трансформации. Гуманистический идеал образования коренился, по его мнению, в самой «немецкой сущности», ориентированной на высшие идеалы, а не на утилитарное знание. Кроме того, стремление к восстановлению идеалистического понятия науки было у него самым тесным образом связано с широко распространенными сетованиями об утрате целостного взгляда на мир, поэтому восстановление идеала университета и восстановление целостного познания предлагались им как способы решения современных проблем университета. Якобы с 30-х гг. XIX в. позитивизм, рационалистическое мышление и естественно-научное познание вытеснили в Германии идеализм, что привело к крушению университета и в итоге привело к современным проблемам: специализации, эгоизму и материализму. Проект Беккера реагировал на современную тоску по целостному взгляду на мир, включающему как рациональные, так и иррациональные способы познания. Этот дух был силен не только среди студенчества, но и среди самых широких слоев общества. Он характеризовал мировоззрение не только националистических кругов фелькише, но был представлен и среди либералов, верных молодой республике. Данная тоска по целостному мировоззрению должна рассматриваться как реакция на изменения и стремительную трансформацию общества, как ответ на процессы модернизации. Но в отличие от пессимистически настроенных С. Георге и О. Шпенглера, Беккер своим обращением к проблеме целостного пытался преодолеть кризис современности.

Своим стремлением к восстановлению неогуманистического университетского идеала Беккер защищал цели современного образования и пытался с помощью обращения к гум-

больдтовскому идеалу легитимировать проводимые министерством реформы. Но в отличие от своих консервативных коллег, идеальный образ университета у Беккера находился не в прошлом, а в будущем. По его мнению, целостный образовательный идеал неогуманизма должен был привести к большей открытости университета требованиям настоящего, духу современной жизни. «То, что нам необходимо – это гуманистическое образование в новом смысле, для которого важен не сам гуманистический состав, но дух подлинной гуманности, не приобретенной, но пережитой. Наш метод отбора в этом случае должен быть демократическим, но цель, как и у любого истинного образования – должна оставаться аристократической... Нам нужно массовое образование, но не менее важным является воспитание высококвалифицированных личностей, как лидеров (Führer) масс. Одного нет без другого. Если мы это действительно и удачно осуществим... то сможем преодолеть культурный кризис» [7. S. 422]. Беккер, пытался приспособить традиционную идею образования для нужд современности, сделать образование доступным для широких слоев общества, но при этом сохранить аристократический дух университета и науки в целом.

К.Г. Беккер не был членом ни одной партии и последовательно выступал против привнесения партийной борьбы в стены университетов, которая, по его мнению, только вредит формированию единого национального сообщества. Являясь «республиканцем разумом» он считал, что в сложившихся условиях только республиканская форма правления сможет преодолеть раскол немецкого общества, являвшегося одной из причин поражения в войне и краха монархии [22. S. 263]. Революция же, по его мнению, стала толчком к серьезным переменам в немецкой высшей школе. Практически сразу же после революционных событий осени 1918 г. К.Г. Беккер начал публикацию цикла статей, в которых аргументировал необходимость реформы образования, а также основные направления предстоящих преобразований. В последующем эти заметки были объединены в сборник с соответствующим названием «Мысли о реформе высшей школы» [8]. По словам Беккера, реформа образования вызвана все тем же поражением в мировой войне – «в решающий час нам не хватило национальной дисциплины, мужского достоинства, доверия народа к руководящей силе» [8. S.VIII]. В классических «мандаринских» традициях Беккер объяснял поражение в войне и крах Германской империи сугубо идеалистически и, прежде всего, особенностями традиционной системы образования. По его мнению, «корень всех бед» в том, что в немецкой форме образования господствовал исключительно рационалистический тип мышления, который привел в итоге к «эгоизму и материализму в крайних формах. Наша воля следовала за интеллектом, вместо того чтобы следовать за духом» [8. S. IX]. Чтобы не пугать университетскую общественность, Беккер специально проговорился, что не собирается радикально порывать с предшествующей традицией, напротив, по его словам, университет по сути был «здоровым» [8. S.17].

Реформа, по мнению Беккера, должна затронуть, прежде всего, внутреннюю организацию университетской жизни, положение в ней различных академических групп: профессоров, приват-доцентов и студентов. Она сможет восстановить утраченную идею академического сообщества, существующего на основе интеллектуального равноправия всех достойных, вне зависимости от формальных должностей. Одно из его предложений было рассчитано на штатных экстраординарных профессоров, которые, несмотря на свой престижный статус, серьезно отставали в доходах от истинных хозяев университета – ординарных профессоров. Министерство планировало сократить существующую разницу в оплате труда между двумя группами профессуры и создать единую группу профессоров. «В науке авторитарное государство также должно исчезнуть» [8. S. 34]. «Олигархическая форма организации университета» и принцип «формального авторитета», при котором должность определяла не только материальное положение, но и интеллектуальную позицию откровенно вредили нау-

ке. По мнению Беккера, политическая революция приведшая страну к республиканской форме правления как нельзя лучше могла подтолкнуть к аналогичным преобразованиям и университеты [8. S. 66].

Одним из оснований профессорского могущества являлось их право допуска к габилитации, которым они зачастую пользовались в своих корыстных интересах, не думая о будущем всей немецкой науки. Особенно ярко это проявлялось в небольших университетах, где единственный местный профессор, обладая эксклюзивным правом допуска к процедуре защиты диссертации имел тем самым неограниченные возможности упростить процесс получения докторской степени для своих и, напротив, сделать его нереальным для чужаков. Для того чтобы сделать этот процесс максимально прозрачным и открытым, Беккер предложил учредить комиссию специалистов, наделенных правом проверки объективности процедуры допуска и защиты докторских диссертаций [8. S. 39–40].

Позиций ординарной профессуры касалось также предложение Беккера снизить максимальный возраст для работающей профессуры и установить его в 65 лет. Берлинский университет, в котором долгие годы преподавал Беккер, был в этом плане показательным, являясь для большинства заветной целью, он привлекал к себе заслуженных, но уже немолодых преподавателей, серьезно превосходя по среднему возрасту остальные учебные заведения. Предложенная мера должна была не только уменьшить количество ученых преклонного возраста, но и открыть дорогу для молодежи. «Высокий возраст, – по словам Беккера, – не благоприятствует новым идеям и тем самым связи с жизнью» [8. S. 14].

План Беккера затрагивал и самую многочисленную группу университетских служащих – приват-доцентов, которые, несмотря на свое значение для всей системы высшего образования страны не имели гарантированного государственного оклада, а также были лишены права голоса в решении университетских проблем. Мечтая превратить молодых приват-доцентов в союзников нового государства, Беккер предполагал допустить их представителей в органы власти университетов и факультетов, для того чтобы покончить с «абсолютистским положением» профессуры [8. S. 43]. В тоже время он не стремился полностью ликвидировать независимый статус приват-доцентов. По его мнению, улучшить их материальное положение можно было, предоставив им определенные государственные гарантии и, прежде всего, в вопросах преподавательских контрактов и «лекционных денег», которые в условиях начавшейся инфляции стремительно сокращались [8. S. 36–39]. Г.К. Беккер был вынужден признать: «нет реформы без реорганизации системы лекционных денег!», констатировав тем самым фактический провал предыдущих попыток навести порядок в этой сфере. Реформа «лекционных денег», предполагавшая сокращение существующего разрыва в оплате между богатыми и бедными факультетами, а также между доцентами и профессорами должна была способствовать социальной и политической эгалитарности университетского сообщества [8. S. 53–61].

Составной частью реформаторских предложений Беккера было намерение изменить положение немецкого студенчества, в среде которого активно распространялись антиреспубликанские националистические настроения. Несмотря на небольшие группы социалистической и коммунистической молодежи, принимавших участие в Ноябрьской революции, в общем и целом, события 1918 г. по праву называют «революцией без студентов» [20]. В отличие от революции 1848 г. большинство немецкого студенчества целиком и полностью идентифицировало себя с реакционным националистическим лагерем. Пройдя подготовку в боевых подразделениях или разнообразных добровольческих корпусах (фрайкорах), студенты стали одной из наиболее представительных антиреспубликанских сил [2. С. 85]. Для привлечения студенчества на сторону республики Беккер предполагал интегрировать молодежь в

университетские структуры. Низкая вовлеченность учащейся молодежи в дела академического сообщества привела к тому, что студенты самоорганизовывались на низовом уровне, создавая собственные независимые объединения – бурши. Именно против подобного корпоративного духа выступал Беккер, считая его «недемократическим» и базирующимся на социальных предрассудках [8. S. 45–52]. Еще в конце XIX в. в среде немецкого студенчества стали популярны идеи фелькише, тесно связанные с национализмом и антисемитизмом. После поражения в Первой мировой войне эта тенденция распространилась, приведя в итоге к повсеместной радикализации студенчества Германии. Чтобы окончательно не потерять молодежь, в качестве альтернативы буршам, предполагалось создать одобренное государством студенческое представительство, в чьи компетенции будут входить, прежде всего, вопросы студенческой социальной политики.

Но, как и прежде, реформаторский порыв университетской элиты ограничивался исключительно теми мероприятиями, которые сулили выгоду профессорству. Они не были против включения неординариев в органы коллективного руководства – присутствие нескольких новых человек в Сенате в принципе не могло повлиять на расстановку сил и значит никак не угрожало монопольной власти профессуры. Остальные же предложения вызвали ожесточенное сопротивление. Традиционно возражения сопровождалась ссылками на «мировое значение немецкой науки», которое было бы невозможно без старой формы университета в целом. Историк Эдуард Мейер (1855–1930), избранный осенью 1919 г. новым ректором Берлинского университета, в своей инаугурационной речи хоть и приветствовал решение республиканских властей организовать новые университеты в Гамбурге и Кельне, вместе с тем подчеркнул, что не согласен с «высказанным мнением», будто старые университеты нуждаются в реформах. По его словам: «немецкий университет и немецкая наука занимают лидирующее положение в мире. Если наши враги теперь хулят нашу науку и с лицемерным презрением и лживой клеветой, за которыми скрываются невежество и зависть, отвергают восстановление общности научной жизни, то мы можем без преувеличения сказать – в отличие от них, мы вполне можем обойтись и без зарубежной науки и поэтому мы можем на весь этот карнавал взирать совершенно прохладно и спокойно ждать» [29. S. 52]. Конечно же, эти упреки были адресованы не зарубежным недругам, а всем сторонникам реформ и, прежде всего, К.Г. Беккеру. Главными спикерами протеста были Союз немецкой высшей школы, а также конференция ректоров, получивших серьезную поддержку в министерстве финансов Пруссии и региональных правительствах Баварии, Бадена, Саксонии и др.

Запланированные Беккером преобразования были осуществлены в 1922–1923 гг., правда, совсем не в том объеме как планировали в министерстве. Ординарные профессора противились любой попытке умалить их привилегированное положение. Превратить всех экстраординариев в ординарных профессоров не удалось, разница в оплате труда хоть и сократилась, но никуда не исчезла. Только административными мерами, решая кадровые вопросы персонально, Беккеру удалось добиться изменения статуса некоторого количества экстраординарных профессоров. Гораздо серьезнее профессора сопротивлялись установлению предельного возраста пребывания на преподавательской должности. На первый взгляд, эта новация никак не вредила их положению – они были единственными государственными служащими, за которыми сохранялся оклад даже после отставки. Но выход на пенсию лишал их «лекционных денег» и тем самым серьезно сокращал доходы. Несмотря на требования Союза немецкой высшей школы, а также конференции ректоров установить предельный возраст в 70 лет, правительству Пруссии удалось постепенно снизить предельный возраст до 68 лет, а в 1924 г. до 65, который можно было игнорировать только в особых случаях с личного согласия министра. Но на закате веймарской эпохи в 1930 г. в условиях разразившегося экономи-

ческого кризиса время выхода профессоров в отставку было вновь установлено на уровне 68 лет [12. S. 45].

Пожалуй, наиболее трагичным в этой ситуации выглядит отказ правительства поддержать группу приват-доцентов, которых Беккер рассматривал в качестве естественных союзников не просто в деле омоложения преподавательского состава университета, а рассчитывал сделать из них опору молодой республики. Многие молодые ученые поддержали республику, надеясь на принципиальные перемены в своем положении, но этим надеждам не суждено было сбыться. Во многом, именно эта неудача демократического правительства привела молодую поросль преподавателей в лагерь непримиримых врагов Веймара, сделав их движущей силой «захвата власти» национал-социалистами в университетах в 1933 г.

Не только Беккер как главный идеолог реформ, но и все правительство оказались в плену «гумбольдтовского мифа». Стараясь преодолеть сопротивление консервативной части университетского сообщества, они фактически стали проводниками ее основополагающей идеи – невмешательства партийного государства во внутренние дела университета. В своей реформаторской деятельности на посту как референта так и министра, по отношению к профессорам Беккер придерживался старых установок о недопустимости вмешательства политики в жизнь университетов. «Кавалерийская атака» на университеты в первые годы после революции, когда правительство попыталось «навязать» своих кандидатов принесла лишь незначительный успех. Новые власти, стремились как можно скорее избавиться от печального наследия кайзеровской эпохи в виде «закона Арона», запрещавшего преподавание членам социал-демократической партии. Министерство образования под руководством члена СДПГ Конрада Гениша (1876–1925) высказало намерение пригласить в Берлинский университет ряд марксистских интеллектуалов, среди которых философ Леонард Нельсон (1882–1927), редактор, историк и социолог Генрих Кунов (1862–1936), журналист, депутат парламента Пауль Ленш (1873–1926). Сильнейшую поддержку от министерства получил историк Густав Майер (1871–1948), первопроходец в изучении истории рабочего движения. Ему была предложена экстраординарная профессура по истории демократии и социализма. Но откровенно говоря, перед правительством Веймара постоянно существовала проблема наличия достаточного количества достойных ученых, не только республикански мыслящих, но и способных в силу своей квалификации занять кафедры. Но даже эти робкие шаги правительства напугали немецкую профессуру. Они упрекали социал-демократов в необдуманной политике, нарушавшей заповеди великого Гумбольдта, обвиняя власти в продвижении партийных интересов в университеты и потворстве «еврейским ученым».

Современные исследователи разнятся в оценке кадровой политики республиканцев. К. Тилицки, историк философии, в своей фундаментальной работе, посвященной университетской философии после 1918 г. утверждает, что в годы Веймарской республики можно встретить многочисленные примеры «навязывания» [32. S. 583]. Следуя «апологетической» концепции своего учителя Э. Нольте, он считает, что в уровне «политизации» университетов не было принципиальной разницы между «кадровой политикой» Веймара и национал-социалистов. М. Грюттнер, проанализировав полторы сотни назначения на кафедры Берлинского университета с 1919 по 1932 гг. пришел к выводу, что в 113 случаях министерство утвердило кандидатуры предложенные факультетами, около 20 кандидатов министерства были поддержаны факультетами и только 17 назначений были произведены вопреки мнению профессоров, причем подавляющее большинство были утверждены в первые годы после революции. То есть, 90% назначений на профессорские должности происходило при единодушном одобрении как правительства так и профессуры. Подобного рода согласия невозможно встретить даже в конце XIX в. в период министерства Альтхофа [14. S. 104].

Несмотря на «профессорскую оппозицию» любым начинаниям, постоянную критику в адрес самой республики и ее властей, несмотря на откровенные оскорбления и диффамацию в 20-е гг. XX в. никто из противников республики так и не был уволен. Прусское правительство, в чье ведение входило большинство немецких высших учебных заведений практически не препятствовало занятию профессорских должностей националистически настроенными претендентами и никогда не шло против воли факультетов в кадровых вопросах. Лишь в самом конце веймарской истории, «Закон о защите республики» (Gesetz zum Schutze der Republik) принятый еще в 1922 г. был дополнен статьями, запрещавшими чиновникам членство в тех партиях и объединениях, которые ориентировались на свержение республиканского строя. В соответствии с положениями данного закона был уволен известный нацистский философ и теоретик педагогики Эрнст Крик (1882–1947) за произнесенную им перед студентами Педагогической академии во Франкфурте на Майне речь в ночь с 20 на 21 июня 1931 г., которую он завершил призывом к установлению «Третьего рейха». После известной работы Меллера ван ден Брука понятие «Третий рейх» имело вполне очевидную антиреспубликанскую окраску [23]. При этом претенденты с репутацией демократов также не получали поддержки со стороны республиканских властей.

Боясь спровоцировать конфликт с университетами, республиканское правительство не посмело нарушить монополию ординариев и самостоятельно назначать демократических ученых на профессорские должности. Исповедуя компромиссные, примирительные взгляды, Беккер, сам являясь берлинским профессором, был заложником повсеместно распространенного представления о принципиальной «аполитичности» (unpolitisch) и «внепартийности» (überparteilichkeit) немецкой профессуры и всей университетской системы. Авторство данной системы взглядов принадлежит самой университетской корпорации, которая с ее помощью пыталась претендовать в глазах общественности на особый сакральный статус духовных лидеров нации, якобы не связанных узкими партийно-политическими интересами, а ориентированных исключительно на служение «общему благу». Считалось грехопадением вступать в разнообразные межпартийные коалиции, компромиссы, политические соглашения, обмены, взаимные поддержки не приветствовались и считались отступлением от «высшей истины», которой обязаны служить академики. Кроме того, обвинения в «партийности» легко можно было использовать во внутриуниверситетских спорах со своими оппонентами, как по научно-исследовательским, так и учебным вопросам. Начиная с XIX в. в немецкой научной среде, понятие «партийность» (Parteilichkeit) использовалось как антоним «объективности». Подобного рода коннотации данного слова возникли благодаря самому Л. фон Ранке и существовавшему предубеждению в отношении партийной системы [26].

В настоящее время масштабы политической ангажированности немецкого профессорства уже не вызывают сомнения. Невозможно закрыть глаза на явное противоречие между «аполитичной» самоидентификацией немецкой профессурой с одной стороны и их открытой вовлеченностью в политические процессы первых десятилетий XX вв. Сегодня признается, что само понимание академической элитой того, что же такое политика и их отношение к политической деятельности менялось вместе с положением самой элиты, а якобы «аполитичная» позиция профессуры имела самые что ни на есть политические последствия [31]. Вместе с изменением положения университета в научно-образовательном пространстве Германии менялось и восприятие академической элитой политического пространства в целом и своего места и роли в нем. До 1918 г. профессура Германии, за небольшим исключением, идентифицировала себя с авторитарным государством кайзера. Поражение в войне, крах монархии и начало демократических преобразований заставили немецкую профессуру – наиболее авторитетную часть образованной буржуазии стать активными спикерами «кризисного

дискурса», являвшегося выражением их страха потерять свой элитарный, псевдорелигиозный статус «учителей нации». Для университетской элиты 20-х гг. XX в. все рассуждения о кризисе общества, университета, науки и духовной культуры в целом, являлись весомыми аргументами в их стремлении разрушить Веймарское государство и восстановить свое прежнее социальное положение, свой элитарный статус не только в глазах общественности, обращавшей внимание на стиль жизни и уровень профессорских доходов, но и вернуть собственное самоощущение «учителей нации» [30]. Пользуясь во многом монопольным положением спикеров нации, в своих выступлениях они говорили даже не от имени современников, в союзники они привлекали всю немецкую историю, объявив себя бескорыстными защитниками немецких ценностей в сфере духовной культуры и, прежде всего, науки и образования. Их аргументы и доводы были настолько распространены, что даже сегодня считается вполне естественным говорить о фатальной обреченности Веймара и его нежизнеспособности.

Неприятие Веймарской республики интеллектуальной элитой страны нельзя объяснить лишь ностальгией по материально благополучным временам Германской империи. Уже в начале XX в. наиболее проницательные умы подчеркивали, что университетский статус хоть и высок, но он не делает его носителей «небожителями». Знаменитый социолог М. Вебер (1864–1920) в 1918 г. констатировал, что за «воплями» против демократии скрывается не менее важная причина, а именно страх перед последствиями всеобщей демократизации, затронувшей, в том числе, и сферу образования, то есть «страх по поводу престижа собственной прослойки, дипломированной публики» [1. С. 295]. Расширение избирательных прав и распространение их на женщин, мобилизационная активность массовых партий стали для образованного бюргерства зримым подтверждением случившегося «восстания масс», захватившего, в том числе, и университетское пространство. Немецкое профессорство понимало, что их претензии на исключительность могли быть реализованы только в условиях сохранения собственного эксклюзивного положения. То обстоятельство, что количество сограждан с высшим образованием стремительно росло, вызывало в их среде коллективный страх.

Известно, что национал-социализм зародился вне стен университетов, а профессорское сообщество Германии в своем большинстве испытывало по отношению к мелкобуржуазному составу гитлеровской партии и плебейским замашкам ее руководства пренебрежение. Тем не менее, нацистские идеи очень быстро нашли здесь своих сторонников, а сам университет стал одной из первых корпорацией, унифицированных властями Третьего рейха. Существенную роль в поддержке национал-социалистического движения в осуществлении нацистской политики в высшей школе сыграло немецкое студенчество и молодые представители преподавательского корпуса, ставшие, по словам М. Грютнера, «мотором унификации» [13. S. 62–100]. Они оказались особенно восприимчивы к национал-социалистической идеологии и стали первой социальной группой немецкого общества открыто выступившей на стороне гитлеровского движения. Несмотря на свое предубеждение в отношении нацистов, немецкая профессура своими рассуждениями о кризисе университетского образования в Веймаре и исторической обреченности демократической республики в Германии подготовила почву для стремительной нацификации немецкой студенческой молодежи накануне 1933 г.

Библиографический список

1. Вебер М. Парламент и правительство в новой Германии. К политической критике чиновничества и партийной жизни // Вебер М. Политические работы (1895–1919) / Пер. с нем. Б.М. Скуратова. М., 2003.
2. Винклер Г.А. Веймар. 1918–1933. История первой немецкой демократии / пер. с нем. Е. Земсковой, А.И. Савина; под общ. ред. А.И. Савина. М.: РОССПЭН, 2013.

3. Малинкин А.Н. Макс Шелер о реформе высшего образования в Веймарской республике // Философская антропология Макса Шелера: уроки, критика, перспективы / отв. ред. Д.Ю. Дорофеев. СПб.: Алетейя, 2011. С. 296–307.
4. Шеллер М. Университет и народный университет // Логос. 6. 2005. С. 60–97.
5. Эш М. Бакалавр чего, магистр кого? «Гумбольдтовский миф» и исторические трансформации высшего образования в немецкоязычной Европе и США // Новое литературное обозрение. 2013. № 122.
6. Ясперс К. Идея университета / пер. с нем. Т.В. Тягуновой; ред. перевода О.Н. Шпарага; под общ. ред. М.А. Гусаковского. Минск: БГУ, 2006.
7. Becker C.H. Das Problem der Bildung in der Kulturkrise der Gegenwart // Becker C.H. Internationale Wissenschaft und nationale Bildung. Ausgewählte Schriften von Carl Heinrich Becker (1876–1933) / Hrsg. von G. Müller. Köln: Böhlau, 1997. S. 406–422.
8. Becker C.H. Gedanken zur Hochschulreform. Leipzig: Quelle und Meyer, 1919. XI, 70 S.
9. Die „Krise“ der Weimarer Republik. Zur Kritik eines Deutungsmusters / Hrsg. von M. Föllmer, R. Graf. Frankfurt am Main, New York: Campus, 2005.
10. Fattmann R. Bildungsbürger in der Defensive. Die akademische Beamtenschaft und der „Reichsbund der höheren Beamten“ in der Weimarer Republik. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2011.
11. Finanzierung von Universität und Wissenschaft in Vergangenheit und Gegenwart / Hrsg. von R.Ch. Schwinges. Basel: Schwabe & Co, 2005.
12. Gesetz über die Altersgrenze der Hochschullehrer vom 29.03.1930 // Preußische Gesetzsammlung. 1930.
13. Grüttner M. Studenten im Dritten Reich. Paderborn, München, Wien, Zürich: Schöningh, 1995.
14. Grüttner M. Der Lerkörper 1918–1932 // Geschichte der Universität Unter den Linden. Bd. 2: Die Berliner Universität zwischen den Weltkriegen 1918–1945 / Hrsg. von R. vom Bruch, H.-E. Tenorth. Berlin: Akademie Verlag, 2010–2013.
15. Hammerstein N. Die Deutsche Forschungsgemeinschaft in der Weimarer Republik und im Dritten Reich. Wissenschaftspolitik in Republik und Diktatur. München: Beck, 1999.
16. Jansen Ch. Professoren und Politik. Politisches Denken und Handeln der Heidelberger Hochschullehrer 1914–1935. Göttingen, 1992.
17. Jarausch K. Die Not der geistigen Arbeiter. Akademiker in der Berufskrise. 1918–1933 // Die Weimarer Republik als Wohlfahrtsstaat. Zum Verhältnis von Wirtschafts- und Sozialpolitik in der Industriegesellschaft / Hrsg. von W. Abelshäuser. Stuttgart: Steiner, 1987. S. 280–299.
18. Koselleck R. Krise // Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland / Hrsg. von O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck. Bd. 3. Stuttgart: Klett, 1982. S. 617–650.
19. Laitenberger V. Der DAAD von seinen Anfängen bis 1945 // Spuren in die Zukunft. Der Deutsche Akademische Austauschdienst 1925–2000 / Hrsg. von P. Alter. Bd. I. Köln, 2000. S. 20–49.
20. Linse U. Hochschulrevolution. Zur Ideologie und Praxis sozialistischer Studentengruppen während der deutschen Revolutionszeit 1918/19. // Archiv für Sozialgeschichte. 14. 1974. S. 1–114.
21. Maus Chr. Der ordentliche Professor und sein Gehalt. Die Rechtsstellung der juristischen Ordinarien an den Universitäten Berlin und Bonn zwischen 1810 und 1945 unter besonderer Berücksichtigung der Einkommensverhältnisse. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2013.
22. Müller G. Carl Heinrich Beckers Wissenschafts- und Hochschulpolitik 1908–1930. Köln, Weimar, Wien : Böhlau, 1991.
23. Müller G. Ernst Krieck und die nationalsozialistische Wissenschaftsreform. Motive und Tendenzen einer Wissenschaftslehre und Hochschulreform im Dritten Reich. Weinheim, Berlin, Basel, 1978.
24. Mythos Humboldt. Vergangenheit und Zukunft der deutschen Universitäten / Hrsg. von M.G. Ash. Wien: Bohlau Verlag, 1999.
25. Oberdörfer E. Der Verband der Deutschen Hochschulen in der Weimarer Republik // Die deutsche Universität im 20. Jahrhundert. Die Entwicklung einer Institution zwischen Tradition, Autonomie,

- historischen und sozialen Rahmenbedingungen / Hrsg. von K. Strobel. Vierow bei Greifswald: SH-Verlag, 1994. S. 69–88.
26. Objektivität und Parteilichkeit in der Geschichtswissenschaft / Hrsg. von R. Koselleck, W.J. Mommsen, J. Rüsen. München, 1977.
 27. Paletschek S. Was heißt „Weltgeltung deutscher Wissenschaft?“ Modernisierungsleistungen und -defizite der Universitäten im Kaiserreich // Gebrochene Wissenschaftskulturen. Universität und Politik im 20. Jahrhundert / Hrsg. von M. Grüttner, R. Hachtmann, K.H. Jarausch, J. John, M. Middell. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2010. S. 29–54.
 28. Peukert D.J.K. Die Weimarer Republik. Krisenjahre der Klassischen Moderne. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1987.
 29. Rede des antretenden Rektors Dr. Eduard Meyer // Rektorwechsel an der Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin am 15. Oktober 1919. Berlin: Norddeutschen Buchdruckerei, 1919.
 30. Sontheimer K. Die deutschen Hochschullehrer in der Zeit der Weimarer Republik // Deutsche Hochschullehrer als Elite. 1815–1945 / Hrsg. von K. Schwabe. Boppard am Rhein, 1988 S. 215–224.
 31. Stern F. Die politischen Folgen des unpolitischen Deutschen // Das kaiserliche Deutschland. Politik und Gesellschaft 1870–1918 / Hrsg. von M. Stürmer. 2. Aufl. Düsseldorf, 1977. S. 168–186.
 32. Tilitzki Chr. Die deutsche Universitätsphilosophie in der Weimarer Republik und im Dritten Reich. Teil 1. Berlin: Akademie Verlag, 2002.
 33. Titze H. Datenhandbuch zur deutschen Bildungsgeschichte. Bd. 1: Hochschulen. Teil 1: Das Hochschulstudium in Preußen und Deutschland 1820–1944. Göttingen, 1987.
 34. Troeltsch E. Die Welle von rechts (Januar 1920) // Ernst Troeltsch Spectator-Briefe und Berliner Briefe (1919–1922) / Hrsg. von G. Hübinger in Zusammenarbeit mit N. Wehrs. Berlin, Boston: de Gruyter, 2015. S. 218–228.
 35. Troeltsch E. Schriften zur Politik und Kulturphilosophie (1918–1923) / Hrsg. von G. Hübinger in Zusammenarbeit mit J. Mikuteit. Berlin, New York: de Gruyter, 2002. S. 207–224;
 36. Weber A. Die Not der geistigen Arbeiter // Alfred Weber. Gesamtausgabe in 10 Bänden. Bd. 7. Marburg: Metropolis-Verlag, 1999. S. 578–639.

Сведения об авторе

Хряков Александр Васильевич, доцент, к.и.н., Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики". Санкт-Петербург.

УДК 94(430)

В.Л. Черноперов

«ГЕРМАНСКАЯ ПАРТИЯ — ОДНА ИЗ ЛУЧШИХ» VERSUS «НЕ ДОВЕРЯТЬ НИКАКИМ НЕМЦАМ В КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ШКУРЕ»: ВОСПРИЯТИЕ СОВЕТСКИМИ ПАРТИЙНЫМИ РУКО- ВОДИТЕЛЯМИ, ДИПЛОМАТАМИ И ЖУРНАЛИСТАМИ КПГ И ЕЕ ЛИДЕРОВ В ГОДЫ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация. В представленной публикации анализируются взгляды советских современников (политиков, дипломатов, журналистов, писателей и т.д.) на Коммунистическую партию Германии и ее лидеров в годы Веймарской республики. Отмечено влияние на формирование воззрений на КПГ идеологических стереотипов и установок вождей большевизма. Показано доминирование доброжелательных оценок, которые далеко не всегда соответствовали реальному положению дел. Подчеркнуто игнорирование большевистской партийно-политической элитой объективных сообщений о германской компартии. Сделан вывод о пагубности утвердившегося неадекватного образа о силе КПГ для внешней и внутренней политики Советской России/СССР.

Ключевые слова: Веймарская республика, революционное движение, Коммунистическая партия Германии, советские современники, восприятие, образ.

V. L. Chernopyorov «German party is one of the best» versus «One should not trust Germans in communist clothing»: perception of the Communist Party of Germany and its leaders during the years of the Weimar Republic by Soviet party leaders, journalists and diplomats

Summary. The article analyses the views of Soviet contemporaries (politicians, diplomats, journalists, writers etc.) on the Communist Party of Germany and its leaders during the years of the Weimar Republic. The influence of ideological stereotypes and statements of Bolshevism leaders on the formation of views on the Communist Party of Germany is shown. One cannot but notice the prevalence of favourable opinions which often fail to reflect the real situation. The fact that objective information about the German Communist Party was ignored by the Bolshevik political and party elite is emphasized. The conclusion is made that a well-established inadequate image of the German Communist Party power was harmful for the domestic and foreign policy of Soviet Russia/the USSR.

Key words: the Weimar Republic, revolutionary movement, the Communist Party of Germany, Soviet contemporaries, perception, image.

Введение

Настоящая публикация лежит в русле изысканий автора [99, 100, 105, 107, 108, 109] и других отечественных исследователей по проблеме взаимных отражений русских и немцев в первой половине XX столетия [14, 22, 23, 27, 30, 31, 40, 52, 61, 87, 98; и др.] и будет посвящена взглядам советских современников на Коммунистическую партию Германии и ее лидеров. Источниковую базу исследования составили публицистические работы, выступления, интервью, переписка видных лидеров большевистской партии и Коммунистического Интернационала, донесения дипломатов, корреспонденции из Веймарской республики журналистов советской газеты «Известия», а также мемуарные свидетельства советских современников о немецкой стране 1918—1933 годов. Часть материалов, выявленных в российских архивах, вводится в научный оборот впервые.

Актуальность работы обусловлена как популярностью в современной науке проблем имажологии (имиджинологии), так и снижением за последние два десятка лет интереса к истории коммунистического движения в Веймарской республике. Вместе с тем, без понимания

этого вопроса невозможно разобраться в хитросплетениях не только внутренней политики немецкого государства 1920-х — начала 1930-х годов, но и советской внешней политики на германском направлении.

Восприятие советскими современниками КПГ в 1918—1933 гг.

С момента захвата власти в октябре 1917 года лидеры радикального крыла российской социал-демократии – большевики, надеясь на помощь международного и, прежде всего, немецкого пролетариата, внимательно следили за политической ситуацией в Германии. Они выражали свои симпатии Независимой социал-демократической партии, которая образовалась в 1917 г. и стояла на антивоенных позициях. Член РСДРП с 1901 года, П.М. Петров, передававший весной 1918 г. кайзеровскому правительству ратификационную грамоту Брестского мира, перед возвращением в Москву говорил: «В нашей борьбе за мир мы рассматриваем в качестве нашего союзника лишь сознательный пролетариат, а в Германии в качестве передовых борцов – товарищей, объединенных в Независимую социал-демократическую партию» [цит. по: 84. С. 128].

Особые симпатии лидеры РКП(б) питали к левому крылу НСДПГ – группе «Спартак». Их близость идеям большевизма лидер этого течения в российской социал-демократии Владимир Ильич Ленин (Ульянов) отмечал еще до войны [110, с. 129]. В 1918—1919 гг. на немецких единомышленников многие в Советской России смотрели как на более опытных и умелых, как на «старших братьев» [74. С. 30; 76. Т. 2. С. 55—56]. В этой связи становится понятна та радость, с какой большевики встречали любое известие о поддержке «спартаковцами» Октябрьского переворота и об усилении левых в германской социал-демократии [подр. см.: 101. С. 55—61]. Известным диссонансом этим настроениям звучали сообщения из Берлина советского полпреда в кайзеровской империи Адольфа Абрамовича Иоффе, который писал о том, что «немецкие социалисты, оглушенные громом побед германского оружия, изолированы от масс и не ведут подпольной работы» [цит. по: 11. С. 69]. На лидеров большевиков подобные доклады решающего влияния не оказывали, хотя иногда на основании анализа складывающейся ситуации они проявляли осторожность относительно перспектив революционного движения в Европе [52. С. 135].

К октябрю 1918 года на фоне военных поражений германских войск и растущего протестного движения внутри кайзеровского рейха председатель Совета народных комиссаров РСФСР В.И. Ленин, председатель Революционного совета РСФСР Лев Давидович Троцкий (Бронштейн) и др. пришли к убеждению, что победа немецкого пролетариата, а значит и мировой революции неизбежна [49. Т.37. С.97; Т.50. С.196; 93. Т.17. Ч.2. С.10-11]. Успех революционных сил связывался, прежде всего, с именем лидера «спартаковцев» Карла Либкнехта. У большевиков он даже персонифицировался в нем. Как, впрочем, и у противников коммунистических идей, у тех, кто боялся революционного взрыва в Германии [16. С.65].

К осени 1918 года российские большевики имели об уровне поддержки К. Либкнехта самое гипертрофированное представление. Так, заведующий отделом внешних сношений Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и член коллегии Наркомата по иностранным делам РСФСР Карл Бернгардович Радек (Сабельсон) с уверенностью предрекал, что следующее правительство Германии возглавит лидер «спартаковцев», что за ним пойдут «десятки миллионов», «много больше», чем перед Октябрем 1917 г. шло за В. Лениным [70. С. 3, 34]. Таким образом, на оценки лидеров большевиков вновь не оказало никого влияния сообщение А.А. Иоффе о неготовности левых на решительные действия, о том, что ему на нелегальной конференции «спартаковцев», состоявшейся в Берлине 12 октября 1918 г., «с большим трудом» удалось добиться подписания подготовленной им прокламации с

призывом к восстанию, которая была опубликована в советской печати [11. С. 75]. Причем замечание А. Иоффе, проигнорированное большевистским ареопагом, было не единичным. Заместитель председателя ВСНХ РСФСР Владимир Павлович Милютин, передавая впечатления от увиденного в Германии, писал об отсутствии у местных революционных рабочих «достоянных вождей» и о слабости левых в организационном отношении [11. С. 76]. а вторивший ему Юлиан-Болтазар Юзефович Мархлевский, назначенный полпредом РСФСР в Австро-Венгрии и оказавшийся во второй половине октября 1918 года в Берлине, предостерегал: «В общем дела тут обстоят скверно, и настолько, что организации нет. Удастся ли исправить положение – сомнительно. Поэтому я боюсь, что все будет развиваться стихийно» [95. С. 290-291].

Освобождение К. Либкнехта из тюрьмы 21 октября 1918 г., куда его упрятали кайзеровские власти за антивоенные выступления весной 1916 года, находившийся в Берлине член ЦК РКП(б) и один из ведущих идеологов партии Николай Иванович Бухарин описал такими словами: «Не успел он выйти на платформу, где собрались десятки тысяч рабочих, как первым криком, вырвавшемся у него, был крик: „Долой правительство!“ <...> Он сразу пошел в бой, не теряя ни минуты... <...> И все – и друзья и полувраги почувствовали: к нам пришел тот, кого не доставало. Революционный ураган близок» [73, с. 170]. Либкнехта, как будущего главу Советской Германии, приветствовали в полпредстве РСФСР 23 октября [11, с. 76]. Причем на руководителя «спартаковцев» смотрели как на вождя не только немецкого, но и международного пролетариата [78. С. 25; 88. С.659]. С целью ознакомления российских трудящихся с будущим лидером мировой революции в 1918 году в Советской России выпустили брошюру с биографией Либкнехта [78].

Известие о Ноябрьской революции в Германии вожди Советской России встретили восторженно. Их энтузиазм разделяли тысячи сторонников [77. С. 140—141]. В это время в Москве начал работу VI Всероссийский чрезвычайный съезд Советов (6—9.11.1918). Делегаты извещали о восстании на базе германского флота в Киле и об отречении кайзера Вильгельма II встретили радостными возгласами и аплодисментами. Ликование перекинулось на многие предприятия. Председатель ВЦИК Яков Михайлович Свердлов с трибуны форума с непоколебимой убежденностью предрекал: «Через полгода мы будем иметь упрочившуюся советскую власть не только в странах Австрии, Венгрии и Германии, но и в странах Согласия – Франции, Англии, Италии» [86. Т. 3. С. 60]. Руководитель НКВД РСФСР Георгий Васильевич Чичерин, разделяя мнение о силе движения, возглавляемого К. Либкнехтом, уже 11 ноября 1918 года объявил о том, что Советская Россия связывает свое будущее с именно ним [88. С. 667].

Большевики, верные классовой солидарности, после Ноябрьского переворота в Германии отказались признавать кайзеровских дипломатов в Москве официальными представителями своей страны, предприняли меры по организации помощи немецкому народу продовольствием и попытались наладить взаимодействие на других направлениях [101. С. 63]. Г. Чичерин, обращаясь 14 ноября 1918 г. к новому германскому правительству – Совету народных уполномоченных (СНУ), которое четырьмя днями ранее создали правые социал-демократы из СДПГ и центристы из НСДПГ [64. С. 14], называл его представителей «революционными братьями» и призвал их к совместной борьбе [26. Т. 1. С. 568; Т. 2. С. 19]. Эти иллюзии рассеялись быстро. В частности, из-за отказа СНУ принять продовольственную помощь из РСФСР. В Москве «революционными братьями» новое германское правительство называть перестали. Более того, начали обвинять в контрреволюционности и готовности объединиться со странами Антанты для борьбы с трудящимися [39. 19.11.1918].

Сложившееся положение не казалось долговечным. Большевистские газеты пестрели сообщениями о новых классовых боях в Германии, об усилении там движения во главе с Либкнехтом, о росте симпатий немецких трудящихся к Советской России [см., напр.: 39. 07.12.1918]. Эти сведения накладывались на успешное продвижение Красной Армии на Запад: 21 ноября 1918 г. она взяла Псков, 28-го – Нарву. В тот же день советская власть утвердилась в Латвии, 29 – в Эстонии, а 14 декабря – в Литве. В этих условиях народный комиссар по делам национальностей РСФСР и член Реввоенсовета Иосиф Виссарионович Сталин (Джугашвили) заговорил об уничтожении «средостения» между социалистической Россией и революционным Западом [90. Т. 4. С. 168]. А.А. Иоффе же, высланный из Берлина накануне Ноябрьской революции 1918 г., в опровержении слухов о нелегальном возвращении в немецкую столицу заявил со страниц «Известий» германскому МИДу: «Я предпочитаю не приезжать в Германию теперь, а дожидаться пока германский народ создаст себе правительство более выполняющее его волю и желание, нежели нынешнее. Я твердо уверен, что мне недолго ждать в Москве» [39. 01.01.1919].

В декабре 1918 г. на Всегерманский съезд Советов выехала группа представителей ВЦИК в составе Н.И. Бухарина, А.А. Иоффе, Х.Г. Раковского, Б.Н. Игнатова и К.Б. Радека. Однако большевистских вождей задержали. До Берлина нелегально добрался только К. Радек [3. С.56]. Увиденное радикально отличалось от тех образов, которые господствовали у большевистских вождей в Москве. «Я помню, – вспоминал Радек, – как приехав в Берлин и декабре 1918 г., я убедился в том, что наша организация находится в самом эмбриональном состоянии» [76. Т.2. С. IX]. Выяснилось, что во время Ноябрьской революции в столице Германии насчитывалось лишь несколько десятков сторонников Либкнехта и еще около 70 человек в Гамбурге, а в Берлинском Совете рабочих и солдатских депутатов не было даже особой коммунистической фракции [76. Т.2. С. XI]. Кроме того, большинство немцев симпатизировало отнюдь не Советской России, а странам Антанты, особенно США, и стремилось оно не к революционным потрясениям, а к спокойствию и порядку [76. Т.2. С.107-108; 77. С.150].

Однако, как и раньше, эти проблески объективности, решающими не стали. Прежде всего, из-за усиления группы «Спартак», преобразованной в «Союз Спартака», который, оставаясь в НСДПГ, организовал свое центральное руководство [110. С. 134]. Изменилась также численность этой организации. К концу 1918 г., по сведениям того же Радека, количество сторонников Либкнехта в Германии выросло до 20—30 тыс. [76. Т. 2. С. IX]. В этих условиях встал вопрос об образовании «спартаковцами» самостоятельной партии. По воспоминаниям К. Радека, за размежевание с НСДПГ из руководителей «спартаковцев» выступали Карл Либкнехт и Роза Люксембург, против – Ян Тышка (Лео Йогихес). Последний предлагал не торопить события, а дожидаться момента, когда массы сами разочаруются в политике вождей «независимцев» и отойдут от них [76. Т. 2. С. XI].

По наблюдениям Карла Радека, принадлежавшего к большевикам, и его идейного противника меньшевика Григория Осиповича Бинштока, к концу 1918 г. у «спартаковцев» верх стало брать крыло ультра-революционеров, которые выступали против участия в работе Национального собрания («разгоним пулеметами»), оценивали ситуацию в Германии как вполне созревшую для немедленного захвата власти («победа уже близка») и критиковали лидеров «Союза» за нежелание «уже сейчас» приступить к решительным действиям («вожди тормозят») [6. С. 39; 76. Т 2. С. 151-152].

В этих условиях 29 декабря 1918 г. в Берлине открылась общегородская конференция «Союза Спартака», которая переросла в Учредительный съезд Коммунистической партии Германии. 30 декабря перед делегатами форума выступил Радек. Он говорил об однотипно-

сти российской и германской революций и выразил надежду, что настанет день, когда пролетарии обеих партий будут вместе сражаться против классового врага на Урале и Рейне [76. Т. 2. СС. 61, 64, 74]. Произнося бравурную речь, Радек между тем, как он признавал позже, не увидел на съезде прочной связи немецких коммунистов с массами, но заметил их неопытность и желание немедленно ввязаться в бой [76. Т. 2. СС. 56, 69, 92]. Правда, эти наблюдения не помешали ему с оптимизмом сообщить В. Ленину, Я. Свердлову и Г. Чичерину: «...коммунисты созреют здесь через несколько месяцев для того, чтобы думать о захвате власти» [45. С. 93].

Во время работы Учредительного съезда КПП и накануне созыва 19 января 1919 г. Национального собрания, которое должно было выработать Конституцию Германии и утвердить буржуазно-парламентский строй, политическая обстановка в стране резко обострилась. Немецкие коммунисты, стремясь опередить события и не допустить конституирования нового государства, 5 января 1919 г. начали восстание. В тот же день Ленин, Троцкий, Свердлов, Сталин и Бухарин от имени ЦК РКП(б) послали «спартаковцам» телеграмму, в которой, приветствуя их борьбу «под знаменем революционного социализма», заявляли: «Неизбежна ваша победа, товарищи!» [93. Т. 13. С. 91].

Выступление «спартаковцев» было обречено на поражение. Правящие элиты сумели найти взаимопонимание с военными. В Берлин вошли войска, и к 12 января силы «спартаковцев» были разбиты. Жертвами террора победителей стали лидеры КПП Либкнехт, Люксембург и Йогихес. Радек попал в В Моабитскую тюрьму. Здесь, обустроив пресловутый «политический салон» [3. С. 72-74] и имея возможность осмыслить произошедшее, он, оставаясь в плену стереотипов российского опыта, пришел к выводу, что ситуация, сложившаяся в Германии после разгрома «спартаковцев», похожа на политический кризис в России июля 1917 года. А значит Октябрь впереди, причем не за горами. Схожие мысли высказывали также Свердлов и Троцкий [86. Т. 3. С. 115-116; 93. Т. 8. С. 88-94].

Радек после встреч с оставшимися на свободе лидерами германского коммунистического движения некоторое время спустя разглядел (!), что КПП все еще малочисленна. К тому же в ее новом руководстве нет единства («разброд») [71. С. 3]. Но даже эти факты не привели к радикальной трансформации образа КПП. Здесь важную роль сыграло рождение в марте 1919 г. III (Коммунистического) Интернационала, манифест которого, подготовленный Л.Д. Троцким [113. С. 4], был пронизан верой в скорый мировой Октябрь [67. С. 201—212]. Схожих настроений по окончании Конгресса придерживался и В.И. Ленин [49. Т. 37. С. 514].

Отмечаемые революционные ожидания подпитывались появлявшимися в разных странах Европы (хотя бы и на короткое время) государствами, объявлявшими себя советскими. Здесь показательно приветствие делегатов VIII съезда РКП(б) правительству Венгерской Советской республики: «Наш съезд убежден в том, что недалеко то время, когда во всем мире победит коммунизм» [46. Т. 2. С. 118].

Созданный образ революционной Европы, особенно Германии, не поколебал даже спад в немецком революционном движении, наметившийся к осени 1919 г. Тот же Радек, хотя и осознал, что значительная часть германского пролетариата продолжает идти за правой СДПГ, что революционный кризис к Германии может принять «затяжной характер» [72. СС. 96, 134], печалился не долго, и по возвращении из маобитского заключения в Советскую Россию, выступая на объединенном заседании Пленума Московского совета рабочих и крестьянских депутатов, профсоюзов и фабрично-заводских комитетов 23 января 1920 г., сначала озвучил количество членов КПП в 200 тыс., а затем добавил: «реально германских коммунистов много больше», к тому же в их сторону склоняется 800 тыс. независимцев [39.

29.01.1920]. Озвученные Радеком цифры были очень далеки от реальности – к 1920 г. в компартии Германии насчитывалось не более 78 000 членов [121. С. 148].

Представления о силе КПГ у К. Радека окрепли еще больше после ликвидации в Германии антиреспубликанского Капповского путча в марте 1920 г., о чем он говорил на IX съезде РКП(б) [39. 03.04.1920]. Для нас значимо то, что вера в немецких коммунистов переживала подъем накануне активной фазы советско-польской войны, начавшей в апреле 1920 г. Кстати, еще на стадии успехов армий Второй Речи Посполитой и их союзников кандидат в члены Политбюро ЦК РКП(б) и член Центрального Комитета партии Михаил Иванович Калинин заявил: «... пророчество буржуазной прессы о том, что большевики хотят через Польшу проложить мост между Советской республикой и спартаковцами, мы признаем» [41. С.206].

Большевистские армии, как известно, отбив удар, в июне 1920 г. сами перешли в наступление и начали быстрое продвижение на Запад. Ленин позже признавал, что в это время у кремлевского руководства возобладало следующее убеждение: наступление сил российской контрреволюции и Антанты отбито и настало время для наступательной войны. Уверовав в это, советские лидеры решили «помочь советизации Польши, штыком пощупать не созрела ли социальная революция» там, и через это проверить устойчивость всей системы международных отношений, которая сложилась в Европе по итогам Первой мировой войны и Парижской мирной конференции [115. С. 16]. Сам Ленин считал, что наступает время перемены «всей политики, всемирной политики» [115. С.17].

Апогеем свержеволюционных настроений стал II Конгресс Коммунистического Интернационала (19.07. — 07.08.1920). Председатель РВС Троцкий говорил в те дни: «Белая Польша была той непроницаемой стеной, которая отделяла ... нас ... от могущественных пороховых погребов революционной Германии... Красная Польша означает ... пролетарскую революцию в Германии... На полях Польши решается сейчас судьба буржуазной Европы и всего буржуазного мира» [93. Т. 15. С. 404]. Конгресс констатировал постановку в повестку дня «гражданской войны в планетарном масштабе» [13. С. 647] и торжественно провозгласил: «Международный пролетариат не вложит меча в ножны до тех пор, пока Советская Россия не включится звеном в федерацию Советских республик всего мира» [12. С. 591].

На этом фоне диссонансом прозвучали оценки сил КПГ Виктора Леонтьевича Коппа – «полулегального советского полпреда» в Веймарской Германии, обосновавшегося в Берлине с конца июля 1919 г. [подр. см.: 103]. В июне 1920 г. в донесении лидерам большевиков он писал: «Коммунисты еще окончательно не изжившие январское кровопускание [подавление восстания в 1919 г. – В.Ч.] и ослабленные расколом, могут играть руководящую роль только на последнем фазисе революции» [82. Ф.5. Оп.1. Д.2136. Л.1-1об.]. Скептицизм В.Л. Коппа основывался на знании истинного положения в немецкой компартии. В письме Г.В. Чичерину от 16 июля 1920 г. он предупреждал: «Советую ... в особенности не доверять никаким немцам в коммунистической шкуре: это в большинстве своем продувные бестии, готовые продаться кому угодно и за что угодно» [4. Ф.04. Оп.13. П.73. Д.1037. Л.90]. Считая германскую компартию недостаточно сильной для немедленного захвата власти В. Копп разработал и предлагал большевистскому руководству план советизации Германии с опорой на националистические и национал-большевистские настроения [подр. см.: 106].

Как известно, польские войска сумели остановить наступление Красной армии. Большевистские лозунги «Даешь Варшаву! Даешь Берлин!» так и остались лозунгами. Однако поражение не изменило восприятия КПГ кремлевским ареопагом. Ленин перед партактивом Московской организации РКП(б) 9 октября 1920 г. рассуждал о почти миллионе членов КПГ, которые вместе с примкнувшими к ним независимцами «составят грандиозную революцион-

ную силу» [49. Т.41. С.339]. Эти неадекватные оценки окрепли после решения 12 октября 1920 г. большинством делегатов IV съезде НСДПГ, который прошел в Галле, о присоединении к III Интернационалу и последовавшего в декабре того же года объединения с коммунистами [подр. см.: 94].

Из Советской России на форум в Галле прибыли председатель Исполнительного Комитета Коминтерна и член Политбюро ЦК РКП(б) Григорий Евсеевич Зиновьев (Евсей-Гершен Ааронович Радомысльский) и секретарь Красного Интернационала профсоюзов Соломон Абрамович Лозовский (Дридзо). Выступление лидера ИККИ на галльском съезде одной частью делегатов поддерживалось аплодисментами, другой – прерывалось бурными протестами [17. С. 36]. В конце концов, по убеждению Г.Е. Зиновьева, его речь стала победой коммунистической идеи, что и отразило голосование [32. С. 46] – 236 делегатов высказались за присоединение НСДПГ к III Интернационалу, против – 156. Зиновьев, упиваясь победой, вспоминал: «Долго не забуду того момента, когда правая часть покидала съезд. Переполненные рабочими хоры грозят кулаками уходящим и шлют проклятия по их адресу. Левые торжественно, с подъемом пели Интернационал. Из правых часть уходила, понуря голову, другая часть надменно и нахально смотрела в сторону большинства. У многих из нас сжимались кулаки» [32. С. 48]. За всей этой словесной бравадой председатель ИККИ «не заметил» того, что во-первых, эффект от его выступления был заметно снижен речью Юлия Осиповича Мартова (Цедербаума), которую на съезде зачитал эксперт по русским делам НСДПГ Александр Николаевич Штейн (Рубинштейн) [85. С. 161], а, во-вторых, и это – главное, что от независимцев к КПГ, которая некоторое время слала именоваться Объединенной компартией Германии (ОКПГ), перешло меньшинство – из 893 000 не более 300 000. Чуть позже, в начале 1921 г., оторванность Исполкома Коминтерна от реалий жизни увидела и член КПГ Клара Цеткин, о чем откровенно написала В. Ленину [118. S. 211, 215].

В 1921 году серьезный шаг в сторону политического реализма сделал и Радек. Придя к мысли о слабом стремлении большинства германского пролетариата к революции, о том, что «прямой путь к диктатуре пролетариата стал в новых условиях невозможен», этот представитель большевистской элиты способствовал появлению «Открытого письма» руководства ЦК ОКПГ к руководству профсоюзов. СДПГ, НСДПГ и Коммунистической рабочей партии Германии (КРПГ) с призывом к единству действий за интересы всех трудящихся независимо от партийной принадлежности [3. С. 98, 99]. Ленин позже назвал это послание «образцовым политическим шагом», первым актом «практического метода привлечения большинства рабочего класса», в условиях, когда «германская партия – одна из лучших – и та не имеет за собою большинства рабочего класса» [49. Т. 44. С. 25].

В 1921 г. реализм в оценках немецкой компартии утвердился далеко не у всех. Теперь одним из главных идеологов, укреплявших мнение о сильной и многочисленной КПГ, стали лидеры Коминтерна во главе с Г.Е. Зиновьевым. Этих же взглядов, по наблюдениям представителя Коммунистического Интернационала молодежи, разведчика и журналиста Эрнста Генри (Лейбы Абрамовича Хентова), придерживалось большинство рядовых, особенно молодых, членов ОКПГ. Им казалось, «что достаточно одного смелого шага, нескольких решительных, смелых действий, и немецкий Октябрь наступит» [15. С. 119]. Эти настроения в ОКПГ окрепли после завоевания «левыми» большинства в ЦК в феврале 1921 г. [3. С. 99—100]. Результатом распространения подобных настроений стало «мартовское восстание» или «мартовская акция» коммунистов.

4 марта 1921 г. в утреннем номере газеты КПГ «Роте Фане» появилось воззвание ЦК ОКПГ, в котором наряду с традиционным призывом к союзу с Советской Россией как спасению от хозяйственного кризиса и диктата стран Согласия появился лозунг свержения собст-

венного буржуазного правительства [38. С. 4-5]. Призыв прозвучал накануне санкций Антанты в Руре 8 марта 1921 г. и в ожидании нового удара по Веймарской республике со стороны Польши из-за плебисцита в Верхней Силезии [124. S.74-75]. В итоге в конце марта 1921 г. Пленум ОКПГ поднял лозунг «За союз с Советской Россией и свержение правительства». На словах он рассматривался как призыв к недопущению новой войны на Востоке Центральной Европы, к чему якобы вела политика правящих партий. Во время работы Пленума поступила информация из Саксонии о готовности сил правопорядка подавить намечавшиеся демонстрации рабочих. Тогда левые в ОКПГ при поддержке представителя Исполкома Коминтерна Бела Куна, придерживаясь «тактики наступления», взяли курс на вооруженное восстание, кульминацией которого стали боевые операции отряда Макса Гельца в Средней Германии [подр. см.: 2. С. 26-33; 125. S. 147-159].

Коммунисты и иные леворадикальные группы Веймарской республики весной 1921 г. располагали внушительными силами и имели немало оружия, полученного, в частности, из рук правительства в период подавления Капповского путча [120. P. 59]. Согласно данным немецкой контрразведки, КПГ и близкие к ней группы уже в конце 1920 г. располагала 8 корпусами (по два в Пруссии и ганзейских городах, по одному в Баварии, Саксонии, Рурской области и Восточной Пруссии), на вооружении которых находилось 536 тяжелых и 1012 легких пулемета, 236 000 винтовок, 53 миномета, 22 огнемета, 17 аппаратов для газовой атаки, 34 самолетов, 15 броневедомостей и 8 танков [4. Ф. 082. Оп. 3. П. 3. Д. 3. Л. 11-12]. Правда, техника большей частью была в разобранном состоянии. Основные склады с амуницией находились в Рурской области.

Упомянутый выше дипломат В. Копп, внимательно наблюдая на месте за выступлениями немецких коммунистов, 29 марта 1921 г. писал Г. Чичерину: «Несмотря на внешний грозный вид, события в Германии не имеют серьезного характера. Не говоря уже о резко – до подлости – отрицательном отношении независимцев и шейдемановцев [СДПГ – В.Ч.], и радикально настроенные массы не обнаруживают в данный момент склонности к решительным выступлениям. Это чувствует и Коммунистическая партия, позиция которой отличается крайней шаткостью. К тому же ее организационный аппарат до крайности слаб. Похоже на то, что партийная организация потеряла власть над своими боевиками, которые принялись действовать на свой страх и риск. Динамитные выступления в Берлине, например, носят на себе явную печать этой дезорганизованности и анархии. <...> Лучшим мерилom несерьезности движения является отношение к нему буржуазии. Средний обыватель держит себя совершенно спокойно, о прежнем ужасе перед красным петухом нет и помину» [4. Ф. 04. Оп. 13. П. 74. Д. 1051. Л. 14].

Наблюдения В. Коппа показывают, что выступление ОКПГ шансов на успех не имело. Однако в московском ареопаге смотрели по-иному и одобрили «мартовскую акцию». В итоге Исполком Коминтерна вину за поражение возложил на предателей-социал-демократов [45. С. 254-257]. Троцкий же расценил события лишь как «тактические упущения», как «первый самостоятельный шаг» германских революционеров [45. С. 259, 269]. Ленин, правда, в заметках к выступлению на III Конгрессе Коминтерна (22.06 – 12.07.1921) оценил поведение КПГ во время Капповского путча уже как «бездействие» и сделал следующую приписку: «Нельзя только агитировать, надо действовать, вести...» [49. Т. 44. С. 448]. Но, так или иначе, образ КПГ как сильнейшей компартии Европы, готовой к новым классовым сражениям, сохранился. Его укреплению способствовал и рост численности партии, достигшей в 1922 г. 380 000 членов [121. S. 148]. Наличие столь массовой организации настраивало большевиков на оптимистический прогноз относительно выполнения немецкими единомышленниками коминтерновского плана по переходу «от штурма к осаде» капитализма.

Вообще, 1922 г., связанный с установлением де-юре советско-германских отношений и укреплением в политике Кремля курса на «мирное сосуществование» с окружающим миром, несколько ослабил революционные ожидания. Но ненадолго...

Новый всплеск надежд на германских коммунистов у революционно-настроенных советских современников оказался связанным о Рурским кризисом 1923 г. Председатель Совнаркома и нарком иностранных дел Украинской ССР Христиан Георгиевич Раковский (Станчев), оказавшийся в Берлине во время ввода франко-бельгийских войск в Рейнскую область 11 января 1923 г., с удовлетворением отметил, что КПГ уже в первые дни кризиса провела боевую демонстрацию [80. С. 30—31].

С этого времени, согласно публикациям собственного корреспондента газеты «Известия» в Германии Вацлава Сольского (Паньского) «В рурские дни. Три демонстрации», «На социал-демократическом собрании», началось заметное усиление активности германских коммунистов [39. 25.01.1923; 03.05.1923]. Весной 1923 г. этот журналист посетил Саксонию. Увиденное там произвело на него сильное впечатление. «Саксония, – писал он в мае 1923 г. в статье с красноречивым названием «В Красной Саксонии», – уже сейчас становится твердой пролетариата... В Саксонии нет пролетарских политических заключенных (они все уже амнистированы), зато в тюрьмах сидят реакционеры и фашисты... Коммунистическая партия в Саксонии, несмотря на сравнительно небольшое число членов, играет и в парламенте, и вне его руководящую роль» [39. 03.05.1923]. Силу революционеров советский журналист видел даже в расклеенных по саксонской столице Дрездену листовках с призывами к борьбе со спекуляцией. «...В Берлине, – подчеркивал В. Сольский, – социалистические или коммунистические плакаты обыкновенно тотчас уничтожаются буржуазными молодцами, и в буржуазных кварталах их вообще не видно. Здесь, в Дрездене, плакаты преспокойно висят, и никто не думает их срывать» [39. 04.05.1923].

О росте «боевых настроений» в Германии весной – летом 1923 г. сообщали и другие источники. В частности, кандидат в члены президиума ВЦСПС, представитель Красного Интернационала профсоюзов в Германии Борис Григорьевич Козелев и член Уральского бюро ЦК РКП и председатель Уральского Экономического Совета А. Ломов (Георгий Ипполитович Оппоков) [39. 03.08.1923; 42. С. 42]. Свою роль в создании образа сильной и организованной КПГ, рвущейся к власти, создавали также германские бюллетени РОСТА, сводки советского берлинского полпредства и других дипломатических учреждений [5. С. 126]. Все это позволило председателю ИККИ Зиновьеву утверждать, что в Веймарской республике «рост симпатий к Коммунистической партии ... можно сравнить только с тем поразительным ростом, который наблюдался у нас накануне Октября» [33. С. 20]. К. Радек же на сессии бюро Коминтерна молодежи 13 июля 1923 г. констатировал: «...Современная Германия – географическая карта всех форм гражданской войны» [75. С. 7140].

Схожих настроений придерживались немецкие коммунисты. 31 июля 1923 г. ЦК КПГ объявил о том, что «завоевание политической власти» стало ближайшей задачей партии [65. С. 264]. В русле подобных настроений лежало заявление председателя КПГ Генриха Брандлера от 5 августа 1923 г., в котором говорилось: Германия находится «накануне краха буржуазного режима и даже вступила в гражданскую войну» [19. С. 117]. Через 4 дня он сообщил К.Б. Радеку о том, что КПГ провела «всю нелегальную подготовку» и в назревающем революционном выступлении «одержит победу» [68. С. 165, сн. 2].

По заданию РКП(б) в СССР развернулась мощная пропагандистская компания в поддержку надвигающейся германской революции, которая в ряде мест (например, в отличавшейся революционными настроениями Иваново-Вознесенской губернии) приобрела гипертрофированный размах [108]. Не отставали и центральные издания. Тот же Сольский в конце

октября 1923 г. в корреспонденциях «В Дрездене саксонское рабочее правительство», «Рабочее правительство в Саксонии», «Красная Тюрингия», «В Красной Тюрингии» с нескрываемым удовлетворением отмечал, что положение компартии в этих землях стало еще прочнее: она практически возглавила образованные в них вместе с СДПГ рабочие правительства, и поэтому немецкая буржуазия, опасаясь «революционного террора», толпами покидет Дрезден и Веймар [39. 16.10.1923; 19.10.1923; 26.10.1923; 28.10.1923]. На основании своих наблюдений корреспондент «Известий» пришел к убеждению: любые агрессивные действия центральных властей против рабочих правительств Саксонии и Тюрингии моментально вызовут всеобщую забастовку и революцию («Саксонский конфликт», «Бавария и Саксония») [39. 23.10.1923; 27.10.1923].

Среди других причин, которые затрудняли борьбу реакции с революционно-красными Саксонией и Тюрингией, Сольский называл полувоенные формирования КПГ и СДПГ, так называемые «рабочие дружины» или «красные сотни». По его сведениям, только в Саксонии в эти организации входило до 60 тыс., в Тюрингии – до 44 тыс. бойцов [39. 19.10.1923; 26.10.1923]. По сообщениям из Веймарской республики, эти полувоенные партийные формирования отличались боевым характером и шли в авангарде революционной борьбы [42. С. 6, 27]. Советское и коминтерновское руководство полностью разделяло эти оценки [см., напр.: 57. С. 26]. Более того, Г. Зиновьев в одной из работ с воодушевлением подчеркнул: «Красные сотни напоминают нашу красную гвардию. Но они в Германии более организованы, чем, скажем, наша гвардия накануне Корнилова [попытки установления твердой власти и недопущения прихода к власти большевиков в августе 1917 г. – В.Ч.]» [33. С. 25].

Хотя в сообщениях Сольского количество бойцов «красных сотен», по видимому, завышено, они осенью 1923 г. представляли значительную силу. По воспоминаниям известного советского разведчика, ученого географа и экономиста Шандора Радо, который в 1923 г. возглавлял штаб ревкома в районе Лейпцига, лишь под его командой было до 15 тыс. человек. Причем отряды имели на вооружении не только винтовки, но и тяжелую артиллерию [79. С. 30]. Правда, количество последней исчислялось единицами. По всей же Веймарской республике в «красных сотнях» по разным источникам состояло от 100—132 тыс. [65. С. 308] до 250 тыс. бойцов [68. С. 175]. Кроме этих отрядов, в Германии, по данным советского разведчика Вальтера Германовича Кривицкого (Самуила Гершевича Гинзберга), при помощи Коминтерна и ГПУ/ОГПУ были созданы разведывательный отдел КПГ и «группы Т» – небольшие отряды, предназначенные для деморализации рейхсвера и полицейских сил, которые «состояли из отчаянно храбрых фанатиков» [47. С. 86, 88].

Основываясь на сообщениях из Германии и собственном анализе событий, большинство в руководстве Коминтерна и РКП(б) осенью 1923 г. пришло к убеждению, что немецкий пролетариат уже сумел повести за собой большинство трудящихся, что силы контрреволюции во много раз меньше потенциальной революционной армии, что коммунистический переворот в Веймарской республике неизбежен и, следовательно, не за горами рождение Союза серпа (аграрной России) и молота (промышленной Германии) как несокрушимого нового Союза Советских Социалистических Республик [подр. см.: 55. С. 267; 106. Гл. 1]. В этих условиях был разработан план по превращению Саксонии и Тюрингии в плацдарм для дальнейшего развития революции [48. С. 51; 62. С. 4].

Сегодня признано, что планы революционизирования Германии основывались на завышенных ожиданиях и неверных оценках. В частности, превращение Саксонии в центр распространения коммунистического восстания сохранялось только до конференции представителей рабочих производственных советов в Хемнице 21 октября 1923 г., которая, как известно, отклонила план всеобщей стачки как сигнала к восстанию [3. С. 135; 126. С. 652].

Правда, справедливости ради, следует отметить, что не все советские современники осенью 1923 г. видели картину исключительно в революционно-оптимистических тонах. Скептицизм в отношении КППГ, ее влияния в рабочей массе и, следовательно, успеха ее выступления высказывали руководитель Статистико-информационного института ИККИ в Берлине, сотрудник советского торгпредства в Германии и известный политэкономист Евгений Самуилович Варга (псевдоним Павловский) и некоторые сотрудники РОСТА [5. С. 135; 39. 02.08.1923; 66. С. 7750]. А полпред и торгпред СССР в Норвегии Александра Михайловна Коллонтай, посетив столицу Веймарской республики осенью 1923 г., со свойственным ей романтизмом писала знакомым: «Пять дней ... в нервной, неустойчивой, политически напряженной атмосфере Берлина, с падением кабинета, со сказочной скачкой валюты, с угрозой фашистских выступлений и намерением „левых” приступить к активности... Идет, но еще не родилась новая жизнь... И хотелось скорее, скорее уехать из этого города, где сейчас еще царит разложившееся прошлое, и нет еще живых ростков будущего...» [44. С. 134—135].

Впрочем, у тысяч советских соотечественников осенью 1923 г. господствовали сверхреволюционные ожидания, многие готовились прийти на помощь германским товарищам [24. С. 23, 28; 63. С. 96; 90. Т. 10. С. 63]. Весьма ярко эти настроения в 1923 г. выразил молодой поэт Александр Маркович Ясный (Яновский): «И может щедрою рукою / Подруга-осень кинет счастье / И за весну, под барабанный бой / Паду с раздробленною головой / Я где-нибудь на Фридрихштрассе».

Правительство Веймарской республики сумело справиться с Рурским кризисом 1923 г. А большевистское руководство стало постепенно осознавать ошибочность своих оценок и планов. Тот же Зиновьев, писавший 12 ноября 1923 г. том, в Германии «основные массы еще не были введены в бой» [68. С. 220, сн. 1], на Пленуме ЦК РКП(б) 15 января 1924 г. с печалью признал: «Были переоценены силы и нами и немецкой партией. Та информация, которую дали немецкие товарищи, была в высшей степени оптимистическая. Мы были неосторожны, положившись только на нее. <...> А потом оказалось, что в Саксонии только 800 винтовок... Мы вечерами сидели в кабинете у т. Троцкого и обсуждали стратегическую обстановку вместе с Каменевым и другими спецами. Это были в значительной степени потемкинские деревни. Это было массовое преувеличение» [68. С. 243, сн. 1]. Правда, отмечаемый в этом выступлении реализм в оценках возможностей КППГ вновь оказался недолговечным.

В январе 1924 г. прошли выборы в ландтаги Саксонии и Тюрингии. Их итоги показали сохранение в этих землях влияния компартии, о чем с радостью сообщал Сольский [39. 25.01.1924; 17.02.1924]. Ободренный этими новостями Зиновьев уже весной 1924 г. вновь «активизировал свои призывы немецким рабочим, содержащие откровенные намеки на возобновление революции в Германии в ближайшее время», а 8 апреля того же года с трибуны Ленинградского совета пророчествовал о том, что скоро германские коммунисты («наши соседи») «снова будут на баррикадах, а не на парламентской арене» [56. С. 184]. Эти надежды закрепили майские выборы в рейхстаг, на которых германские коммунисты, собрав 3,693 млн. голосов (12,6% от всех участвовавших в выборах), увеличила свою фракцию в парламенте с 4 депутатов в 1920 г. до 62 [119]. Воодушевленные этим результатом делегаты XIII съезда РКП(б) (23—31.05.1924) в итоговой резолюции выразили уверенность в том, что пролетариат Германии и «братская партия» отступили ненадолго [46. Т. 3. С. 287].

Оптимизм в отношении КППГ у кремлевских вождей не ликвидировали даже новые сообщения советских дипломатов во время конфликта вокруг торгпредства весной – осенью 1924 г., когда жестко схлестнулись не только Москва и Берлин, но и в СССР Наркоминдел с Норкомвнешторгом [см.: 102]. Одной из «всплывших проблем» стало неоправданно большое количество немецких коммунистов, трудившихся в советской торговой миссии в Германии.

Сотрудник НКВД Никифоров, изучавший работу аппарата берлинского торгпредства, в сообщении наркому внешней торговли Леониду Борисовичу Красину так отозвался о рабочих из КПП: «...Вы всегда в их рядах будете иметь десяток сознательных предателей и 50 % болтунов, которые не менее вредны. Я считаю, что необходимо как можно скорее освободить торгпредство от всей этой оравы, а потом принять небольшое количество, но уже с абсолютной гарантией партийной надежности» [83. Ф. 413. Оп. 2. Д. 1790. Л. 236].

Политбюро ЦК РКП(б) поддержало план удаления из торгпредства членов КПП, на основании чего лишились мест порядка 150 немецких коммунистов [83. Ф. 413. Оп. 2. Д. 1753. Л. 7—8]. Однако в официальных выступлениях мнение о германской партии не менялось. Не внесли корректуру даже поражения КПП на ноябрьских выборах в муниципалитеты и на декабрьских выборах 1924 г. в рейхстаг, когда количество голосов, поданных за партию, сократилось до 2,709 млн., а депутатских кресел – до 45 [119].

Генеральный секретарь ЦК РКП(б) И.В. Сталин и советский журналист из «Известий» М. Штейнборн были единодушны в том, что неудачи германских товарищей временные, а их причины кроются в сложившихся конкретно-исторических условиях: в терроре со стороны полиции и надеждах миллионов немецких обывателей на изменения к лучшей жизни в связи с принятием Антантой так называемого «плана Дауэса» [39. 27.11.1924; 16.12.1924]. В итоге И. Сталин, выступая в мае 1925 г. перед партактивом Московской организации РКП(б), заявил: «Думать, что такая культурная нация, как Германия, и такой культурный пролетариат, как германский, согласятся нести двойное ярмо без ряда серьезных попыток революционно-го взрыва, – значит верить в чудеса» [90. Т. 7. С. 41].

Впрочем, после провала «германского Октября» 1923 года в СССР о том, что «революционный взрыв» произойдет в ближайшее время уже почти никто не говорил. Новые выступления виделись теперь только в «исторической перспективе» [7. С. 36]. Этот тезис укрепляли подъем германской экономики и, как следствие, рост уровня жизни всех слоев населения Веймарской республики, начавшиеся в стране после проведенных эффективных реформ и принятия плана Дауэса. А.В. Луначарский посетив Берлин в 1926 г., писал: «От запустения и неряшливости сейчас не осталось никакого следа, нынешней Берлин – это прежде всего одна из столиц мира. Впечатление это нисколько не стирается последующей картиной Парижа. Если хотите, в Берлине даже больше порядка и некоторой строгой элегантности» [51. С.372].

Время с 1924 по 1929 года осталось в памяти миллионов немцев как сытое, как «золотое». А подъем уровня жизни способствовал укреплению стабильности веймарской политической системы. Большевики не могли игнорировать происходящее, и, стремясь его объяснить, ввели понятие частичной и временной стабилизации капитализма [35]. Однако это не означало, что они потеряли всякие надежды на революцию в Германии. Ведь стабилизация была неполной, относительной и временной.

Сохранению надежд на революционизирование Германии не в последнюю очередь способствовали массовые акции КПП. Например, ее участие в президентской компании 1925 г. Причем даже поражение кандидата от коммунистов трактовалось как очередной успех,двигающий Германию к революционному взрыву. Г.Е. Зиновьев в мае 1925 г., анализируя перед студентами Москвы причины и итоги избрания президентом Веймарской республики героя Первой мировой войны, генерал-фельдмаршала с монархическими взглядами Пауля фон Гинденбурга, заявил: «...объективные условия в Германии созрели для социалистической революции более, чем в какой бы то ни было другой стране. <...> В Германии – могучий рабочий класс, составляющий цифру, близкую к абсолютному большинству населения..., поголовно грамотный, прекрасно организованный. <...> Теперь революция в Германии подошла к Рубикону – ... Германия скоро будет стоять перед открытой альтернативой:

либо монархия, более или менее открытая, либо рабочая революция. Третьего не дано» [36. С. 12-16].

Оставаясь на этой волне, большевистские лидеры и, особенно, журналисты-пропагандисты увеличение представительства КПГ в рейхстаге или ландтагах трактовали как очередной успех приближающий партию к власти [39. 03.02.1926; 25.05.1926; 02.11.1926; 14.12.1927; 22.05.1928; 58; и др.]. Примером могут служить корреспонденции собкора газеты «Известия» в Веймарской республике Лили Кайт «День рождения Вильгельма Гогенцоллерна», «Перед всенародным голосованием в Германии», «Успех компартии на выборах в Саксонии», «Результаты германских выборов. Блестящий успех коммунистической партии». Надежды на сохранение веры в КПГ подкреплялись реальными цифрами – количество депутатов-коммунистов в рейхстаге с мая 1928 г. по ноябрь 1932 г. (то есть с 4-ой по 7-ую выборную компанию) возросло с 54 до 100, а количество поданных за них голосов с 3,264 млн. (10,6%) до 5,980 млн. (16,9%) [119].

С особым удовлетворением советские политики (А.В. Луначарский) и корреспонденты (Л. Кайт), а также коминтерновские эксперты (Герхард) отмечали рост влияния КПГ в Берлине [18. С. 9; 39. 16.11.1926, 20.03.1930; 50. С. 318]. И это не случайно. Ведь столицы во время революционных потрясений всегда имели особое значение, а коммунисты все годы существования Веймарской республики готовились к вооруженному восстанию.

Надеждами на грядущий пролетарский переворот объяснялось также повышенное внимание представителей из СССР к полувоенным отрядам КПГ, объединенным в Союз красных фронтовиков (ротфронтовцев). Л. Кайт в своих репортажах из Веймарской Германии акцентировала внимание на строгой дисциплине в их отрядах, мужественности бойцов и широкой поддержке населением [39. 30.03.1926, 07.06.1927, 29.05.1928]. И, действительно, публичные акции красных фронтовиков впечатляли. Например, марш 100 тыс. ротфронтовцев по улицам Берлина 27 мая 1928 г. [114. С. 266]

Сообщения корреспондентов о суровой дисциплине в ударных отрядах КПГ в совокупности с данными о росте числа сторонников партии сохранялось у лидеров III Интернационала мнение, что германские коммунисты добились огромных результатов в завоевании большинства пролетариата [59. С. 58; 60. С. 59]. На этом фоне вновь диссонировали сообщения дипломатов. Глава НКВД Г.В. Чичерин и советник полпредства СССР в Веймарской республике Сергей Сергеевич Александровский, симпатизируя КПГ, все-таки не раз предостерегали московское руководство от переоценки сил этой партии [89. С. 14, 16; 112. С. 127]. Но, как и раньше, их донесения картины не меняли. В итоге до конца существования Веймарской республики в статьях корреспондентов советских изданий и публичных выступлениях большевистских вождей обращалось мало внимания на большую текучесть в партии, переоценивались ее возможности и влияние [20. С. 28, 37-39]. В итоге, время от времени лозунги «мировой революции» вновь выходили на первый план [52. С. 144-145]. Особенно, с началом в конце 1929 г. мирового экономического кризиса, который в Европе более всего ударил по Веймарской Германии. Так, Сталин, выступая перед делегатами XV съезда ВКП(б) в июне 1930 г, заявил о том, что мировой кризис подтолкнет пролетариат к революции – как выходу из создавшегося положения [90. Т. 12. С. 254].

В условиях якобы приближающегося взрыва Коминтерн вновь нацеливал коммунистов на завоевание большинства пролетариев [45. С. 725, 728]. И это, как и начале 1920-х годов, вновь казалось вполне достижимым. Советские современники видели (или хотели видеть и поэтому разглядели) рост влияния коммунистов даже в таком, на первый взгляд, консервативном виде искусства как оперное. Г.В. Чичерин, например, так описал постановку пьесы «Лерштюк» на музыку Пауля Хиндемита и Курта Юлиана Вайля, увиденную в курортном

Баден-Бадене в 1929 году: «Сцена не манит к себе слушателя. Наоборот, сцена „опускается” к слушателю, его „приглашают петь вместе”... Политические намеки, на стенах висят лозунги. При исполнении в Баден-Бадене висели коммунистические лозунги» [111. С. 162]. Как нам представляется, отмеченные Чичериным лозунги были не чем иным как режиссерским преднамеренно провокационным приемом, который преследовал единственную цель – заинтересовать преимущественного буржуазного или аристократического зрителя курортного местечка.

Веймарская республика погибала. Но с точки зрения советских современников это было закономерно. Ведь еще Пятый конгресс Коммунистического Интернационала (17.06.—08.07.1924), объединив социал-демократию и фашизм, отбросил возможность парламентского демократически-реформистского пути развития и провозгласил дилемму: «Или пролетарская революция и диктатура пролетариата – или открытая буржуазная реакция и фашизм». Отражением этого постулата стали многочисленные пророчества в «Известиях» гибели в обозримом будущем рейхстага как воплощения германской демократии [39. 09.12.1923, 13.12.1923, 18.03.1924, 05.09.1924, 09.03.1929; и др.].

Революционные ожидания среди лидеров СССР сохранялись не только в 1929-1932 гг., но и после прихода Адольфа Гитлера к власти в январе 1933 г. [52. С.146-147]. В массовом же сознании советских граждан, благодаря идеологической обработке, вера в мощь КПГ, в то, что германские рабочие, как они «горячо заверяли», выступят «на защиту СССР», если кто-то попытается на него напасть [1. С.20], сохранялось и в период укрепления нацистской диктатуры, и даже в начале Великой Отечественной войны [см., напр.: 91. С.143; 117. С.21-23].

Лидеры и партийная оппозиция КПГ в оценках советских современников

Оценки революционного движения Германии у советских современников тесно переплетались с их взглядами на вождей КПГ. Наибольшие симпатии у большевистских вождей вызывали К. Либкнехт и Р. Люксембург. И это несмотря на то, что российские большевики достаточно рано узнали о скептическом отношении Розы Люксембург к их политике [53; 97. С. 24] и даже предприняли шаги по недопущению публикации ее критической работы в Советской России [11. С. 70—71]. В Москве, как отмечалось выше, видели в лидерах «спартаковцев» вождей революции, которая должна перерасти в мировую. Их убийство руководство РСФСР восприняло как личное горе [39. 19.01.1919, 21.01.1919]. В устных и печатных выступлениях большевиков погибшие немецкие революционеры предстали средоточием всех положительных качеств [см., напр.: 28; 39. 18.01.1919; 43. С. 263; 93. Т. 8. 82—94]. Ярким образчиком служат слова Л.Д. Троцкого из речи в Петроградском совете 18 января 1918 г.: «Карл Либкнехт представлял собой подлинное и законченное воплощение негибкого революционера. <...> В личной жизни Карл Либкнехт был... воплощением доброты, простоты и братства. <...> Это был обаятельный человек, внимательный и участливый. Можно сказать, что его характеру свойственна была почти женственная мягкость, в лучшем смысле этого слова. А наряду с этой женственной мягкостью его отличал исключительный закал революционной воли, способность бороться во имя того, что он считал правдой и истиной, до последней капли крови. <...>

...Рука об руку с ним с первого дня войны выступала мужественная, непоколебимая, героическая Роза Люксембург. <...> Маленького роста, хрупкая, болезненная, с благородным очерком лица, с прекрасными глазами, излучавшими ум, она поражала мужеством своей мысли. Методом марксизма она владела, как органами своего тела. Можно сказать, что марксизм вошел к ней в кровь. <...> Силой своей логики, могуществом своего сарказма она за-

ставляла молчать самых заклятых своих противников. Роза умела ненавидеть врагов пролетариата и именно поэтому умела возбуждать их ненависть к себе» [93. Т. 8. С. 71—74].

Вскоре после убийства вождей «спартаковцев» сформировались образы: Либкнехт (практик) – сердце, а Люксембург (теоретик) – мозг германского революционного движения.

Иконографический образ Либкнехта и Люксембург в СССР сохранялся до середины 1920-х годов, хотя первые критические слова прозвучали из уст Радека уже на II Конгрессе Коминтерна (в вопросе о профсоюзах) летом 1920 г. [10. С. 170] Со временем количество замечаний в адрес Люксембург в выступлениях большевиков нарастало, а ее достижения все чаще стали замалчиваться. Этот процесс резко ускорился после появления в германской печати критических работ Розы о большевиках и совершенной ими революции. Ленин в «Заметках публициста» написанных в феврале 1922 г., но появившихся на страницах журнала «Коммунистический Интернационал» только через два года, отметив, что в Германии преднамеренно публикуются именно те труды Люксембург, «в которых она была неправа», далее подчеркнул: «Мы ответим на это двумя строками из одной хорошей русской басни: орлам случается и ниже кур спускаться, но курам никогда, как орлы, не подняться. Роза Люксембург ошибалась в вопросе о независимости Польши; ошибалась в 1903 году в оценке меньшевизма; ошибалась в теории накопления капитала; ошибалась, защищая в июле 1914 года, рядом с Плехановым, Вандервельдом, Каутским и др., объединение большевиков с меньшевиками; ошибалась в своих тюремных писаниях 1918 года (причем сама же по выходе из тюрьмы в конце 1918 и начале 1919 года исправила большую часть своих ошибок). Но, несмотря на эти свои ошибки, она была и остается орлом; и не только память о ней будет всегда ценна для коммунистов всего мира, но ее биография и полное собрание ее сочинений (с которым невозможно опаздывают немецкие коммунисты, извиняемые лишь отчасти неслыханным количеством жертв в их тяжелой борьбе) будут полезнейшим уроком для воспитания многих поколений коммунистов всего мира. „Немецкая социал-демократия после 4 августа 1914 г. – смердящий труп” – вот с каким изречением Розы Люксембург войдет ее имя в историю всемирного рабочего движения» [49. Т. 44. С. 421—422].

Несмотря на сохранение в ленинской публикации достаточно высокой оценки деятельности Люксембург в ее образе, как отмечают специалисты, во-первых, были противопоставлены теоретические работы и жизнь, и, во-вторых, закладывалось основание для выявления в ее трудах некой целостной и ошибочной теории [10. С. 171].

Следующим этапом развенчания Люксембург стал 1925 г. Накануне мартовского V Расширенного пленума ИККИ (21.03.—06.04.1925) Н.И. Бухарин в журнале «Под знаменем марксизма» опубликовал первую из пяти статей «Империализм и накопление капитала», в основание которой положил критические заметки на книгу Р. Люксембург, подготовленные еще в 1914 г. [8]. Итогом этого выпада стал специальный раздел в резолюции Пленума Исполкома о большевизации Коминтерна с критикой «ошибок люксембургизма». Люксембург инкриминировалось, в частности, «неверная оценка соотношения стихийности и партийности в рабочем движении, недооценка военно-технической подготовки революции, ошибки и национальном и аграрном вопросах» [10. С. 172].

Окончательно же уничтожило иконографический образ Люксембург письмо И.В. Сталина в журнал «Пролетарская революция», опубликованное в 1931 г. В нем лидер ВКП(б), напомнив о критике Люксембург в статье Ленина «О брошюре Юниуса» 1916 года (Юниус – псевдоним Р. Люксембург), о ее участии в дискуссии 1903 года о членстве в партии и, постоянно упоминая Розу в связке с беспринципным Александром Львовичем Парвусом (Израилем Лазаревичем Гельфандом) [90. Т. 13. С. 87, 89—90], резюмировал: «Они сочинили утопическую и полуменьшевистскую схему перманентной революции (уродливое изображение

марксовой схемы революции), проникнутую насквозь меньшевистским отрицанием политики союза рабочего класса и крестьянства, и противопоставили ее большевистской схеме революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. В дальнейшем эта полуменьшевистская схема перманентной революции была подхвачена Троцким (отчасти Мартовым) и превращена в орудие борьбы против ленинизма» [90. Т. 13. С. 90—91]. Так Р. Люксембург у И. Сталина оказалась в одной связке с А. Парвусом, Л. Троцким и Ю. Мартовым, которые к этому времени идеологами партии были превращены чуть не в главных врагов СССР и большевизма.

В 1919 г. в КПП выделилась группа Генриха Лауфенберга и Фрица Вольфгейма, выступившая за народную войну и национальную защиту Германии в союзе со всеми патриотическими силами против западных империалистов. Радек с момента ее появления разглядел в ней опасность замены компартии «бесформенными революционными организациями» [76. Т. 2. С. XIII]. И хотя он видел среди представителей этой группы «в высшей степени ценных товарищей» [73. С. 4060], его жесткая критика способствовала тому, что они покинули КПП и выделились в обособленную партию – Коммунистическую рабочую партию Германии. Причем в ряде мест, например, в Гамбурге к КРПП перешло большинство членов еще молодой КПП [122. S. 352].

Революционер с дореволюционным стажем, нелегально работавший в Германии, и советский финансист Самуил Маркович Закс, наблюдая за партией Лауфенберга-Вольфгейма, говорил о том, что она страдает романтизмом и революционной фразеологией российских левых эсеров, заигрывает с буржуазной интеллигенцией и офицерством. Кроме того, он обратил внимание на тот факт, что члены КРПП, отрицая участие революционеров в работе буржуазного парламента, срывали предвыборные собрания КПП [39. 04.07.1920]. Схожий образ Коммунистической рабочей партии Германии, за которым просматривалась рука Радека, создавался на страницах «Вестника НКВД» [17. С. 30].

Позже, в августе 1921 г., Ленин в «Письме немецким коммунистам» характеризовал членов КРПП как «плохоньких коммунистов», которые никогда не получают влияния в массах, «если мы сами не будем делать ошибок» [49. Т. 44. С. 90—91]. Подтверждая верность ленинской линии, литератор, историк и дипломат Иван Михайлович Майский (Ян Ляховецкий) в 1924 г. заметил, что КРПП в политической жизни Германии уже «не играет сколь-нибудь заметной роли» [54. С. 104] '.

Несмотря на поражение во внутривнутрипартийной борьбе группы Лауфенберга- Вольфгейма, противоречий в руководстве КПП меньше не стало. К 1921 г. обозначились расхождения между Паулем Леви – одним из основателей компартии и ее руководителем с 1919 года – и левой группой ЦК. Одной из причин стало несогласие этого председателя ОКПП с «тактикой наступления», вылившейся в упомянутую «мартовскую акцию» 1921 г., которая была жестоко подавлена. П. Леви опубликовал брошюру «Наш путь. Против путчизма», в которой обвинил Коминтерн и последовавшее ему большинство ЦК ОКПП в склонности к бакунизму, в разжигании «преступного безумия» [см.: 123]. В апреле 1921 г. его исключили из компартии. В защиту экс-лидера выступила часть известных партийцев, включая К. Цеткин [3. С. 101].

На III Конгрессе Коминтерна (22.06.–12.07.1921) вокруг Леви развернулась горячая дискуссия. Ленин в то время высоко ценил германского коммуниста и выступил в его защиту. Позже, в августе того же года, он так объяснял свою позицию: «...я познакомился с Леви через Радека в Швейцарии в 1915 или 1916 году. Леви уже тогда был большевиком. А я не могу не питать известного недоверия к тем, кто пришел к большевизму лишь после его победы в России и ряда побед на международной арене. Но, разумеется, эта причина сравнительно неважная, ибо я все же знаю Пауля Леви лично весьма мало. Несравненно важнее была

вторая причина, именно та, что Леви прав по существу во многом в своей критике мартовского выступления 1921 года в Германии (конечно, не в том, будто это выступление было „путчем”: это утверждение Пауля Леви есть вздор)» [49. Т. 44. С. 92]. Однако позже, из-за новых критических выступлений Леви, Ленин изменил свой взгляд и по сути солидаризовался с Зиновьевым, Радеком и Троцким, обвинявшем экс-лидера ОКПГ в предательстве [3. С. 101; 73; 92]. Ленин начал говорить о Леви как «докатившемся до меньшевизма» [49. Т. 44. С. 105]. С переходом этого политика в СДПГ и издания им рукописей Люксембург с критикой большевиков в Москве за Леви закрепился образ «меньшевика, предателя и ренегата».

Поражение немецких коммунистов в 1923 г. породило борьбу с «правым уклоном». За отказ от вооруженного восстания руководителей КПГ Генриха Брандлера и Августа Тальгеймера, а также Карла Радека, который по заданию Исполкома Коминтерна должен был координировать восстание, сделали «козлами отпущения». Бывшие лидеры немецкой компартии оказались фактически в московской ссылке. Брандлер работал в ВСНХ СССР и Красном крестьянском интернационале. А. Тальгеймер – в институте Маркса-Энгельса и университете им. Сунь Ятсена. К. Радек был выведен из ЦК РКП(б) и покинул ИККИ.

И. Сталин, всегда относившийся с недоверием к партийным интеллигентам, стал смотреть на опальных теоретиков КПГ крайне недоброжелательно. В «Письме тов. Ме-рту» от 28 февраля 1925 г. он отметил: «Нет сомнения, что Брандлер и Тальгеймер принадлежат к разряду старого типа руководителей, отживающих свой век и оттесняемых на задний план руководителями нового типа. У нас в России процесс отмирания целого ряда старых руководителей из литераторов и старых „вождей” тоже имел место. <...> Луначарские, Покровские, Рожковы, Гольденберги, Богдановы, Красины и т.д., – таковы первые пришедшие мне на память образчики бывших вождей-большевиков, отошедших потом на второстепенные роли. Это необходимый процесс обновления руководящих кадров живой и развивающейся партии. Разница между Брандлерами – Тальгеймерами и этими последними товарищами состоит..., в том, что Брандлеры и Тальгеймеры имеют за собой, кроме всего прочего, старый социал-демократический груз, между тем как вышеназванные русские товарищи были свободны от такого груза» [90. Т. 7. С. 41-42].

На волне критики действий Брандлера и Тальгеймера к руководству КПГ пришли сначала главный редактор газеты германских коммунистов «Роте Фане» Герман Реммеле, а затем «левые» во главе с Аркадием Масловым (Исааком Ефимовичем Чемеринским) и Рут Фишер (Эльфридой Эйслер). Последняя произвела на Радека в 1919 г. впечатление человека «с очень живым, хотя не развитым умом». Это мнение совпало с оценками заместителя торгпреда СССР в Берлине и по совместительству разведчика Владимира Захаровича Турова (Вольфа Залмановича Гинзбурга) [83. Ф.413. Оп.2. Д.1754. Л.7]. Симпатизировал левым в КПГ и председатель ИККИ Г.Е. Зиновьев [116. S. 361-362].

В целом, в 1924 г. у российских коммунистов сложился положительный образ новых лидеров КПГ [46. Т. 3. С. 288]. Его закрепляли корреспонденции из Веймарской республики. Н. Кузьмин, например, в январской 1925 года статье «Ленинский день в Берлине» отмечал, что П. Маслов и Р. Фишер имеют значительную поддержку среди столичного пролетариата [39. 27.01.1925]. Действительно, левые в КПГ были популярны в Берлине – Бранденбурге [116. S. 364]. Однако вскоре все изменилось.

С X съезда КПГ, который прошел в июле 1925 г., А. Маслов и Р. Фишер постепенно отстраняются от власти. Новым лидером партии становится Эрнст Тельман, избранию которого немало поспособствовал Исполком Коминтерна [114. С. 170-178]. В результате начал создаваться положительный образ нового вождя немецких коммунистов. При этом партийные лидеры СССР и журналисты вновь действовали в унисон. И, если Г.Е. Зиновьев в мае 1925 г.

под аплодисменты слушателей говорил о том, что Тельман вышел «из самой гущи рабочих масс» [36. С. 11], то корреспондент «Известий» Вехтер в апреле и июле того же года обращал внимание читателей на тот факт, что новый лидер КПП лично скромно и является «типичным представителем среднего германского сознательного рабочего» [39. 14.04.1925, 23.07.1925].

Что касается отстраненных от власти Маслова и Фишер, то в большевистских кругах настороженность ко всем «левым» и «ультралевым, утвердившаяся со времен В. Ленина [46. Т. 3. С. 176; 49. Т. 23. С. 44, 95 и др.], быстро переросла в недоверие, а затем, и открытую неприязнь. Это хорошо отражают речи Сталина. Если, выступая в январе 1926 г., генеральный секретарь ЦК ВКП(б) говорил о группе Маслова-Фишер как об «ультралевой», которая «школьнически повторяя старые лозунги, не сумела или не хочет приспособиться к новым условиям борьбы, требующим новых приемов работы», старается «ослабить борьбу партии против „ультралевых” и тем ... вывести из-под удара» в КПП «правых» [90. Т. 8. С. 2, 9], то уже в начале марта того же 1926 года Сталин в германской секции VI Расширенного пленума ИККИ характеризовал группу Фишер-Маслова как «наиболее нежелательную и отрицательную» из «всех нежелательных и отрицательных групп компартии Германии» [90. Т.8. С.113].

Сталинские выступления шли в русле борьбы Тельмана и его сторонников против левых и ультралевых, которая завершилась 18 августа 1926 г. решением ЦК КПП об исключении А. Маслова и Р. Фишер из партии [114. С. 208]. Позицию руководства как германской партии, так и Сталина поддержала XV конференция ВКП(б) (26.11. – 3.11.1926) [46. С. 117].

И. Сталин, расширяя негативные оценки, на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в августе 1927 г. объявил немецких «левых оппозиционеров» раскольниками в международном коммунистическом движении и характеризовал их «пройдохами» и контрреволюционерами, ставшими «худшей копией ликвидаторского Августовского блока», созданного «печальной памяти» Л. Троцким в период борьбы внутри российской социал-демократии в 1912 г. [90. Т. 10. С. 7, 56, 57]. Со сталинизацией Коминтерна и ориентацией ИККИ на тельмановское руководство эти оценки Сталина закреплялись в документах ВКП(б) и Коминтерна [46. С. 178].

Собкор «Известий» Л. Кайт, опираясь на установки сталинского руководства, в своих репортажах из Веймарской республики накануне заседания ЦК КПП, исключившего «левых» из партии, стала акцентировать внимание читателей на раскольнической деятельности оппозиционеров, причем под прикрытием полиции (!) («Безуспешные попытки внести раскол в компартию Германии», «Под покровительством германской полиции») [39. 03.08.1926; 13.08.1926]. Одновременно советская журналистка подчеркивала, что большинство последователей коммунизма в Веймарской республике не поддерживает Маслова-Фишер и выступает за линию ИККИ.

Борьба с «правыми» и «левыми» в КПП интересна также с позиции эволюции (точнее, пожалуй, фарисейской игры) И. Сталина в отношении оппозиции, особенно ее так называемой интеллигентской части. Если в феврале 1925 г., руководитель большевистской партии выступал против «вышибательской политики в отношении всех инакомыслящих товарищей», «потому, что такая политика родит в партии режим запугивания, режим застрашивания, режим, убивающий дух самокритики и инициативы», и призывал ЦК КПП по примеру борьбы РКП(б) с троцкизмом к большой разъяснительной работе [90. Т. 7. С. 44—45], то уже 8 марта 1926 г., выступая в германской секции VI Расширенного пленума ИККИ и обращаясь к своему протеже Э. Тельману, заявил: «Со стороны некоторых интеллигентов раздаются голоса о том, что ЦК германской компартии слаб, что он слабо руководит, что отсутствие интеллигентских сил внутри ЦК сказывается на работе отрицательно, что ЦК не существует и

т. д. Все это неверно, товарищи. Такие разговоры я считаю выходкой интеллигентов, недостойной коммунистов. Нынешний ЦК германской компартии сложился не случайно. Он родился в борьбе с правыми ошибками. Он окреп в борьбе с „ультралевыми” ошибками. Он не является поэтому ни правым, ни „ультралевым”. Это есть ЦК ленинский. Это есть та самая руководящая рабочая группа, которая нужна теперь германской компартии. Говорят, что теоретическими знаниями не блещет нынешний ЦК. Так что ж, – была бы правильная политика, за теоретическими знаниями дело не станет. Знание дело наживное, если его нет сегодня, то оно будет завтра, а вот правильную политику, которую практикует ныне ЦК германской партии, не так-то легко усвоить иным кичливым интеллигентам. <...> По мнению некоторых товарищей достаточно тому или иному интеллигенту прочесть лишние две-три книги или написать лишнюю пару брошюр, чтобы претендовать на право руководства партией. Это неправильно, товарищи. Это до смехотворности неправильно.

Тов. Тельман! Берите этих интеллигентов на службу, если они в самом деле хотят служить рабочему делу, или Вы можете гнать их ко всем чертям, если они хотят командовать во что бы то ни стало» [90. Т. 8. С. 110—111].

Отмечаемое резкое усиление негативных оценок Сталина в адрес германских оппозиционеров к 1927 году не случайно. В это время руководимое им партийное руководство приступило к окончательному разгрому в ВКП(б) так называемой «Объединенной оппозиции». Используя известные факты о связях немецких левых с опальными лидерами большевистской партии (а Р. Фишер и А. Маслов поддержали в 1926 г. «Объединенную оппозицию» в ВКП(б)), Сталин и его единомышленники с успехом демонстрировали как своим сторонникам, так и колеблющимся, с одной стороны, международный размах фракционной деятельности Троцкого, Зиновьева, Радека и т.д., а другой – связав этих политиков с противниками сталинской линии в заграничных партиях, показывали в неприглядном свете тех представителей зарубежного левого движения, которые не принимали большевизации/сталинизации Коминтерна и международного коммунистического движения.

Укрепляя отталкивающий образ всех своих противников, Сталин в речи на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 23 октября 1927 г. обвинил оппозиционеров из ВКП(б) в передаче государственных тайн «ренегату Маслову», занятому «тем, чтобы клеветать на СССР и выдавать государственные тайны СССР буржуазии» [90. Т. 10. С. 183—184].

«Вскрытие новых сенсационных фактов» о связях очередных оппозиционеров, «выявленных» в ВКП(б), с единомышленниками из КППГ имело место и позже при каждой новой компании разоблачений. Например, Сталин и его креатура связали временное отстранение Э. Тельмана от руководства КППГ в сентябре 1928 г. с фракционной деятельностью в ВКП(б) и Коминтерне «правой оппозиции» в лице председателя ИККИ Николая Ивановича Бухарина, главы СНК СССР Алексея Ивановича Рыкова и председателя ВЦСПС Михаила Павловича Томского (Ефремова). В действительности, большинство ЦК КППГ приостановило руководство партией со стороны Тельмана из-за его близости к секретарю гамбургской парторганизации Йону Витторфу, которого обвинили в растрате партийной кассы («дело Витторфа») [114. С. 281—282]. Сталин, игнорируя эти факты и возмущаясь произошедшим, заявил перед проверенной аудиторией на Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 г.: «Таким образом, ... вместо борьбы с правым уклоном и примиренчеством ... получилась борьба с революционным руководством германской компартии, борьба с т. Тельманом, борьба, имеющая своей целью прикрытие правого уклона и утверждение примиренчества в рядах германских коммунистов. / И вот, вместо того, чтобы ... призвать к порядку примиренцев, Бухарин предлагает ... санкционировать переворот примиренцев, отдать КППГ примиренцам, а т. Тельмана вновь ошельмовать... И это называется „руководитель” Коминтерна! Да разве бывают на

свете такие „руководители“?» [90. Т. 12. С. 24]. Далее Сталин связал критикуемую правую оппозицию в ВКП(б) с выступившими против Тельмана «примиренцами» из КПП, Герхардом и Артуром Эвертом (кстати, участником боев в Гамбурге 1923 г. и верным коминтерновцем, положившем свою жизнь за идеи коммунизма).

Сталин обнаружением союза «правых уклонистов» с «примиренцами» в КПП не остановился. Далее он соединил их всех с вернувшимися к активной политической деятельности Тальгеймером и Брандлером. Настаивая на исключении этих политиков из КПП, Сталин выдвигал оппонентам следующие претензии: «„Позиция“ Бухарина и его друзей в этом кардинальном вопросе состояла в том, что они все время уклонялись от участия в решении этого вопроса. По сути дела решался вопрос о судьбе германской компартии. А Бухарин и его друзья, зная об этом, тем не менее, все время тормозили дело, систематически уклоняясь от участия в заседаниях соответствующих инстанций. Ради чего? Ради того, должно быть, чтобы остаться „чистенькими“ и перед Коминтерном и перед правыми в германской компартии. Ради того, чтобы потом можно было сказать: „Это не мы, бухаринцы, а они, большинство ЦК, провели исключение Брандлера и Тальгеймера из компартии“» [90. Т. 12. С. 25].

В ВКП(б) приняли и поддержали оценки Сталина [46. Т. 4. С. 430—431, 442]. В Коминтерне, приложив немало усилий, также доказали единство «правых» и лидеров «примиренцев» [96. С. 198]. Подхватила эту линию и партийная пресса. «Известия», например, в июне 1929 г. с нескрываемым удовлетворением сообщали о том, что руководство КПП сумело доказать прямую связь «примиренцев» с брандлеровцами: заявление А. Эверта о том, что фашизм и демократия различаются («разные вещи»), что главным врагом коммунистов является фашизм, а не демократия, были «расценены тов. Винником» (и советская газета солидаризировалась с его словами) «двурушничеством» и проповедью взглядов Брандлера [39. 13.06.1929].

Итак, в период Веймарской республики негативные оценки получали все противники зиновьевско-сталинской линии Коминтерна. Однако, известный скепсис о будущем социализма в Германии существовал даже у тех членов КПП, кто проходил специальное идеологическое обучение в Москве. Показателен анекдот, рассказанный один из таких подкованных немецких коммунистов: приятель спрашивает другого: «Как ты себя чувствуешь?» – «Да как на пароходе: перспективы великолепны, но тошнит и податься некуда» [81. С. 145].

Заключение.

Отдавая должное тысячам немецких коммунистов, отдавших жизни в борьбе с нацизмом, мы должны признать, что все годы существования Веймарской республики у советских современников сохранялось неадекватное представление о силе КПП. Этот факт объясняется не только большим числом сторонников партии (крупнейшей коммунистической партии в Европе после РКП(б)/ВКП(б)), но и тем, что российские коммунисты входили вместе с немецкими партийцами в одну организацию – Коминтерн, о котором его первый руководитель Г.Е. Зиновьев говорил так: «это единая пролетарская партия, распространенная по разным странам, это больше, чем партия, – это секта или даже своего рода нация, поскольку без единства крови, единство культуры, верований, образа жизни может создавать только нация» [25. С. 10].

В условиях насаждения и распространения в советском обществе мифологизированного сознания такой подход априори вел к утверждению стереотипов – этих эмоционально окрашенных, устойчивых и упрощенных воззрений, основанных преимущественно не на индивидуальном, а на коллективном опыте [21. С. 87]. Причем включение в этот процесс идеологического фактора лишь укрепляло стремление «разглядеть и доказать» как преимущества и

перспективы именно своей политической группы, так и историческую бесперспективность иных (враждебных) сил. Не случайно в Германии только КППГ (как, впрочем, и коммунистические объединения других стран) были для большевиков «нашей или братской партией» [см., напр.: [46. Т. 3. С. 287; 50. С. 318; 62. С. 4], наделенной в основном положительными характеристиками. Редкие объективные оценки реальной силы немецких коммунистов, которые поступали в Москву, например, по дипломатическим каналам, ситуации не меняли. Коллективные представления подавляли индивидуальные.

Для Советской России/СССР укрепление неадекватного мнения о КППГ имело многочисленные пагубные последствия. В частности, почти бездумно веруя в будущую победу этой партии во внутриполитической борьбе, большевики щедро ее финансировали, чем, по сути, «выбрасывали на ветер» значительные государственные средства, которые могли бы использоваться на нужды собственной страны. Кроме того, неадекватное мнение о силе немецких коммунистов негативно сказывалось на формировании внешнеполитической линии Советской России/СССР. В частности, на обострение отношений с немецкой правящей элитой в годы Веймарской республики и на недооценке угроз со стороны Германии для народов Советского Союза после прихода к власти нацистов.

Библиографический список

1. Авдеева А. В стране, где правит капитал: Из записок делегатки на Всегерманский конгресс рабочих. М.: ВЦСПС, 1930. 32 с.
2. Артемов В. А. 1921 год в Германии: путч или революция? // Нестор. Воронеж, 1993. Вып. 2. С. 26—33.
3. Артемов А.В. Карл Радек: жизнь и судьба. Воронеж: ЦЧКИ, 2000. 175 с.
4. Архив внешней политики РФ.
5. Бабиченко Л. Г. Политбюро ЦК РКП(б), Коминтерн и события в Германии в 1923 г. Новые архивные материалы // Новая и новейшая история. 1994. № 2. С. 125—157.
6. Биншток Г. Очерки германской революции: Встречи и впечатления. М.: Книга, 1921. 100 с.
7. Бухарин Н.И. О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем: Ответ академику И. Павлову. Л.: Госиздат, 1924. 60 с.
8. Бухарин Н.И. Империализм и накопление капитала // Под знаменем марксизма. 1924, № 4/5, 6/7, 8/9; 1925, № 1/2, 3.
9. Бухарин Н.И. Международное положение и задачи Коминтерна: Отчет делегации ВКП(б) в ИККИ на XV съезде ВКП(б). Продолжение доклада // Известия. 14.12.1927.
10. Ватлин В.А. Любимцы партии и мученики эпохи: Роза Люксембург и Николай Бухарин // Германия и Россия: События, образы, люди: сборник российско-германских исследований. Вып. 7: Специальный. Воронеж: Научная книга, 2009. С. 166—176.
11. Ватлин А.А. Советская Россия и германская революция 1918 года // Новая и новейшая история. 2017. № 5. С. 65—79.
12. Второй Конгресс Коминтерна (июль – август 1920 г.) / под ред. Д.З. Мануильского. М.: Партиздат, 1934. 754 с.
13. Второй Конгресс Коммунистического Интернационала: стенографический отчет. Петроград: Коминтерн, 1921. 682 с.
14. Галечко И.И. Образ Советской России в демократических кругах Веймарской республики // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. 2010. Гуманитарные науки. № 1/1 (4). С. 5—23.
15. Генри Э. Заметки публициста. М.: АПН, 1988. 307 с.
16. Герварт Р., Хорн Дж. Большевизм как фантазия: страх перед революцией и контрреволюционное насилие (1917—1923 годы) // Война во время мира: Военизированные конфликты после Первой

- мировой войны 1917—1923 / под ред. Р. Герварта, Дж. Хорна. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 63—80.
17. Германия на распутье // Вестник НКВД. 1920. № 9/10. С. 36.
 18. Герхард. Ноябрьские выборы в Германии // Мировое хозяйство и международная политика. 1932. № 11—12.
 19. Гинцберг Л.И. Рабочее и коммунистическое движение в борьбе против фашизма (1929—1933). М.: Наука, 1978. 232 с.
 20. Гинцберг Л.И. Сталин и КПП в преддверии гитлеровской диктатуры (1929—1933 гг.) // Новая и новейшая история. 1990. № 6. С. 21—40.
 21. Голубев В.А. Советское общество 1930-х годов и формирование внешнеполитических стереотипов // Россия и Европа в XIX—XX веках: Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М.: ИРИ РАН, 1996. С. 86—115.
 22. Голубев В.А. «Немцы-то придут с машинами и пулеметами...» Германия в восприятии советского общества 1920-х — начала 1930-х годов // Веймарская республика: история, историография, источниковедение / отв. ред. В.Л. Черноперов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2011. Вып. 5. С. 98—118.
 23. Григорьева О.И. Формирование образа Германии советской пропагандой в 1933—1941 гг.: автореф. дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02. МГУ, 2008. 28 с.
 24. Гус М. Безумие свастики. М.: Сов. писатель, 1973. 392 с.
 25. Двенадцатый съезд РКП(б), 17—21 апреля 1923 г.: стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1963. XXIV + 884 с.
 26. Документы внешней политики СССР. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1 (7.11.1917 — 31.12.1918). 773 с.; 1958. Т. 2 (1.01.1919 — 30.06.1920). 803 с.
 27. Дорожкин А.Г. Российская капиталистическая индустриализация в освещении германской литературы начала XX в. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия / отв. ред. А. В. Голубев. Вып. 4. М.: ИРИ РАН, 2007. С. 253—269.
 28. Драбкин Я.С. Четверо стойких: К. Либкнехт, Р. Люксембург, Ф. Меринг, К. Цеткин: Документальная повесть. М.: Политиздат, 1985. 367 с.
 29. Ерин М.Е. Распад партийной системы и крах Веймарской республики: Учеб. пособие. Ярославль: Ярослав. гос. ун-т, 1992. 112 с.
 30. Женин И.А. Восприятие России консервативными интеллектуалами Германии: автореф. дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.03. М.: РГГУ, 2010. 25 с.
 31. Заиченко О.В. Немецкая публицистика и формирование образа России в общественном мнении Германии в первой половине XIX века : автореф. дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.03. М.: б.и., 2004. 25 с.
 32. Зиновьев Г. Е. Двенадцать дней в Германии. Пг.: Госиздат, 1920. 80 с.
 33. Зиновьев Г.Е. Германский кризис и задачи партии. М.; Пг.: Госиздат, 1923. 56 с.
 34. Зиновьев Г.Е. Вторая волна международной революции // А. Маслов. Очерки современной Германии. М.: Молодая гвардия, 1924. С. 66—73.
 35. Зиновьев Г.Е. Частичная стабилизация капитализма и задачи Коминтерна и РКП(б): К итогам расширенного пленума ИККИ. М.: Московский рабочий, 1925. 64 с.
 36. Зиновьев Г.Е. Гинденбург и Европа: доклад, прочитанный 21 мая 1925 г. в пользу касс взаимопомощи пролетарского студенчества. М.: Московский рабочий, 1925. 28 с.
 37. Зиновьев Г.Е. Карл Либкнехт. М.: Журнально-газетное объединение, 1933. 216 с.
 38. Из истории борьбы германского народа за мир и дружбу с Советской Россией (1921—1925 гг.) // Исторический архив. 1959. № 5. С. 3—23.
 39. Известия, 1918—1930: газета ВЦИК Советов крестьянских, рабочих, солдатских и казачьих депутатов и Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов (1918—1923), газета ЦИК СССР и ВЦИК (1923—1930).
 40. Ильина Н.Л. Германский национализм 20-х годов XX века в зеркале русской эмигрантской прессы и публицистики // Веймарская республика: история, историография, источниковедение / отв. ред. В.Л. Черноперов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2011. Вып. 5. С. 119—132.

41. Калинин М.И. Избранные произведения: в 4 т. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 1 (1917—1925). 784 с.
42. Козелев Б.Г. Оккупация Рура и российские профессиональные союзы. М.: ВЦСПС, 1923. 47 с.
43. Коллонтай А.М. Избранные статьи и речи / сост. И.М. Дажина, М.М. Мухаменджанов, Р.Я. Цивлина. М.: Политиздат, 1972. 430 с.
44. Коллонтай А.М. «Революция – великая мятежница...». Избранные письма. 1901—1952 гг. / отв. ред. В.Н. Колечникова. М.: Сов. Россия, 1989. 608 с.
45. Коминтерн и идея мировой революции: документы / сост. Я.С. Драбкин и др. М.: Наука, 1998. 949 с.
46. Коммунистическая партия в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986) 9-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1983. Т. 2 (1917—1922). 606 с.; 1984. Т. 3 (1922—1925). 494 с.; Т. 4 (1926—1929). 575 с.
47. Кривицкий В. Г. Я был агентом Сталина // Вопросы истории. 1992. № I. С. 81—100.
48. Ларин Ю. Политическая география революционной Германии // А. Чекин (В. Яроцкий). Германия на перевале. М.: Молодая гвардия, 1924. 54 с.
49. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат, 1965—1977. Т. 23—50.
50. Луначарский А. В. Статьи и речи по вопросам международной политики / состав. А.А. Истомин. М.: Соц.-экономич. лит.-ра, 1959. 452 с.
51. Луначарский А.В. Собр. соч.: Литературоведение, критика, эстетика: 8 т. М.: Худ. литература, 1964. Т. 4 : История западноевропейской литературы в ее важнейших моментах. На западе. 546 с.
52. Лучников А.В. Восприятие Веймарской Германии советскими лидерами и руководством Коминтерна как наиболее вероятного объекта мировой революции в 1919—1932 гг. // Новый век: история глазами молодых: Сб. науч. тр. Саратов: Научная книга, 2006. Вып. 4. С. 133—148.
53. Люксембург Р. О социализме и русской революции: Избранные статьи, речи, письма. М.: Политиздат, 1991. 398 с. Раздел 5.
54. Майский И.М. Современная Германия. М.; Л.: Красная новь, 1924. 168 с.
55. Макаренко П.В. Советская внешняя политика по отношению к Веймарской Германии по материалам «Особой папки» Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) // Вестник Тамбовского университета. 2010. Серия: Гуманитарные науки. С. 266—271.
56. Макаренко П.В. Советско-германские отношения после «германского Октября» // Научные ведомости. 2010. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. № 19 (90). Вып. 16 С. 182—187.
57. Мануильский Д.З. Германская революция и СССР. Харьков: Путь просвещения. 1923. 70 с.
58. Мануильский Д.З. Исторический перелом в германской компартии. Харьков: Пролетарий, 1926. 24 с.
59. Мануильский Д.З. Компартии и кризис капитализма: Доклад XI Пленуму ИККИ. М.; Л.: Московский рабочий, 1931. 126 с.
60. Мануильский Д.З. Конец капиталистической стабилизации и мировой революционный подъем. Об итогах XII Пленума ИККИ. Доклад на Московском партактиве 21 октября 1932 г. М.: Партиздат, 1932. 64 с.
61. Марголит Е.Я. Страна–двойник: Германия в советских фильмах межвоенного времени // Родина. 2002. № 10. С. 68—71.
62. Мархлевский Ю. Революционное движение в Германии и Польше: Доклад, читанный 16 ноября 1923 г. в Екатеринбургском коммунистическом клубе. Екатеринбург: Уралкнига, 1923. 24 с.
63. Микоян А.И. В начале двадцатых... М.: Политиздат, 1975. 383 с.
64. Орлова М.И. Германия 1918—1939 годов: Лекции по курсу. МГУ, 1973. 124 с.
65. Орлова, М. И. Революционный кризис в Германии и политика Коммунистической партии. МГУ, 1973. 432 с.
66. Павловский Е. Довоенная заработная плата в золотом исчислении или гибель германского пролетариата // Коммунистический Интернационал, 1923. № 28—29. С. 7551—7560.
67. Первый Конгресс Коммунистического Интернационала, март 1919 г. / Б. Кун, Е. Короткий Е., ред. О. Пятницкий. М.: Партиздат, 1933. 283 с.

68. Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) и Коминтерн: 1919—1943 гг.: документы М.: РОССПЭН, 2004. 961 с.
69. Равич Н. Молодость века: Война без фронта. М.: Худ. литература, 1972. 614 с.
70. Радек К. Крушение германского империализма и задачи международного рабочего класса: Доклад, прочитанный 7 октября в Москве в Советском театре. М.: ВЦИК, 1918. 48 с.
71. Радек К. Коммунистическая партия в Германии. Издание Политотдела 2-ой армии Восточного фронта, 1919. 8 с.
72. Радек К. На службе германской революции: Сб. ст. М.: Госиздат, 1921. 269 с.
73. Радек К. Падение Пауля Леви (послесловие к брошюре «Тактические разногласия в ОКПГ») // Коммунистический Интернационал. 1921. № 17. С. 4051.
74. Радек К. Внешняя политика Советской России. М.; Пг.: Госиздат, 1923. 112 с.
75. Радек К. Перед новой волной революционных потрясений (две речи тов. Радека): II. Ослабление наступления капитала и задачи Коминтерна // Коммунистический Интернационал. 1923. № 26/27 С. 7126—7178.
76. Радек К. Германская революция: В 2 т. М.: Госиздат, 1925. Т. 1: Империализм, война и возникновение Германской компартии. 512 с.; Т. 2: Ноябрьская революция в Германии. 350 с.
77. Радек К. Ноябрь. Страничка из воспоминаний // Красная новь. 1926. № 10. С. 139—175.
78. Радек К., Луначарский А.В. Карл Либкнехт. М.: [б.и.], 1918. 32 с.
79. Радо Ш. Под псевдонимом Дора. М.: Воениздат, 1973. 320 с.
80. Раковский Х.Г. Грядущая революция. В Лозанну и обратно: Путевые заметки о международном положении. М.; Пг.: Высший военный редакционный совет, 1923. 40 с.
81. Раскольников М.В. Тень быстротечной жизни: Повесть. М.: Сов. писатель, 1991. 176 с.
82. Российский государственный архив социально-политической истории.
83. Российский государственный архив экономики.
84. Рокитянский Л.Г. Великий Октябрь, Ленин и Независимая социал-демократическая партия Германии // Ежегодник германской истории, 1970. М.: Наука, 1971. С. 119—152.
85. Савельев П.Ю., Тютюкин С.В. Юлий Осипович Мартов (1873—1923): человек и политик // Новая и новейшая история. 1995. № 5. С. 130—166.
86. Свердлов Я. М. Избранные произведения: В 3 т. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 2. 330 с.; 1960. Т. 3. 276 с.
87. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОСПЭН, 2006. 288 с.
88. Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора: Сб. документов / редколл. С. ДERNBERG и др. Т. I (1917—1918). М.: Политиздат, 1968. 758 с.
89. Соколов В.В. Неизвестный Г.В.Чичерин. Из рассекреченных архивов МИД РФ // Новая и новейшая история. 1994. № 2. С. 3—18.
90. Сталин И.В. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1952—1953. Т. 4—13.
91. Стрельбицкий И.С. Чтобы человек понял // Командарм Якир. Воспоминания друзей и соратников / сост. П.И. Якир, Ю.А. Геллер. М.: Воениздат, 1963. 139—144.
92. Троцкий Л.Д. О политике К.А.Р.Д. // Коммунистический Интернационал. 1921. № 17. С. 4152.
93. Троцкий Л. Д. Сочинения. М.; Л.: Госиздат, 1926—1927. Т. 8—17.
94. Туполев Б.М. В.И. Ленин и объединение левых независимцев с КПГ // Ежегодник германской истории. 1971. М.: Наука, 1973. С. 111—149.
95. Тых Ф., Шумахер Х. Юлиан Мархлевский. Биографический очерк / пер. с польск. под ред. И.А. Хренова. М.: Мысль, 1969. 367 с.
96. Фельштинский Ю.Г. Два эпизода из истории внутрипартийной борьбы: конфиденциальные беседы Бухарина // Вопросы истории. 1991. № 2/3. С. 182—203.
97. Фельштинский Ю. Г. Крушение мировой революции. Брестский мир: Октябрь 1917 — ноябрь 1918. М.: Terra, 1992. 656 с.

98. Фролова О.Е. Германия, Берлин и немцы в романе В.В. Набокова «Дар» // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия / отв. ред. А. В. Голубев. Вып. 4. М.: ИРИ РАН, 2007. С. 293—310.
99. Черноперов В.Л. Театр Веймарской республики глазами А.В. Луначарского // Копелевские чтения. Россия и Германия: диалог культур. Липецк: Лип. гос. пед. ун-т, 1998. С. 213—218.
100. Черноперов В.Л. Берлин и берлинцы в зеркале сообщений членов делегации Моссовета 1924—1925 гг. // Германия и Россия: События, образы, люди. Вып. 3. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2000. С. 98—103.
101. Черноперов В.Л. Идея «мировой революции» и советско-германские отношения 1917 — 1919 годов // Толерантность и агрессивность в истории и современности: материалы круглого стола. Иваново, 25 июня 2002 г. Иваново: Иван. гос. ун-т. 2002. С. 55—67.
102. Черноперов В.Л. Противоборство «дипломатов ленинской школы» во время советско-германского конфликта 1924 г. // Личность. Культура. Общество. 2005. Т. VII. Вып. 2 (26). С. 254—274.
103. Черноперов В.Л. Дипломатическая деятельность В.Л. Коппа в Германии в 1919—1921 гг. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2006. 436 с.
104. Черноперов В.Л. Дипломатическая деятельность В.Л. Коппа и подготовка большевиками «германского Октября» в 1923 г. Иваново: Иван. гос. ун-т; Н. Новгород: Ин-т стратегич. исслед. ННГУ, 2006. 168 с.
105. Черноперов В.Л. Социально-экономические достижения Веймарской республики глазами советских современников // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия / отв. ред. А. В. Голубев. Вып. 4. М.: ИРИ РАН, 2007. С. 270—292.
106. Черноперов В.Л. Из истории связей большевиков и германских националистов в 1919 — 1921 годах // Россия и Германия. М.: Наука, 2007. Вып. 4 / отв. ред. Б.М. Туполев. С. 119—149.
107. Черноперов В.Л. Лариса Рейснер и ее произведения о Германии 1923 г. // Германия и Россия: События, образы, люди: сборник российско-германских исследований. Вып. 7: специальный. Воронеж: Научная книга, 2009. С. 82—126.
108. Черноперов В.Л. Германия 1923 г. в преломлении изданий текстильной столицы СССР // Российская история. 2011. № 5. С. 158—161.
109. Черноперов В.Л. Образы «Россия и русские», «Кайзеровская империя и немцы», «Антанта и народы стран Согласия» на страницах дневника Ю.В. Готье (1917—1918 гг.). URL: <http://rosmir.iriran.ru/archival.php?id=44>
110. Чистяков В.В. О формировании компартии Германии // Советские историки-германисты: кто они, над чем работают? Бюллетень № 1. М.: ИВИ РАН, 1991. С. 129—139.
111. Чичерин Г.В. Моцарт. Исследовательский этюд / общ. ред., вступит. слово и примеч. Е.Ф. Бронфин. 8-е изд. Л.: Музыка, 1987. 206 с.
112. Шейнис З.С. Товарищ Сергей. М.: Сов. Россия, 1990. 256 с.
113. Шириня К.К. Троцкий и Коминтерн // Новая и новейшая история. 1991. № 1. С. 3—18.
114. Эрнст Тельман: Биография / Г. Хортщански, В. Виммер. Л. Бертольд и др., пер. с нем. М.: Политиздат, 1984. 559 с.
115. «Я прошу записывать меньше: это не должно попасть в печать...»: Выступления В.И. Ленина на IX конференции РКП(б) 22 сентября 1920 г. // Исторический архив. 1992. № 1. С. 12—30.
116. Bahne S. Zwischen «Luxemburgismus» und «Stalinismus». Die «ultralinke» Opposition in der KPD // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1961. H. 9. S. 359—383.
117. Böll H., Kopelev L. Warum wir aufeinander geschossen? / mit beitr. K. Bednarz. Bornheim-Merten : Lamuv, 1981. 222 S.
118. Briefe deutscher an Lenin, 1917—1923 : Vertreter der deutschen Arbeiterbewegung im Briefwechsel mit Lenin / hrsg. u. eingel. von R. Stoljarowa u. P. Schmalfluss. B.: Dietz, Cop. 1990. 390 S.
119. Ergebnisse der Wahlen im Reich. 1919—1933 // Die Weimarer Republik: Politik. Wirtschaft. Gesellschaft / hrsg. K.-D. Bracher. Bonn: Bundeszentrale für polit. Bildung, 1987. S. 630.

120. Freund G. Unholy Alliance. Russian-German Relations from the Treaty of Brest-Litovsk to the Treaty of Berlin. L.: Chatto a. Windus, 1957. 283 p.
121. Hofmann R. Geschichte der Parteien : von der Kaiserzeit bis Gegenwart. München: Piper, 1993. 382 S.
122. Illustrierte Geschichte der deutschen Revolution. B.: Internationaler Arbeiter-Verlag., 1929. 534 S.
123. Levi P. Unser Weg. Wider den Putschism. 1921. URL: <https://www.marxists.org/deutsch/archiv/levi/1921/weg.htm> (дата посещения: 19.10.2017).
124. Weber S. Ein kommunistischer Putsch? Märzaktion 1921 in Mitteldeutschland. B. Dietz Cop., 1991 341 S.
125. Weber S. Die Marzaktion 1921 in Mitteldeutschland – Putsch oder Provokation ? // Beitrage zur Geschichte der Arbeiterbewegung. 1991. № 1. S. 147–159.
126. Winkler A.-H. Von der Revolution zur Stabilisierung. Arbeiter und Arbeiterbewegung in der Weimarer Republik 1918 bis 1924. 2. Aufl. B.; Bonn: Dietz Verlag, 1985. 788 S.

Сведения об авторе

Черноперов Василий Львович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета vlchernoperov@rambler.ru

О сетевом издании «История. Общество. Политика.»

Периодичность и форма издания: «История. Общество. Политика» - сетевое издание с периодичностью выхода 4 раза в год.

Начало издания: декабрь 2016 г.

Учредителем и издателем сетевого издания является Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Информация о регистрации: Сетевое издание «История. Общество. Политика.» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ЭЛ №ФС 77-66859 от 15.08.2016 г.

Знак информационной продукции 16+

Сетевое издание будет представлено в Научной электронной библиотеке (НЭБ) — головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Сайт сетевого издания: <http://www.clio-brgu.ru> поддерживает русскоязычную и англоязычную версии. Сетевое издание находится в открытом доступе: весь контент доступен пользователям бесплатно. Читатели в рамках законодательства имеют возможность искать, читать, загружать, копировать, распространять, печатать полные тексты статей или ссылаться на них.

Тематика сетевого издания

Сетевое издание специализируется на публикации научных статей, содержащих новые научные результаты в области теоретических и прикладных исследований и соответствующих по тематике следующим отраслям науки из Номенклатуры специальностей научных работников:

- 07 – исторические науки и археология;
- 23 – политология

К публикации принимаются статьи, написанные на русском, английском и немецком языках. Русскоязычные статьи включают полный текст на русском языке и аннотированную часть на английском языке. Англо- и немецкоязычные статьи, наоборот, включают полный текст соответственно на английском или немецком языке и аннотированную часть на русском языке. *Статьи публикуются на некоммерческой основе.*

Рецензирование рукописей

Все статьи, поступающие в редакцию для публикации, направляются на независимое рецензирование специалистами в данной области, имеющими в течение последних 5 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензирование организуется редакционной коллегией. Рецензии хранятся в издательстве в течение 5 лет. Редакционная коллегия направляет авторам представленных для публикации материалов копии рецензий при наличии в них замечаний или мотивированный отказ в публикации. Редакционная коллегия принимает решение о публикации статьи на основании проведенного рецензирования. Редакционная коллегия направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

• Контакты

Рукописи статей, подготовленных с учетом требований редакции сетевого издания «История. Общество. Политика» следует присылать на электронную почту artamoshinsv@mail.ru

Почтовый адрес для предоставления статей: 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14, корп. 2, каб. 201

Телефон для справок по поводу публикации и техническому оформлению статей: +7 (4832) 66-66-45

Адрес в сети Интернет: www.clio-brgu.ru